

КУРС О ВОЙНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ «ШЕСТИЛЕТОК»

Химический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
1952–1957 гг.

Издание второе,
исправленное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИАН» ПРЕСС

МОСКВА - 2008

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос)-4
К93

**Курс о войне: Воспоминания шестилеток:
Химический факультет МГУ имени М.В. Ломоно-**
К93 **сова, 1952-1957 гг.:** Сборник. - 2-е изд.,
испр. и доп. - М.: МАКС Пресс, 2008. - 140
с.: ил. (8 вкл.)
ISBN 978-5-317-02559-5

Сборник состоит из воспоминаний о Великой Отечественной войне однокурсников Химического факультета МГУ выпуска 1957 года. Воспоминания детские, но очень яркие. Детская наблюдательность запечатлела в памяти много правдивых деталей. География воспоминаний не ограничивается Москвой, т.к. на курсе учились студенты со всех концов страны. Взрослые вспомнят свой опыт, свои впечатления, а дети смогут лучше понять историю нашей страны, что поможет им стать мудрее и добрее.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос)-4

ISBN 978-5-317-02559-5 © Авторы, 2006
© Оформление. Издательство «МАКС Пресс»,
2008
© Авторы, 2008, с изменениями

...В период очередных торжеств,
связанных с Победой, заслуженно
вспоминают тех, кто героически
воевал,
самоотверженно трудился,
кто был в оккупации, в плену,
кто был сыном полка.
Но почему-то не вспоминают нас –
тех, кто просто жил,
испытывая вместе со страной
все невзгоды страшной години.
А ведь мы положили на алтарь Побе-
ды своё детство!..

Химический факультет

МГУ имени М. В. Ломоносова

Здание на Моховой

Здание на Ленинских Горах

Майя Бабина

ДВА КУВШИНЧИКА НА БУФЕТЕ

Надо было дорисовать классики на асфальте, а мел закончился. Старательно шлифуя кусок какой-то известки, смуглая шестилетка с косичками вокруг головы вдруг остановила работу. К ней бежала, запыхавшись, младшая сестра. «Мама плачет», – только и вымолвила она. Стремглав помчались домой. Мама сидела с годовалым братом на коленях, и по ее щекам медленно скатывались слёзы.

«Война, дочки, – прошептала она дрожащими губами, – война...» Мама не плакала никогда, незнакомое слово скрывало какую-то страшную угрозу, и мы замерли маленькой, горестной группкой. 13 июля 1941 года. Уходит на фронт отец. Уходит, несмотря на бронь и наличие троих малышей. Мама лежит с сердечным приступом. Шестилетка остаётся за старшую с грудой обязанностей...

А война уже ставит свои метки. Стремительно исчезают из магазинов продукты. На полках бутерброды с крабами, но и их расхватывают мгновенно. Накатывается тревожное голодное существование. Вводятся карточки на хлеб.

Мама в шоке. Нужно доставать керосин, запастись на зиму дрова. И добывать хоть какие-нибудь продукты. Я за няньку у тяжеленного брата. В октябре ему исполняется два года. Но, кроме домашней работы, надо было успеть поиграть во дворе, попрыгать через веревочку, поискать цветные стеклышки, послушать замечательные сказки взрослой подружки Тамары со сложной фамилией – Хадерер.

Через неделю новое горе – уезжает семья Тамары. «Эвакуируют, – произносят непонятное слово соседи, – в Сибирь». Тогда я впервые услышала определение – «поволжские немцы». Двор пла-

кал. Уезжали навсегда: красавица Вера, статный Борис, военный летчик, и милая добрая Тамара с её сказками. Сдерживая слёзы, их мама одаривала соседей на память трогательными фарфоровыми безделушками. До сих пор хранятся у нас два изящных бело-голубых кувшинчика.

Сентябрь 1942 год. Школа. Очень строгая, седая и прямая учительница в пенсне. Не помню ее с улыбкой. Страх – ее рассердить. Вечный страх – пролить на платье чернила из непроливайки. В классе только девочки – школа женская. 3-я Женская средняя школа имени А.С. Пушкина. Вечная благодарность ей за то, что учила и зубрить, и думать. Непреходящее чувство голода. Еда: черный хлеб (по маленькому кусочку), пшенная каша на воде, свекла, тыква. Нам с сестрой кажется, что мама вообще ничего не ест, и мы шипим на незнательного братишку – оставь маме! Мучительно хочется сладкого. И булки «с посыпкой».

В институте отца начинают выдавать на детей молоко. Институт зооветеринарный, есть, так называемый, «учхоз» – учебное хозяйство. Ездить за молоком – моя обязанность. Снова испытываю постоянный страх. Страх – не сесть в переполненный трамвай и остаться на подножке, страх – не суметь сквозь толпу выскочить на остановке, страх – уронить тяжелый трехлитровый бидон. Острая ручка врезается в ладонь. Мне восемь лет.

Нашла на помойке ободранную книгу без титульного листа. Наткнулась на название повести «Страшная месть». Стала читать запоем. Потом «Ночь перед рождеством». И, наконец, любимейшая «Сорочинская ярмарка», где было и удивительное приглашение приехать, и столько красок, солнца, фруктов, еды и веселья... Позже узнала, что это – Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки» – моя первая взрослая книга.

Бомбежки, воеет сирена. Окна заклеены крест-накрест. Все соседи нашей коммуналки собираются в одной кухне без окон. Это самое изолированное место в квартире. Бомбят нефтеперерабатывающий завод на левом берегу Волги. Пламя и черный дым на горизонте хорошо видны и на нашем правом саратовском берегу. С едой становится чуть легче – получаем офицерский лимит отца. Я хожу в очередь за продуктами. Безумный страх – потерять продуктовые карточ-

ки и лимитную книжку. Мама не работает. Живем на офицерское пособие, вчетвером.

Приезжает тётя, старшая мамина сестра, У нее умерла дочь, и убили мужа. Она становится второй нашей матерью, прожив с нами всю свою жизнь и помогая растить наших детей. От отца приходят письма, напоминающие сводки боевых действий. А маме так хочется слов любви... Фотокарточка с надписью «Невская Дубровка», где тридцати пятилетний отец, жизненный и спортсмен, выглядит глубоким стариком. Это Ленинградский фронт. Отец поседел при виде горы детских трупики на Ладого. Его худоба приводит в ужас. Но счастье – письма приходят.

Часто болеет мама. Она измучена тревогой за детей и мужа. Она измучена примусом и керосинкой, где нужно кипятить белье и готовить еду из скудных продуктов. Она измучена непосильным трудом на огороде в 20 км от дома, откуда на поезде и трамвае в толпе, на своих плечах, приходится тащить картошку, свеклу, тыкву. Традиционные лакомства на праздник – свекольное варенье и тыквенный торт – ожидалась, как чудо. Появилось мороженое, которое, припечатанное вафлями, выдавливалось из круглых металлических форм двух размеров. Иногда нам давали деньги на малый кружок, и это сладкое счастье трудно описать словами.

Огромное событие – фильм «В 6 часов вечера после войны». Раз об этом сказали с экрана, значит так и будет – война скоро закончится. И, несмотря на тревожные сводки, слезы от похоронок, хроническое недоедание, утвердилась вера – война скоро закончится.

В коммуналке жили лилипуты. Братья – Павел Иванович и Николай Иванович, цирковые артисты. Днем они энергично репетировали во дворе, на каких-то сложных металлических конструкциях, а мы смотрели, затаив дыхание. Выпив затем по рюмочке, братья стремительно пьянели и шли спать. Мы спрашивали маму: лилипуты, они же люди. Почему они такие? Эта природная аномалия была нам решительно непонятна. Их добрейшая мама Евдокия Михайловна, сухонькая старушка, совала нам иногда сладости из артистических пайков.

Особое место занимал уход за двором. Высаживание цветов на клумбы, полив цветов, срезание сирени. У всех обитателей двора были свои конкретные обязанности. Летом забывалось о запахах помойки и уборной – двор утопал в зелени и цветах.

От папы пришла посылка! И, о радость, там был темный шоколад в круглой коробке, в коричневой вощёной бумаге. Он был разделен на секторы, и от запаха его и горьковатого вкуса кружилась голова! Незабываемый запах имела и американская тушёнка. А из четырех платков полосатого шелка мама сшила мне шикарный сарафан.

Мы выступаем с концертами в госпиталях. «Прощай любви-и-имый город», – старательно выводила я детским своим голосом. Раненые нас обожали. Многие плакали, вспоминали свои семьи, своих детей.

Я дружу с девочкой из класса, у которой нет родителей. Её воспитывает бабушка, светлая, ласковая старушка. Потом появляется её мама. Она днями сидит на уличной скамейке, вся в черном, поразительно красивая и абсолютно безучастная к окружающему миру. Она вернулась из лагеря. Её муж, крупный партийный руководитель, расстрелян. Ей помог выйти из лагеря начальник, безумно влюбленный в нее человек. Жить ей остаётся один год...

Появилось трофейное кино. Красивые фильмы, невероятно красивые женщины, музыка и потрясающая любовь... Какие имена! Жанетта Макдональд, Дина Дурбин, Марика Рёкк. Спасибо маме, на кино она всегда находила для нас деньги. И не только на кино. Мы часто ходили в театры: драматический, оперы и балета, ТЮЗ. Всё голодное военное детство озарено радостью встречи с искусством, классической музыкой и замечательными саратовскими артистами.

1945 год. Сводки о победном наступлении. Ожидание конца войны. Пришло письмо от папы с текстом песни «Темная ночь», со словами любви. «Ну, наконец-то!» – засмеялась сквозь слезы счастливая мама.

На улицах мы видели оборванных пленных немцев. Сумрачные лица, в глазах тоска. Нам было их жалко, мы тайком носили им кусочки хлеба и картошку в мундире.

9 мая с самого раннего утра нам стали стучать в окна незнакомые люди. «Вставайте! – кричали они, – Победа!» Весь город высыпал на улицы. Люди обнимались и целовались. Плакали и смеялись. Меня схватила в охапку красивая золотоволосая старшеклассница Неля Сиденко, и мы носились с ней по улицам, что-то пели, что-то кричали. Такого ликования, такой всеобщей любви мне больше никогда не приходилось видеть.

Отец вернулся в октябре сорок пятого. Нам невероятно повезло – пули миновали его. В 1949 году он защитил докторскую диссертацию и всю жизнь заведовал кафедрой биохимии в Саратовском Зооветинституте. Его обожали студенты и аспиранты. Не говоря уже о нас. Скончался он в 1991 году восьмидесяти четырех лет. Мама умерла много раньше – ей было всего шестьдесят девять. Война сильно надорвала ее организм.

Все дети живы, все получили университетское образование, работают, имеют хорошие семьи и крепко дружат.

О войне напоминают редкие фотографии тех лет и два белоголубых фарфоровых кувшинчика на буфете. О судьбе их хозяев мы так ничего никогда и не узнали...

Яковлева М.Я. (Бабина Майя)

Тамара Семёнова

Москва. 22 июня 1941 г. Воскресенье. Я живу у тёти с дядей, т.к. мама с девятилетним братом уехали отдыхать в Ялту, а мы с тётей должны скоро к ним присоединиться. Я никогда не была на море, но знаю, что меня ждёт сказка.

Приходит почтальон и приносит нам билеты на поезд. И в этот момент по радио объявляют, что будет выступать Молотов. Слушаю радио, вижу суровые, серьёзные лица дяди и тёти, слышу слово «война» и понимаю, что случилось что-то ужасное.

Начинаются воздушные тревоги. Ещё учебные, но вой сирены настоящий, иногда он раздаётся ночью. Дядя учит меня аккуратно вешать одежду на спинку стула, чтобы быстро одеться, когда будет тревога (этот навык у меня сохранился до сих пор).

Очень скоро мой дядя (младший брат моей мамы), Израиль Яковлевич Брегман, уйдёт добровольцем в народное ополчение. Будет воевать под Ельней, о чём мы узнаем из двух открыток, написанных «химическим» карандашом (открытки хранятся в нашем доме, как семейная реликвия). А потом придёт извещение, что он «пропал без вести». И это всё...

Каким-то чудом возвращаются из Крыма мама с братом, и уже в июле нас эвакуируют в Ташкент. Папа остаётся в Москве. Мой отец, Семёнов Владимир Александрович, родом из Донбасса, работал шахтёром, воевал в Гражданскую войну, окончил рабфак, институт связи и был инженером-строителем. Он строил телефонные и радиостанции, словом, всё, что обеспечивало связь. Его перебрасывали с одной стройки на другую, а вместе с ним «путешествовала» и вся наша семья. Первая такая поездка была ещё до войны. Мне было два года, брату пять лет. Мама сшила нам меховые шубки и повезла ... в Якутск. Я, конечно, эту поездку не помню, но живо себе представляю молодую красивую маму, которая едет с детишками через всю страну сначала поездом, потом самолётом, потом на грузовиках по ледяной трассе. Вот и во время войны мы ездили с отцом, когда его направляли на разные стройки. Так что мне пришлось поменять,

в общей сложности, пять разных школ до получения аттестата зрелости.

Итак, Ташкент, 1941–1942 годах В городе много «выковыранных» – так я произносила слово «эвакуированные». Жара. Мы, дети, купаемся в арыках. Очень скоро появляется постоянное чувство голода. В городе много госпиталей, особенно для ожоговых раненых. Это – танкисты, горевшие в танках. Мама мне прикрывает лицо, когда мы встречаем в городе обезображенных молодых мужчин. Но мой главный ужас тех дней – это женщины в чадре, чёрном покрывале, закрывающем лицо. Помню толпу людей с суровыми лицами у громкоговорителя на улице, когда передают новости с фронта.

Летом 1942 г. мы едем к папе в Сибирь. Недалеко от Иркутска, рядом с маленькой деревушкой, прямо в тайге стройка, а мой папа – главный инженер. Что там строили, мы узнали много позже, через тридцать лет, когда умер мой отец. На поминках сослуживец отца рассказал нам, что в тайге в невероятно короткие сроки была построена ретрансляционная вышка, с помощью которой осуществлялась всю войну связь с Америкой. Там же, в сибирской глуши, я пошла в первый класс. Это была одноэтажная деревенская школа с печкой в классе. В школу я ходила исправно, хотя уже умела читать, писать и считать. Но... на большой перемене нам выдавали кусочек чёрного хлеба!

В 1943–1944 годы мы в Москве. Я хожу в «женскую» школу. А на перемене нам выдают белые бублики! Хорошо помню первые салюты, смотреть которые мы ходили на какой-то стадион. У всех жителей были огороды за городом, куда люди выезжали семьями по воскресеньям. Выращивали, главным образом, картошку. Видела колонну пленных немцев, которых вели по Москве. Некоторые хорохорились, смотрели надменно. Помню, что испытывала, глядя на них, какое-то брезгливое чувство.

В сентябре 1944 г. мы уехали на Урал, в г. Свердловск. Там папа строил первую в городе телефонную станцию. Стало легче с едой. Американскую тушенку не помню, а сгущёнку помню хорошо. Мы, дети часто выступали в госпиталях. Я, почему-то, пела. Стою в пионерской форме в палате и пою: «Так, так, так» – говорит пулемётчик. «Так, так, так», – говорит пулемёт!». Была тогда такая фронтовая песня. Кстати, помню, что у военных на левом рукаве формы были

горизонтальные нашивки жёлтого и, по-моему, красного цвета. Жёлтые – у легко раненых, красные – у тяжело раненых. Количество нашивок – количество ранений. Почему–то в фильмах о войне опускают эту деталь. А запомнила я это потому, что у меня на пионерской форме тоже была нашивка. Это, кажется, означало, что я – руководитель пионерского звена. А в госпитале молодые раненые надо мной подшучивали: мол, «ты тоже раненая».

День Победы помню хорошо. Помню, что праздник был каждый день, так что – это был скорее месяц Победы. Помню ощущение радости, большое количество весёлых выпивших демобилизованных военных с орденами на груди. Помню радость моих подруг, к которым вернулись с войны отцы, и слёзы тех, к кому отцы не вернулись.

Из Свердловска в Москву мы вернулись в 1947 г., и, по-моему, послевоенные годы тоже были трудными.

Хочу ещё немного сказать о наших родителях и о том времени. Время было жёсткое, а точнее сказать, жестокое. Наша семья выглядит вполне благополучно: на фронте не воевали, в лагерях не сидели. Но... Мама по какой-то счастливой случайности избежала тюрьмы за опоздание на работу, хотя дело было возбуждено. Это случилось перед самой войной. Был тогда такой закон: судили за опоздания, даже за одно единственное. А то, что у мамы было двое маленьких детей, никого не волновало. Об этом законе и о людях, от него пострадавших, не принято говорить, и нет даже упоминания ни в одном самом правдивом фильме. И ещё о трудностях нашей семьи. Когда мы с мамой уехали в эвакуацию в Ташкент, отец оставался в Москве, занимался организацией вывоза какого–то важного оборудования. Он дневал и ночевал на вокзале. В городе царил хаос. В это время оказались потерянными квитанции по оплате наших двух комнат в коммунальной квартире. Как только папа это выяснил, он ещё раз внёс квартплату и потом платил исправно. Закон того времени требовал ежемесячного внесения квартплаты. При отсутствии оплаты в течение трех месяцев жильцов могли выселить и вселить новых людей. Именно это и произошло с нашей семьёй. По датам на квитанциях об оплате был перерыв три месяца, поэтому суды (а их было несколько) решали не в нашу пользу, и мы потеряли своё жильё. И ведь всё по закону! Думаю, что таких пострадавших в военные годы было немало. Конечно, «сильные мира сего» отбивали свои квартиры. А рядо-

вые люди становились жертвой военной неразберихи. Может быть, этим объясняются дальнейшие скитания нашей семьи.

Время было трудное, но наши родители никогда не жаловались на судьбу, терпеливо сносили все тяготы жизни, что было само по себе героизмом.

А нам, детям войны, прививали веру в человеческие ценности, умение отделить главное от второстепенного, умение дружить и ценить дружбу и... многое, многое другое. За что им низкий поклон и наша вечная благодарность!

Шамраевская Т. В. (Семёнова Тамара)

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Мне было шесть лет, когда началась Великая Отечественная Война. Я с родителями жила в маленьком поселке Новотроицке на Урале. Там находился рудник и обогатительная фабрика по добыче и переработке руды, содержащей золото и мышьяк, на которой работали мои родители, папа, Орлов Виктор Иванович, – начальником фабрики, а мама, Орлова Мария Дмитриевна, – в химической лаборатории.

С начала войны мирная жизнь в городке, как и всюду в тылу, изменилась и была направлена на оказание помощи фронту. В химической лаборатории стали изготавливать отравляющие и взрывчатые препараты с использованием мышьяка. Работа была вредной и опасной, техника безопасности, вероятно, была недостаточной, потому что, как я узнала позднее, многие сотрудники заболели неизлечимо. Мой папа на время войны имел бронь, но, как военнообязанный и руководитель производства, он занимался военной подготовкой с молодыми бойцами, готовившимися для отправки на фронт. Я помню, как зимой, даже в сильные морозы и ночью он уходил в тайгу, проделывая 40–50 километровые марш-броски. Женщины собирали посылки для фронта, вязали носки, варежки, шили кисеты для табака, писали письма просто незнакомым людям для поддержки и поднятия духа.

Через какое-то время после начала войны у нас стали появляться военнопленные, в основном, румынские солдаты. Они работали на улицах, копали и что-то строили. Мы, ребяташки, бегали на них смотреть, они были очень молодые и худые, одеты легко, не по нашим морозам. Мы их жалели, не чувствовали к ним никакой вражды, приносили хлеб, вареную картошку, молоко.

Еще я помню американскую помощь. Дома я видела яичный порошок, сгущенное молоко, тушенку. Папу за хорошую работу на-

градили красивым американским кожаным пальто, которое он очень долго носил.

В школу я пошла с семи лет. Бумаги и тетрадей не было. Мы резали желтую оберточную бумагу, сшивали тетради, разлиновывали и писали на них. Если не хватало бумаги, писали на краях газет. Ручки – перьевые, чернила наливали в чернильницы-«непроливашки», с которыми ходили в школу. В очень многих семьях жили эвакуированные из мест, захваченных фашистами. У нас жила женщина с двумя мальчиками из-под Ленинграда. Мне очень нравились военные песни, которые я слушала по радио, особенно «Вставай, страна огромная...» По соседству жила большая семья, где глава семьи, фронтовик – инвалид, хорошо играл на баяне. Он часто собирал ребятшек, и мы хором пели и чувствовали свою сопричастность к стране, к людям, защищающим её от врага.

Конечно, помню день 9 мая 1945 г. Это было всеобщее гуляние, ликование и грусть. Мои два дяди Леонид Иванович и Николай Иванович Орловы (восемнадцати и двадцати лет), жившие в Новгородской области, пропали «без вести». Папа все время их разыскивал, писал куда-то, в том числе и на радио, где была организована передача по поиску пропавших, но безрезультатно. После войны они так и не нашлись. Такие потери были почти в каждой семье.

Теперь о нашем курсе.

Я думаю, что военное детство, послесталинская юность и «оттепель» сформировали у большинства однокурсников такие взгляды и отношение к окружающему, которые создали сплоченный коллектив с крепким ядром, курс, почти уникальный и заметно выделяющийся среди других. На курсе много ярких личностей и просто хороших людей, с которыми можно «пойти в разведку». Более полувека мы не утратили связи между собой, царит атмосфера заботы, теплоты, доброжелательности, взаимовыручки, дружеской помощи.

Наши ежегодные встречи приносят радость общения и повышают настроение. Я уверена, они не прекратятся, пока мы живем!

Ажикина Ю.В. (Орлова Юлия)

Во время войны я жил в городе Омске (с 1935 по 1952 г.) и самое главное, что я хорошо помню, так это голод. Есть очень хотелось всё время.

Я очень любил ходить в кино, но денег на кино у меня никогда не было. Обычно я приходил в кинотеатр «Гигант» (его разобрали после войны) и пытался прошмыгнуть мимо контролера без билета. Иногда это у меня получалось.

И вот однажды (это было в марте или апреле 1943 года) я решил посмотреть фильм «Свинарка и пастух». К сожалению, контролер не пропустила меня в зал, и я остался на улице. В это время ко мне подошел взрослый человек (теперь я понимаю, что это был мальчишка лет пятнадцати-шестнадцати) и предложил пройти с ним и посмотреть кино. Я согласился. Он вывел меня из кинотеатра, и мы по пожарной лестнице, которая была на задней стене здания, поднялись на чердак, где было отверстие в зал (под самым потолком на задней стене). По-видимому, там был когда-то вентилятор.

Кино началось. Я смотрел кино, а мой «благодетель», почему-то всё время смотрел на меня. Я почувствовал какую-то тревогу (не знаю почему). Резким движением я бросился бежать к выходу на лестницу, парень не успел поймать меня на чердаке, а ловить на лестнице он меня не стал. Я помню, как он звал меня вернуться и посмотреть фильм, но я отказался. Кстати, я никогда так и не видел этого фильма.

Недели через две моя мама, Матрена Трофимовна, сказала мне, что она шла мимо кинотеатра «Гигант» и видела, как там доставали детские трупы с чердака кинотеатра. Оказывается, в Омске была группа бандитов (ее возглавляла какая-то старуха), которые заманивали детей на чердак кинотеатра, там их убивали, мясо пускали на котлеты, а одежду продавали. Как правило, одежду продавали не в Омске, а в других городках вдоль Транссибирской железной дороги. Одна мать узнала одежду своей пропавшей дочери на рынке в г. Калачинске. Она пригласила милиционеров, и те задержали продавщицу.

Очень скоро выловили всю группу бандитов. Суд был скорый. Всех их расстреляли, а я... чудом остался жив. Я атеист и не верю религиозным бредням, но тогда я чувствовал какую-то тревогу, ко-

торая исходила от этого парня. Я рассказал всю эту историю маме. Она ужаснулась, т.к. поняла, что я был кандидатом на котлеты.

В 1952 году (после окончания школы) я приехал в Москву и поступил в МГУ. Вот такая история!

Зайков Г.Е.

Юрий Рубцов

Когда началась война, я жил с матерью и отцом в посёлке Салтыковка, в восемнадцати километрах от Москвы. О начале войны узнал от мамы. Из первых дней войны помню, как копали и строили убежище во дворе дома. Почти каждую ночь объявлялись воздушные тревоги, и мы ночевали в этом убежище. Попаданий бомб в нашем районе поселка не было, но каждое утро все мальчишки занимались поисками осколков от зенитных снарядов, их во дворе дома и на улице находили часто.

Мой отец имел освобождение от военной службы, так как был тяжело ранен еще в Гражданскую войну и очень плохо слышал. Вскоре все мы, вместе с моим дедушкой, эвакуировались на родину деда в г. Чухлома Костромской области. Здесь жизнь была легче, о войне знали только по радиотрансляции и по приходящим похоронкам. В 1942 году отца все же призвали в армию. Сначала его направили в зенитную часть, но, так как он не слышал команд, его перевели в штаб дивизии заниматься материальным учетом. Фактически, по его специальности: на гражданке он был бухгалтером. Там он служил до конца войны, дошел до Прибалтики.

Мама и дед где-то работали, я в основном сидел дома – было плохо с теплой одеждой. Как эвакуированным, нам выделили комнату в частном доме, в соседней комнате жила семья, эвакуированная из Ленинграда. У них была девочка на год старше меня, она ходила в школу в первый класс, к сожалению, не помню ее имени. Детских книг и игр не было, поэтому я делал все её домашние задания и читал все учебники. Читать научился еще раньше по газетам, которыми были оклеены стены комнаты. Мама работала, поэтому 1 сентября 1943 года она отправила меня в школу вместе с соседкой, поручив ей

свести меня в первый класс. Однако она привела меня к своей учительнице во второй класс и заявила, что за первый класс я всё знаю, и мне надо учиться во втором. Учительница устроила мне небольшой экзамен, и я был принят во второй класс. Так эта девочка сэкономила мне год учебы, и только поэтому я смог в 1952 году поступить на химфак МГУ, хотя должен был бы поступать на год позже. Условий для учебы практически не было: старые учебники часто без страниц, тетради делали сами из оберточной бумаги, писать можно было только карандашом, но учились хорошо, война всех делала более ответственными. Электричества и керосина тоже часто не было, день кончался с наступлением темноты.

К этому времени угроза для Москвы миновала, и мы с мамой в конце 1943 года вернулись из эвакуации в г. Ногинск, где жили ее родственники: мать, брат, сестра и ее муж. Дедушка остался и жил там до своей кончины. Мужчины работали на оборонном заводе в г. Электростали и имели бронь от военной службы. Сын моей тети, мой двоюродный брат Игорь Хомяков, был мобилизован в армию со второго курса химфака МГУ, окончил лейтенантские курсы и на фронте командовал саперным взводом. Сама тетя была преподавателем в начальной школе, и, хотя я учился у другого педагога, она внесла большой вклад в мое образование.

Жизнь была трудной, мало было иметь продовольственные карточки, надо было их еще «отovarить». Я должен был разведать, в каком магазине что дают. Карточек мне, конечно, не доверяли, с ними ходила бабушка, остальные работали. Досуг в основном состоял из игр в войну. Практически все мальчишки имели трофейные пистолеты (конечно, без патронов), их можно было относительно дешево купить на рынке. Вообще на рынке было всё, но нам эти продукты были недоступны из-за высокой цены. Очень выручали участки под картошку, которые получали мои дяди на заводе. Картошка была единственным продуктом, который можно было потреблять неограниченно, но без масла и часто без соли.

Хорошо помню сильный взрыв на заводе, где работали мои дяди. Стекла разбились даже на верхних этажах домов в Ногинске, за семь километров. По счастью, дяди в это время не работали. По слухам, это была диверсия, хотя никаких официальных разъяснений, конечно, не было. Все знали, что завод выпускает снаряды и мины,

хотя дяди упорно уверяли меня, что они делают только ложки и вилки. Позднее я узнал, что этот завод сыграл большую роль в обороне Москвы в 1941 году, снаряды прямо с конвейеров отправлялись автомашинами на фронт. Несмотря на большие разрушения, работа завода практически не прекращалась.

В 1944–1945 годах жизнь постепенно становилась лучше, чему, прежде всего, способствовали успехи нашей армии. На праздники стали выдавать даже по белой булке, появились коммерческие магазины. Хотя цены в них были для нас абсолютно недоступны, можно было хотя бы посмотреть на уже забытые товары. Даже мне и другим детям было понятно, что война должна закончиться, и мы победим.

В 1944 году мой двоюродный брат был тяжело ранен в обе ноги. Его мать приложила невероятные усилия и добилась, чтобы его привезли в госпиталь, размещавшийся в больнице Ногинска, в пяти минутах ходьбы от нас. С этого времени я очень много времени проводил с ним сначала в госпитале, а когда он смог ходить, то у нас дома. Его фронтовые воспоминания и соответствующий словарный лексикон стали существенным вкладом в мой жизненный опыт. Его сугубо интеллигентная мама приходила в ужас от тех историй, что он мне рассказывал, и от тех слов, что он при этом использовал.

После госпиталя брат Игорь получил инвалидность, окончил химфак МГУ и работал на том же заводе, что и его отец, заведующим аналитической лабораторией. Все эти годы мы были с ним очень дружны, хотя после демобилизации отца мы вернулись жить в Салтыковку и виделись от случая к случаю. Он сыграл большую роль в том, что я тоже поступил на химфак МГУ. Сейчас его, к сожалению, уже нет в живых.

Наиболее ярким впечатлением военных лет был, конечно, день Победы. Как известно, немцы капитулировали перед нашими западными союзниками уже 8 мая, слухи об этом уже циркулировали у нас в этот же день, и все мы ждали официального сообщения. Около пяти часов утра раздался громкий стук в дверь. Передали сообщение о капитуляции Германии и о нашей победе. Такого ликования всего населения, как это было 9 мая, я больше никогда не видел. Не пом-

ню, где доставали водку и вино, но абсолютно все были пьяные, в том числе и я, хотя мне было всего десять лет.

В целом, первые послевоенные годы были не менее трудные, чем военные, хотя, конечно, уже не было опасности потерять родных. Карточки отменили, но цены резко поднялись, на зарплату мало что можно было купить, выручал огород, но это уже другая история.

Военных фотографий у меня нет, для фотографирования не было возможностей. Сохранилась только фотография 1947 года.

Рубцов Ю.И.

Конечно, нам есть, что вспомнить о минувшей войне, о которой сегодняшнее поколение, особенно поколение наших внуков, ничего не знает. Это – детские воспоминания, потому что я, как и наша внучка в 2005 году, в 1941 году пошла в первый класс.

Получилось так, что начало войны застало нас в Москве. Мой отец, кадровый военный, комиссар дивизии, в это время обучался на Высших командных курсах в Перхушкове, под Москвой, а мы с мамой гостили у маминой сестры. Я очень хорошо помню, что когда объявили начало войны, в двенадцать часов дня, мама сидела и горько плакала, а я совсем не понимала – почему. Отца сразу послали на фронт, он попал под Киев в дивизию, которая была сформирована, в основном, из шахтеров, совсем не обученных военному делу. Бои там были тяжелые, настоящая «мясорубка», отец там и погиб в сентябре 1941 года.

Мы с мамой уехали в г. Вязники Владимирской области, где жили родители отца. Мама была вынуждена браться за любую работу. Сначала ее мобилизовали на трудовой фронт: строили военный аэродром за городом. Потом она, питерская интеллигентка с высшим образованием, была вынуждена работать «рядовым» в городской пожарной команде. Работа была тяжелая, работать приходилось сутками, и я была предоставлена сама себе. Дедушка с бабушкой умерли в начале войны. Мы жили в доме, где надо было топить русскую печь, носить воду из колодца, сажать картошку. Теперь я понимаю, как маме все это было трудно. Городской жительнице, никогда не имевшей опыта проживания в таких условиях.

В Вязниках я пошла в школу. Учительница у меня была просто замечательная, Екатерина Константиновна Юрьева, удивительно добрая и умная женщина. Я с ней долго поддерживала связь, переписывалась даже, когда уже была в университете. Учились трудно: не было тетрадей, писали на старых книгах между строк. Портфель был брезентовый, пальто мне сшили из байкового одеяла, которое маме выдали по ордеру. Туфли были на деревянной подошве. Дистрофи-

ками были все – падали в обморок на уроках. Совсем слабым давали талоны на питание в городской столовой, оно состояло из пустого супа и кусочка хлеба.

Чтобы купить хлеб по карточкам, занимали очередь затемно, стояли в ней, в основном, дети и старики, матери все работали. Позже стало немного легче, выращивали картошку и капусту, заготавливали грибы и ягоды, которых в ближних лесах было очень много. Зимой парили в русской печке свеклу с клюквой, затем все это подсушивали, и это заменяло нам сахар. Ходили с выступлениями в госпиталь, раненые были очень рады. Мама стала работать в госпитале библиотекарем, и я часто ходила туда.

Помню, как в Вязники привезли наших солдат, которые попали к немцам в плен, их содержали, как врагов народа, в перегороженном переулке, а мы носили им яблоки, какие-то овощи, которые были в садах и огородах. Сейчас вспоминаю, какие у них были несчастные лица, они тянулись сквозь загородку, чтобы погладить нас по головам – видимо, вспоминали своих детей.

Время было очень тяжелое, но детство есть детство, все дети с улицы собирались вместе, бегали и играли в разные игры (вышибалы, городки и пр.). Помню, как ждали окончания войны, даже на ночь не выключали чёрных репродукторов. Объявили об окончании войны часа в четыре утра, было еще совсем темно, но весь город вышел на улицы, обнимались, кричали «Ура!». У кого-то была настоящая радость: они ждали своих близких с фронта. А в нашей семье ждать было некого: погибли мой отец, его брат, брат мамы.

Да и послевоенные годы были тяжелые. Мы, при содействии мужа маминной сестры, осенью 1945 года перебрались в Подмоскovie, в поселок Клязьма, где я окончила среднюю школу и затем поступила на химфак МГУ. И тогда-то жизнь была не очень легкая, но все равно мы жили нормально с надеждой на то, что жизнь с каждым днем будет становиться лучше. Да так и было!

Николаева Л.И.

Владимир Дураков

Здравствуйтесь, дорогие друзья, мои однокурсники!

Вам, у кого встречи с однокурсниками почти рядовое событие, трудно понять чувства того, кто лишён такой возможности, когда он получает Ваши весточки.

Конечно, прекрасна идея – собрать все воспоминания живых свидетелей того сурового времени, которое нас сплотило и ведёт по жизни. *В период очередных торжеств, связанных с Победой, заслуженно вспоминают тех, кто героически воевал, самоотверженно трудился, кто был в оккупации, в плену, кто был сыном полка. Но почему-то не вспоминают нас, кто не воевал, не трудился на оборонном заводе, а просто жил, испытывая вместе со страной все невзгоды страшной години. А ведь мы положили на алтарь Победы своё детство!** Да и в художественной литературе наше детство прошло практически незамеченным!

Теперь о воспоминаниях. В них у меня нет ничего героического, всё до ужаса обыденно. Но мои воспоминания связаны ещё с тем, что в 1939 году не стало моей матери. Остались мы втроём: отец, 1909 года рождения, я, 1934 года рождения, сестра, 1937 года рождения. Весной 1940 года сестру увезли в Москву, к родителям отца. Так что войну мы встретили с отцом вдвоём.

Осенью 1941 года мы выехали из Сталинска (ныне Новокузнецк) в посёлок Амурсталь под Комсомольском-на-Амуре. Ехали долго и прибыли в посёлок глубокой зимой. Зима для нас была тяжкой. Получали 1000 г чёрного хлеба по карточке отца, (он работал прокатчиком тонколистового стана – труд адский) и 300 г по моей карточке. Питались, в основном, мороженой капустой. Я хирел не по дням, а по часам и страшно мёрз. По всем народным приметам, я не должен был дожить до лета, но почему-то дожил. Видимо, помогла возможность греться об отцовскую спину, когда он отдыхал после двенадцати часов каторжного труда. А может быть, мне помогли

* эти слова послужили эпиграфом

чёрные плитки «жмыха», которые где-то доставал отец. Я был худой и бледный до синевы.

Так протянули ещё год, я поступил в школу, где нас поили какой-то «дрянью» от цинги. Мы переехали в новую комнату в двухкомнатной квартире, где уже жила моя будущая мачеха со своей матерью и дочкой. Именно там произошло событие, которое изменило мою жизнь. Однажды отец принёс домой целую буханку чёрного хлеба и разрешил мне её всю съесть. Как потом рассказывал отец, я ел эту буханку с обеда (после возвращения из школы) до вечера, отщипывая маленькие кусочки, запивая их травяным чаем с сахарином (сахара не было). К вечеру, доев буханку, я заснул прямо за столом. Отец перенёс меня на кровать, и я проспал до обеда следующего дня, пропустив школу. И вот с этого времени я перестал мёрзнуть, и даже вскоре появился румянец.

В школе не было учебников, тетрадей, писали на брошюрах между строчек. По окончании первого класса меня наградили тетрадкой в клеточку. На обложке тетрадки было написано то, что обычно пишут по поводу отличной учёбы. Я положил тетрадку в угол, как икону, не прикасался к ней, мечтая, как пойду с ней во второй класс. Когда настало время идти во второй класс, выяснилось, что от тетрадки... осталась одна обложка. Отец меня успокоил тем, что обложка будет очередным письмом сестрёнке в Москву, где узнают, как я учусь.

Ещё одно воспоминание. Однажды, во вторую военную зиму, отец принёс два пряника. Они, как я позднее понял, были заморожены. Мы их подогрели и, конечно, съели. А у меня в голову запала мысль, что перед едой пряники нужно разогревать. И вот в 1953 году, когда учился на втором курсе и жил на Ленинских горах, с кем-то из ребят заскочил в магазин напротив столовой и увидел пряники. Ну, я и спросил приятеля, где мы будем разогревать пряники, чем его несказанно удивил.

Теперь о дне Победы. У нас в посёлке не было ни салютов, ни манифестаций, но мне эти дни запомнились. Мы жили в двухэтажном деревянном доме. В один из дней я проснулся от воя женщины. Я выскочил на крыльцо и увидел двух женщин. Одна из них не плакала, не рыдала, а выла, другая как-то пыталась её утешить. Не знаю,

почему эта женщина так «отмечала» день Победы. Видимо, у неё были свои резоны. Этот вой долго заставлял меня вздрагивать.

Фотографий тех дней у меня не было по понятным причинам. Я стараюсь не вспоминать те времена – у меня не было радостей.

Бердников В.И. (Дураков Владимир)

Июль-август 1941 года. Немцы бомбят Москву. Ненавистные слова из чёрной картонной тарелки: «Граждане! Воздушная тревога!», а потом сирена. Все соседи бегут через двор, где стоят старинные храмы Высоко-Петровского монастыря (мы жили на Петровке 28). Бежим и мы мимо могилы матери Петра Первого, Натальи Кирилловны Нарышкиной, и, подгоняемые дежурными, спускаемся по старой каменной лестнице в монастырское подземелье. Мне нет ещё и семи. Потом почему-то стали бегать всё реже... Привыкли?

Однажды вечером где-то близко раздался сильный взрыв, и соседи сказали: «Бомба попала в Центральный Телеграф!» И я побежала, не зная точно дороги, побежала плача, задыхаясь от горьких слёз – ведь на Телеграфе в ночную смену работала моя мама! Сейчас стыдно вспоминать, но как я обрадовалась: бомба попала не в Телеграф, а в соседнее здание – театр им. Ермоловой. Мама жива, но мне всё равно страшно. И как найти в темноте дорогу домой?

В сентябре 1941 года работниц Телеграфа, у которых есть дети, отправляют в эвакуацию. Сначала – теплушки, потом – на маленьком пароходике. На Волге попали под бомбёжки. Под дождём причаливаем к пристани. Небольшую группку женщин с детьми отвели в клуб. Все промокли. Сидим, ждём, когда за нами придут люди и отведут куда-нибудь, где тепло, где можно спать. Время идёт, но никого нет. Стульев и скамеек мало, многие сидят на полу, кто-то спит, кто-то плачет.

Наконец, приходят чувашские женщины в цветных платках, сердитые, крикливые, нас брать не хотят. Их не выпускают из клуба, и они тоже сидят на полу, молчат. Вдруг на клубной сцене появились какие-то люди в пёстрых костюмах, появилась нарисованная печка, стол, стулья. Началась пьеса на чувашском языке. На сцене кто-то ссорился, кого-то убивали, кто-то размахивал платком, страдал. И тут чувашские женщины, все, как одна, заплакали в голос, вскочили с пола и стали выхватывать из толпы москвичек с их детьми и по-

житками. И снова под дождём, в кромешной тьме повели нас по своим домам.

Зима прошла трудно, голодно. А летом на всех полях выращивали табак, сушили его под крышами на ветру и отправляли на фронт. Работали все – большие и маленькие, русские и чувашки. Мужиков не было видно...

Наступила зима 1942 года. Папа, вместе с оставшимися работниками Телеграфа эвакуирован в Новосибирск, и вызвал нас – маму, меня и старшую сестру – к себе. Мы на крохотной станции пытаемся сесть в поезд. Метель, страшная стужа, одинокая фигура дежурного с флажком. Остановился поезд с фронтовыми лётчиками, которые едут в Сибирь за новыми самолётами. Нас опять не берут – не положено! Мама бежит от вагона к вагону, пытаясь запихнуть в тамбур немногие наши сумки. Вот она уже в тамбуре, вот прыгнула на ступеньку пятнадцатилетняя сестричка, поезд дрогнул и тихо пошёл. Я посмотрела вокруг – нет даже дежурного. Среди тьмы и снегов стоит одинокий ребёнок и даже не плачет... Только слышится отчаянный мамин крик! Чья-то сильная рука из поезда схватила меня за воротник зимнего пальто и втянула в вагон. (Позже это пальто украли в комнате матери и ребёнка в Омске).

Новосибирск встретил нас лютым морозом. В домах на ночь закрывали окна изнутри толстыми ставнями от воров, бандитов и мороза. Мама работала на телеграфе, папа ушёл на фронт танкистом (стрелок – радист), а мы с хозяйской дочкой по очереди ходили в первый класс. Однажды, на обратном пути я слизнула пушистый иней с щёколды калитки и осталась стоять с примёрзшим языком. Стояла долго, пока не поняла, что надо отрывать язык, а то будет хуже.

Весной 1943 года мы вернулись в Москву. Наша комната на Петровке была занята каким-то генералом – снабженцем. Моя простодушная мама, не долго думая, написала письмо тов. Сталину. Все очень удивились, как быстро этот генерал убыл на фронт, освободив нашу комнату.

И, наконец, 9 мая 1945 года. Победа! С раннего утра мимо нашего дома шли люди на Красную Площадь. К полудню стали звонить в дверь: «Дайте попить – такая жара!» Дверь почти не закрывалась, все просили пить. Я взяла корзинку с чашками, кружками,

стаканами, два чайника с водой и стала у подъезда. Все пили, я уходила домой за водой, выстроилась очередь. И вдруг кто-то спросил меня: «А папка твой, где?» «На войне» – ответила я, и тут же в корзину полетели деньги. «Стойте! Что вы делаете? Я же пионерка! Я просто помогаю!» «Вот и молодец, дочка» – сказал усатый военный и тоже положил денежку.

Никто не знал – и я тоже, что мой папа умирал в госпитале, а мама ждала сына, которого мой папа так и не увидел...

Андреева Л.К. (Лысанчук Людмила)

Алексей Бочков

Когда началась война, мне, как и большинству наших однокурсников, было шесть лет. Все эти памятные и трагические четыре года я провёл в Москве. Мои ближайшие родные не воевали: у отца была сильная близорукость, дядья (мамины братья) – инженеры, имели «бронь» и работали в оборонной промышленности. Брат отца (ему было за пятьдесят), в прошлом – военный лётчик ещё в Первой мировой и в Гражданской войне, майор, работал на авиазаводе, где был начальником сборочного цеха. Из его рассказов того времени помню поразившую меня деталь: один из двадцати выпускаемых самолётов он проверял в воздухе лично. Иногда брал с собой начальника ОТК. Если же последний упирался – мол, не моё это дело, Леонид Николаевич, дядя его урезонивал: «Ты ведь сам всё проверял, чего ты боишься?» Понятно, что ОТК работал особенно ответственно.

Главное в моих личных воспоминаниях о войне – голод, холод и темнота. Мы жили в перенаселённой коммуналке – впрочем, кто тогда жил иначе? У нас было, почти по Высоцкому – правда, не «на двадцать восемь комнаток всего одна уборная», а на двадцать одного человека, но ведь и это немало! Так продолжалось до второй половины пятидесятых, до строительства ныне бездумно шпыняемых «хрущёбок». (Кстати, я Хрущёва уважаю – это единственный коммунистический лидер, который начал хоть что-то реальное делать для людей, а не только для показухи и ВПК). К слову сказать, я не могу подтвердить побасенок о дружбе и взаимопомощи советских людей в тяжёлых условиях: в памяти остались непрекращающиеся соседские споры, главным образом, на тему о том, как собирать деньги на оплату «жировок» – из расчёта на человека, на комнату или на кв. метры.

Особенно тяжёлой была зима 1941–1942 года. Трудно было с дровами. То, что удавалось добыть, мы хранили в комнате под роялем, (моя мать была пианистка). Позже я под ним спал, пока явно не вырос из этого «алькова». А ещё воровали торф, который привозили для больничной кухни, (мы жили на территории большого больнич-

но-госпитального комплекса). Это было небезопасно, но зато горел он здорово. Только от него оставалось очень много золы, а выносить её полагалось мне. Сначала у нас была «буржуйка» – железная печка с трубой, выведённой в окно. Позже удалось построить «временку» – кирпичную печь с плитой, на которой можно было что-то приготовить (если, конечно, было из чего). Света почти не было – жили при «коптилках», уроки делать приходилось при них же. О санитарных условиях того времени можно не распространяться, но каким-то чудом ни у меня с братом, ни у кого из нашей семьи не было вшей (я до сих пор не знаю, как они выглядят).

Школа, к счастью, была недалеко, но бегать туда по морозу в драном пальто и драных варежках с портфелем в коченеющих руках было всё же несладко. В школе было холодно, мы сидели, подсунув руки под задницы, чтобы их немного отогреть. За ночь здание выстуживалось, и на первых уроках, пока мы слегка не отогревали класс собственным теплом и дыханием, писать «палочки» ледяными руками было мучительно. На первых уроках чернила на партах не успевали оттаять, так что в моду вошли чернильницы-«непроливашки». Мы носили их из дома в вязаных сумочках, чтобы чернила не успели замёрзнуть.

Кстати, именно в этой школе №554 я познакомился с нашими однокурсниками Володей Леоновым и Лёвой Видавским. Из крупных личных событий помню хлебные карточки, которые я умудрился потерять в булочной (а, может быть, их спёрли?). Для меня дело обошлось спокойно, т.к. мама незадолго до этого слышала душераздирающую историю с одним моим сверстником, попавшим в такую же беду – его, доведённая до отчаяния, мать так бушевала, что бедный мальчик забился под кровать и там от потрясения умер.

И ещё одно очень острое воспоминание. Кажется, с 1942 года нам в школе стали выдавать на большой перемене, в качестве завтрака, бублики. И вот, сидишь на уроке, учительницу слушать не можешь – запах из кармана одуряющий. Время от времени таскаешь кусочки мякоти и втихомолку жуёшь (мякоти потому, что корочка хрустит на зубах, и можно попасться на запретном).

Немцы той зимой бомбили Москву почти каждую ночь, а т.к. мы жили в Замоскворечье, недалеко от военных заводов (ЗИЛ, «Шарикоподшипник»), нашему району доставалось. По тревоге надо бы-

ло бежать в подвал соседнего дома (импровизированное и весьма условное бомбоубежище) и отсиживаться там иногда всю ночь. Прекрасно помню второй том Пушкина (он у меня сохранился до сих пор), который мама всегда успевала захватить с собой и читала нам вслух. Даже сейчас сказки Пушкина у меня невольно ассоциируются с тоской и холодом в том мрачном подвале. Помню, что тогда, особенно осенью 1941 года, многие читали «Войну и мир», а у нас дома родители читали вслух, так что эта книга была для меня родной с детства.

Однажды однотонная бомба, (почему-то, называемая обывателями «торпедой»), ухнула недалеко от нас и смела с лица земли целый квартал на Б. Серпуховке. Наш подвал сильно потрянуло, но он устоял, и нас не завалило, хотя мы все, и взрослые, и дети натерпелись страха. Наутро мы нашли нашу комнату с выбитыми стёклами, а ведь был, кажется, ноябрь. Конечно, мы, мальчишки, помчались поглазеть на здоровенную воронку. Мне особенно запомнились развалины одного дома, разрезанного, как ножом. Разбитые комнаты являли собой только одну уцелевшую стену, к которой были прислонены, где кровать, где шкаф на остатках пола – всё остальное слизнуло взрывом. На первом этаже одного из домов была Сберкасса, и говорили, что на следующий день по всей Серпуховке бегали люди и подбирали разлетевшиеся денежные бумажки...

Немцы тогда увлекались «зажигалками», маленькими термитными бомбами, которые, попав в дом, неизменно вызывали пожары. Однажды в наш сад вывалили их множество (наверное, с воздуха этот большой тёмный массив казался соблазнительной целью), и многие деревья сгорели. Мы потом таскали их обугленные ветки на дрова.

Когда мы попривыкли к бомбёжкам и несколько осмелели, иногда удавалось улизнуть от родителей во время тревоги и созерцать на крыше эффектное зрелище: пожары, мечущиеся по небу лучи прожекторов, вспышки выстрелов, нервный лай зениток, иногда мечущийся в лучах прожекторов самолётник (свой, или чужой – не понять). Особой удачей у нас, мальчишек, было подобрать на земле осколок зенитного снаряда – они имели в детской среде очень высокую «меновую» ценность.

Бывало, в начале ночи, когда не ложились спать в ожидании тревоги, отец подходил к окну, вглядывался в чёрное небо и напевал из «Пиковой дамы» в современной интерпретации: «Уж полночь близится, а «германа» всё нет!» Вообще, всякий юмор очень помогал в жизни. Мой отец, художник, работал тогда в «Окнах ТАСС» (ранее – «Окна РОСТА»). И вот, по его рассказу, как-то художники, дурачась, устроили соревнование – кто лучше символически изобразит голод. Победивший рисунок был – задница, заросшая паутиной.

У нас во дворе (большой больничный сад) держали один их аэростатов заграждения. Для его наполнения водород доставляли в огромных «колбасах». Приводили их молоденькие девицы в красноармейской форме, ведя целым взводом по улицам за верёвки. Картина была презабавная: плывёт такая туша на уровне вторых этажей, а под ней, как привязанные, девчонки – если смотреть издалека (а близко не подпускали), как муравьи на ниточках. Потом эту «колбасу» соединяли широченной кишкой с аэростатом, и эти же девицы по команде с визгом наваливались на неё задами, тем самым передавливая водород в аэростат. В этих колбасах какую-то роль играли длинные резиновые шнуры квадратного сечения, толщиной порядка пяти мм. Эта резина великолепно подходила для изготовления рогаток, так что за её обрывками шла настоящая охота после ухода девичьего взвода.

Говоря об этих годах, нельзя не вспомнить всем знакомый элемент – чёрный картонный громкоговоритель, который висел, наверное, в каждой комнате по всей стране. Он был, конечно, постоянно включён – из него шли сигналы воздушной тревоги, по нему все слушали сводки Совинформбюро. По радио довольно часто шли передачи для детей – надо отдать должное, по тем временам совсем неплохие. Думаю, все мы помним «Театр у микрофона» и «Клуб знаменитых капитанов». Года с 1944-го я просиживал около «тарелки» часами, надеясь первым услышать, что кончилась война.

Как видите, я не могу рассказать о войне ничего патетического и героического – это только оставшиеся в памяти личные воспоминания «сопляка»-мальчишки. День Победы я встретил в Морозовской больнице, где валялся в скарлатине, и мало, что могу об этом рассказать.

Бочков А.Ф.

ПЕРВАЯ БОМБЕЖКА

Утро. Нас, детей, будит мама, собираемся, торопимся. Мама открывает дверь на балкон, и мы видим, как над Поклонной горой разворачиваются немецкие самолёты. Идут, как на параде, по три в ряд, лента самолётов уходит до горизонта.

Мы жили в посёлке Орджоникидзе при авиазаводе, где работал мой отец. До войны наш завод посетила немецкая делегация, так что цель была точно установлена. Дома наши – четыре пятиэтажки – тоже строили немцы.

Все женщины с детьми побежали в подвал, остальные, начиная с шестнадцати лет, – на крыши домов гасить «зажигалки». Рядом с нашими домами был лес, а за ним завод. И началось от взрывов бомб настоящее землетрясение. Сваи домов, на которых стоял наш дом, трещали и шатались. Дети и женщины плакали и кричали, некоторые просили выпустить их, т.к. боялись оказаться под завалом. Дежурный открыл дверь и сказал: «Куда пойдёте?» В проёме двери был сплошной огонь. Когда нас выпустили из подвала, мы ничего не узнали: дом напротив был рассечен пополам, у другого снесён угол, все дачные домики догорали. На Дорогомиловской улице горел толевый завод, ветер гнал гарь в нашу сторону, солнца не было видно. В лесу – глубокие воронки, огромные сосны выворочены с корнем. По нашему единственному шоссе, где ходили трамваи, шли люди, кто с чем. Через некоторое время на «Поклонке» установили зенитную батарею, и стало немного полегче, т.к. не все самолёты могли проскочить мимо. До 60-х годов при застройке района в земле обнаруживали многотонные бомбы. Сколько их в лесу – никому не известно. Из семьи ушли на фронт трое, вернулся один. Такова цена нашей Победы!

Владимир Багреев

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

(написано в 1995 году)

Дорогая редакция!

Вынужден начать традиционно. Мне никогда не приходилось писать в какую-либо центральную газету. Побуждение возникло несколько месяцев назад, когда Ваша газета обратилась к читателям с просьбой поделиться воспоминаниями о том тяжком историческом сорок первом, в связи с приближающимся пятидесятилетием первой нашей большой победы над немецко-фашистскими захватчиками в битве за Москву.

Сразу скажу – воспоминания детские. В те тревожные, грозные месяцы и дни мне было восемь с небольшим. Мы вернулись в Москву в начале октября 1941 года после несостоявшейся эвакуации в г. Барнаул, куда направлялись семьи рабочих и служащих оборонного ДХЗ им. М.В.Фрунзе (отец работал на этом заводе бригадиром слесарей в механических мастерских). Моя молодая мама (ей в 41-м было всего двадцать семь лет, а она уже была матерью троих детей) упростила начальника эшелона разрешить ей выгрузиться с детьми на станции Павельцы, от которой до «маминой» деревни на Рязанщине всего пятнадцать-двадцать вёрст. Мама всегда вспоминала этого человека с огромной благодарностью, т.к. именно благодаря ему мы не отправились, как тогда говорили, «за Урал».

Итак, моя мама, сестренка и я вернулись в посуровевшую, строгую Москву. Я помню, как встретил нас наш стандартный, по-современному, панельный дом. В этом доме мы занимали комнату в трехкомнатной коммунальной квартире с видом на Москву-реку и Новодевичий монастырь. Окна дома были забиты фанерой, т.к. незадолго до нашего возвращения немецкая бомба, метившая в мост окружной дороги, угодила в гранитную набережную. Взрывная

волна ударила в вековые стены монастыря, а в нашем стандартном доме вылетели все стёкла.

В те осенние дни истошные звуки сирены воздушной тревоги и оставшийся навсегда в памяти радиоголос Юрия Левитана раздавались часто, иногда и не один раз в день. Вспоминаю воздушную тревогу, объявленную как-то среди бела дня. В небо Москвы взмыли десятки серебристых аэростатов заграждения, сверкая на солнце и будоража воображение мальчишек своей необычной похожестью на довоенные дирижабли.

Обычно по сигналу тревоги мама быстро обряжала нас, детишек, благо всё было подготовлено заранее. Меня, как старшего выпускала первым со словами: «Сыночек, беги, посмотри – как там?» Я выбежал к подъезду, задираю голову и смотрел на рукоплескание прожекторов и разрывы снарядов зениток. Но вот, как немецкий самолёт попадает в скрещенные лучи прожекторов, и они его «ведут» до полного уничтожения, видеть пришлось лишь в кино.

Отчётливо помню и описанные уже не раз в большой и малой литературе два дня в октябре общемосковской паники. Отца, как и всех работников завода, рассчитали, и он, в кои-то веки, был дома. Родители решили перебраться к маминой сестре в такой же стандартный дом на Калужском шоссе (между теперешним магазином «1000 мелочей» и Трансагентством). У тёти была шестнадцатиметровая комната в коммунальной квартире на пятерых. Резон переезда был простой: «На «2-ой Москве» видели немецкие танки, а здесь всё-таки подальше». И ещё: «Семьям обеих сестёр лучше держаться вместе». Наступил следующий день, скорее всего это было 20 октября, «танки от «2-ой Москвы» отогнали, и мы вернулись из этой «мини-эвакуации» к себе на Бережковскую набережную.

Так же чётко помню, как в ночь на 6 декабря из нашей «чёрной тарелки», практически не выключавшейся все военные дни, голос Левитана обрадовано и торжественно, как умел это делать только он, объявил: «Сегодня, 6 декабря, войска Западного фронта под командованием генерала армии Жукова, измотав и разгромив..., перешли в наступление по всему фронту и продолжают развивать наступление. Освобождены города...». Это было первое сообщение «В последний час», заменившее на какое-то время «От Советского Информбюро». Конечно, радость от этого известия была превеликая!

А некоторое время спустя, в феврале 1942 года, мы, мальчишки, с упоением и восторгом восприняли фильм «Разгром немцев под Москвой», который я впервые увидел в ближайшем к нам кинотеатре «Художественный»!

Багреев В.В.

(Воспоминания сестёр Наташи и Галины)

К началу Великой Отечественной войны наши родители с детьми жили с большой семьёй бабушки и деда на Камчатке, в г. Петропавловске. Трое сыновей бабушки и дедушки, маминых братьев, с первых же дней войны ушли на фронт, и вскоре одна за другой пришли три «похоронки». Помним горе всей семьи от потери молодых, полных сил и планов родных людей, которые ушли навсегда.

Наш отец, Акшинский Василий Семёнович, был главным редактором областной газеты «Камчатская правда» с 1940 по 1942 год. У него была «бронь», но он с первых дней войны подавал рапорт за рапортом с просьбой о направлении на фронт и получал отказы. Наконец, просьбу отца частично удовлетворили: он служил политработником-артиллеристом в Камчатском гарнизоне. Его подразделение, совместно с представителями других родов войск, часто принимало участие в многодневных тактических учениях. В то время на Курильских островах было сосредоточено более восемьдесят тысяч японских солдат и офицеров. На островах Шумису и Парамушир, ближайших к Камчатке, находилось шесть аэродромов, которые могли принять шестьсот самолётов, там же располагались две военноморские базы. Была понятно, что Япония готовилась нанести удар по Камчатке.

Годы войны были наполнены трудностями и невзгодами. Дети (а нас было три сестры, самая младшая – Ирина) также испытывали скудность стола и быта. В детском саду мы не расставались с противогазами, а чуть подросли – с пособиями по оказанию помощи пострадавшим. Наташа, как старшая, обучала остальных: «Раны бывают колотые, рваные, резаные, а обрабатывать раны надо так...» Собирали посылки для фронтовиков, помогали взрослым нянчиться с младшими и, конечно, учились.

Основные военные действия на Дальнем Востоке произошли в 1945 году, после капитуляции Германии. Наш отец участвовал в Курильской десантной операции, которая являлась составной частью

стратегии Советских войск по разгрому империалистической Японии. Бойцы проявляли героизм и самоотверженность, штурмуя неприступные, замураванные в камни укрепления. Под шквальным огнём воины в полном обмундировании несли на плечах пулемёты, боеприпасы, добираясь до позиций самураев в холодной воде океана.

Потери войск в этой операции были огромны. Нашего папочку спасла судьба: осколок снаряда сорвал кобуру его пистолета, не задев сердца. Он был награждён орденом Красной Звезды и другими орденами и медалями.

После войны, когда мы уже жили в Москве, папу не оставляла мысль объединить участников Курильского десанта, рассказать о подвиге бойцов, отдать дань памяти погибшим. И он, будучи тяжело больным, работал в архивах, собирая по крупицам материалы об участниках операции – тысячи судеб. По словам однополчан, он стал летописцем последней страницы Второй мировой войны – Курильской десантной операции. Колоссальная переписка с участниками операции, с их родными, военкоматами, архивами, встречи, беседы, а по ночам – работа над рукописью составляли смысл последних лет жизни нашего папы. Документальная повесть «Курильский десант» была опубликована в 1984 году. И уже с момента появления повести в печати, началась работа по внесению уточнений, дополнений в текст, готовилось второе издание.

Папа не щадил себя, старался успеть. Он умер в апреле 1986 года, а подготовку второго издания повести продолжила Наталья Васильевна Акшинская. В городе Петропавловск-Камчатский знают и помнят нашего отца, Акшинского Василия Семёновича. В одной из школ есть музей его имени, куда мы отправили все его награды!

Акшинские Н.В. и Г.В.

Александр Дьяченко

В тот день, когда началась война, мы с отцом рано утром поехали в деревню за вишней на собственном мотоцикле с коляской. Отец был лётчиком – испытателем на авиаобъединении в г. Таганроге. Возвращались днем, на улицах увидели группы людей, слушающих радио. Остановились, стали тоже слушать. Я тогда узнал, что началась война, а отец даже как-то почернел лицом – понятно, что он сразу оценил все возможные последствия.

1 сентября я пошёл в школу, начались налёты и бомбёжки, как правило, два раза в день – в четыре утра и в двенадцать дня. Утром не хотелось вставать и идти в бомбоубежище, я хныкал и просил оставить меня спать. Днём было проще: во дворе школы была вырыта зигзагообразная щель, куда нас выводила учительница. После отбоя уроки продолжались, а иногда обнаруживалось, что один из домов разрушен.

Эвакуировались тогда, когда город не только бомбили, но и обстреливали. То же самое было в пути, пока не отъехали достаточно далеко. Хотя мне было около восьми лет, события эвакуации чётко врезались в память. Эшелон шёл в Сталинград. Каждому было выдано «эвакосвидетельство». На остановках выстраивалась очередь, чтобы получить горячую пищу. Если горячая еда заканчивалась, выдавали «сухой паёк» (консервы, хлеб, сахар). Периодически наш эшелон останавливался, пропуская встречные эшелоны с войсками и техникой, или, наоборот, попутные с оборудованием (станки, машины, металлические трубы). Паники не было, всё было чётко организовано. В Сталинграде перегрузились на теплоход, на котором доехли до Ульяновска. Помню двухнедельное проживание на барже: ночевали одетыми, иней на внутренних стенках, ежедневное «путешествие» за хлебом вверх по деревянной лестнице. (Мама сказала, что ступенек было семьсот). Затем нас перебазировали в Куйбышев, а потом в Сарапул. В каждом новом месте я продолжал учёбу, поэтому в первом классе я учился два года. В Сарапуле мы, школьники, помогали взрослым, как могли: собирали металлолом, ходили в лес с

работниками аптеки для сбора лекарственных трав. Победителей (наш класс несколько раз выигрывал соревнование) катали на сторожевом корабле по Каме. В школе мы разучивали стихи и песни. Особенно в моде были, так называемые, «монтажи», когда стихи читаются по очереди. С этими нашими «спектаклями» мы выступали в госпиталях перед ранеными. Эффект был поразительный: раненые были в восторге, хвалили нас, расспрашивали про учёбу. Тогда я ещё не знал, что все мои ощущения – радость от сообщений о победах на фронте, чувство любви и уважения к фронтовикам, гордость за нашу армию – это и есть патриотизм.

В 1944 году отца назначили начальником авиационного училища, которое формировалось в Куйбышевской области. В школе меня выбрали начальником штаба пионерской дружины (три полоски на рукаве), т.е. главным пионерским «начальником» в школе.

И, наконец, самое яркое впечатление – День Победы. Солнечный жаркий день. Я вместе с директором школы и другими активистами стою под знаменем школы на трибуне. Рядом – руководители района, начальник гарнизона под соответствующими знамёнами. А по площади под звуки оркестра идут курсанты училища, части гарнизона и демонстрация, возникшая стихийно, т.к. вряд ли можно было всё подготовить заранее. Несли красные флаги, портреты Сталина и других вождей, выкрикивали здравицы.

И вот до сих пор я помню ощущение чего-то светлого, радости, которая распирает изнутри, лёгкости, уверенности, что всё будет прекрасно. Теперь я знаю, что счастье – это не что-то постоянное, а именно, вот такое ощущение прекрасного мига, необыкновенной лёгкости, когда кажется, что вот – вот взлетишь над землёй!

Дьяченко А.В.

Людмила Марченкова

Перед началом войны мы, три сестры, жили с родителями в Смоленске, где они, члены партии, были на партийной работе. Отец, когда началась война, сразу же ушел на фронт, а маме, как партийному работнику был дан приказ остаться с партизанским отрядом в подполье. Вещи были собраны в большой сундук и закопаны возле дома под горкой (потом туда упала бомба).

Нас с бабушкой мама отправила за Смоленск в деревню и пристроила к чужим добрым людям, а сама отправилась обратно в город. Спустя несколько дней мама отпросилась у начальства, чтобы навесить детей. Ей дали отпуск на десять дней, добиралась она на велосипеде сутки. И вот она с нами. Немцы подошли к Смоленску с запада стремительно и взяли город, вернуться в который мама не смогла. Недалеко от деревни был железнодорожный разъезд, (название не помню), куда стянулись семьи с детьми и стариками. Неразбериха, суматоха, паника. Немец на подходе, дорога каждая минута, нужно действовать. Мама взяла на себя миссию организатора, с разрешения начальника станции, собственноручно на вагоне мелом написала «На Урал». Организовала посадку женщин, детей, стариков, вагон прицепили к составу.

Пережили бомбежку: когда немец стал бомбить, выбежали из вагона. Мама буквально своим телом нас загоразживала. Нашли в лесу место, где можно спрятаться. После окончания бомбежки мы замешкались и не успели в свой эшелон. Мама упросила летчиков, которые перевозили в своём эшелоне самолеты, нас забрать. И мы ехали под крылом самолета, и это крыло тогда было такое огромное! Потом мы догнали наш «телячий» вагон. Так мы попали в Белорецк Башкирской АССР.

В памяти о Башкирии – сильные морозы, молоко, замороженное в форме миски, много монет на одежде местных женщин, и тьма белых груздей. Их привозили из леса на телеге.

Пришла похоронка на папу, он погиб в декабре 1942 года на тракторном заводе, в г. Сталинграде. Было очень много горя. В 1945 году мы возвращались в Смоленск через Москву, заехали к маминной сестре. А потом остались. Так мы и живем до сих пор в нашей родной столице, но уже без отца, матери, но с детьми и внуками.

День победы в 1945 году встречали на Красной Площади. Салют, объятия, слезы радости и печали. Мама плакала, война унесла нашего отца, её старшего брата и многих родных.

А мы свято чтим память нашего отца Марченкова Федора Антоновича, замполита Богунского полка!

Чулкова Л.Ф. (Марченкова Людмила)

Первый день войны я не помню. Война для меня началась с бомбежки Подмосковья, где мы жили рядом с воинской частью. Ночи проводили в вырытых траншеях, так называемых, «убежищах». Помню, что моя младшая сестра, которой было три года, не хотела идти в это укрытие, не доев каши, хотя бомбежка уже началась.

Отец был военным и работал в военной академии преподавателем. Уже в августе он отправил нас в эвакуацию в г. Благовещенск, на Урале. Плыли мы на пароходе, который в первую же ночь в пути подвергся бомбежке, и всех нас с парохода отвели в церковь. Отец добровольцем ушел на фронт, а вся академия была эвакуирована в Ташкент.

Мама окончила индустриальный институт, и в эвакуации ее назначили заведующей пекарней. Пекарню надо было восстановить, чтобы снабжать хлебом военный завод и воинские части, готовившиеся на фронт. Помню много молодых ребят, ходивших в строю с песнями во главе с мамой. Отец нам прислал с фронта деньги, и мама купила двух барашков. Хотела купить овечку и барашка для развода, да опыта не хватило. В мою обязанность, кроме других дел по дому, входило – пасти этих барашков. Мама с солдатами в зимнее время ходила в лес на заготовку дров, а мы с сестрой, больные, сидели дома и требовали, чтобы она быстрее пришла.

В боях на Курской Дуге отец погиб, и мама срочно собралась домой, боясь остаться без жилья. И тогда мы испытали, что такое голод и холод с единственной едой – картофельными очистками. В это время в Подмосковье свирепствовал тиф, а мама устроилась в больницу санитаркой. Больницу разместили в школе, перед открытием надо было навести порядок. Собранный мусор мама сжигала в печке. В мусоре оказались снаряд, который взорвался. Маму без сознания отвезли в больницу. Всю ночь мы не спали, было страшно от неизвестности. И только в середине следующего дня, выйдя на улицу, мы увидели на лавочке маму, всю окровавленную – она сбежала из больницы к нам.

В день окончания войны мне было очень грустно. Я, конечно, радовалась, что больше никого не убивают, но знала, что для меня лично ничего не изменится.

Козлова Н.И.

Когда началась война, я жил с родителями, двумя сестрёнками и бабушкой в Воронежской области, при сахарном заводе в селе Большая Грибановка, недалеко от города Борисоглебска. Отец, агроном по специальности, работал начальником сырьевого отдела завода, а с осени 1942 г. был на фронте. Несмотря на то, что к началу войны мне было около семи лет, многие эпизоды военного времени я запомнил в подробностях и в мыслях всю жизнь к ним возвращался.

Лето 1942 года. В наши места прибывают войска для переформирования. Они размещаются на огороженной колючей проволокой территории в лесу, рядом с нашими домами. Каждый день я забираюсь на калитку палисадника и смотрю на дорогу. Запомнилось подразделение красноармейцев в касках, с винтовками, скатками шинелей через плечо. Идут тяжело, по хмурым запылённым лицам стекает пот, некоторые отстают. «Подтянись! Взять ногу! Запевай!» – приказывает такой же усталый командир. Колонна идёт молча. «Запевай!» – повторяет он повелительно. И откуда-то из середины колонны раздаётся почти детский голос:

«Ленинград мы не сдадим, и Москву-столицу!

Всех фашистов перебьём, станем на границу!»

Несколько голосов подхватывают, потом ещё и ещё, голоса крепнут, наливаются злой решимостью и начинают звенеть. Песня взвивается над строем. Я смотрю на проходящую массу внезапно воодушевившихся людей и чувствую, как по телу у меня бегут мурашки.

Осенью, во время тяжёлых боёв в районе Воронежа, по дороге потянулись нескончаемые гурты скота. Их спешно угоняли от немцев, не давая передышки и корма. Во время ночёвки голодные животные набросились на не убранный с поля, мокрый от дождя клевер и моментально объелись. Коровы раздувались, как воздушные шары и валялись на землю. Жутко было слышать рёв погибающих в муках животных.

Дороги развезло. Отступающие войска медленно шли по липкой чернозёмной грязи, с трудом вытаскивая ноги. Машин не было,

да они бы здесь не прошли. Лошади разных пород и мастей, запряжённые по нескольку в одну упряжку, еле тащили вязнущие орудия и подводы, их нещадно хлестали кнутами. Выбившихся из сил лошадей выпрягали и бросали на обочине. Одна из них лежала на боку у нашей калитки, она всё пыталась приподнять голову и не могла, жалобно смотрела на меня своими красивыми глазами. Мне хотелось взять лошадку себе, я всё гладил её, давал траву и сено, не понимая, что животное обречено. Когда стемнело, соседи, часто гнавшие саmogон и любившие погулять, занесли её на палках к себе во двор, а утром я с ужасом и негодованием увидел лошадиную шкуру, сохнущую на ветру.

Это время было самым тяжёлым для нашей семьи. Помню вечер на кухне при свете коптилки, бабушка кормила уставших красноармейцев варёной картошкой с кислым молоком. Люди были мрачные, особенно те, кто постарше, говорили вполголоса о положении на фронте, о своих оставленных семьях. Гнетущее чувство тревоги передалось от взрослых и мне. Окна были плотно зашторены, чтобы не привлекать внимание немецких бомбардировщиков, летящих бомбить ближайшую узловую станцию Поворино. От взрывов бомб вздрагивала земля, и дребезжали оконные стёкла, заклеенные бумажными крестами.

Объявили эвакуацию населения. Секретарю парторганизации завода для эвакуации семьи предоставили лошадь с кибиткой, а нам – вола с телегой. Куда могли уехать две женщины с малолетними детьми? Назавтра мы должны были тронуться в путь. И – о, счастье! – эвакуацию отменили. Немцам не удалось прорвать фронт. Наши войска, как мы узнали потом, сдержали напор, а потом пошли в наступление. Мама и бабушка часто вспоминали военных, с которыми мы, как с родными, прощались у нас во дворе. Ходили слухи, что почти все они полегли под Воронежем. Летом 1947 года я проезжал через Воронеж и видел картину страшных разрушений: ни одного уцелевшего дома в центре города, только остовы с пустыми глазницами, да висящие на арматуре куски стен. Поразило огромное количество железа по обеим сторонам дороги на Рамонь и множество захоронений по всей местности. В полях, среди бурьяна стояли искорёженные танки и противотанковые ежи в том положении, как

они остались после боя. Таившиеся в земле мины охраняли это мёртвое пространство.

В начале 1944 г. разнёсся слух: мимо станции Грибановка, в трёх километрах от нас, в сторону Сталинграда едут ленинградские блокадники и за продукты питания отдают любые вещи. С одеждой было плохо, и наша соседка тётя Наташа решила сходить на станцию, о чём её просили дочери – в школу не в чем было ходить. Она взяла варёной картошки, может быть, солёных огурцов, молока и печёной тыквы – все мы одинаково питались – и пошла. Вернулась в слезах и с пустыми руками, чем огорчила дочерей. «Елена Тимофеевна, – говорила она моей маме, – лучше бы я туда не ходила». То, что она увидела, потрясло её: женщины-ленинградки выглядели крайне измождёнными, обезумевшие от голода, они вырывали из рук своих маленьких детей еду, которую приносили жители окрестных мест, и с жадностью поедали. Какой-то мужчина захотел получить за еду юбку, но женщина застеснялась и предложила ему кофточку. Мужчина не соглашался, и тогда она, краснея, стала снимать с себя юбку при всём народе. «Нет, Елена Тимофеевна, это – великий грех – обижать таких людей!» – воскликнула тётя Наташа, и обе они заплакали. В то же время, соседка Васильевна, у которой я молот зерно на ручной мельнице за натуральную плату, весьма успешно занималась этим промыслом.

Ночью 9-го мая 1945 г. мама сквозь сон слышала голос диктора, вскочила с постели, прислонилась ухом к репродуктору и услышала конец фразы: «...днём Победы!» Сердце у неё сильно забилося, горло перехватили спазмы. Некоторое время она не могла двинуться с места, потом вбежала в комнату, где спали её сестра с мужем, приехавшим с фронта, и закричала: «Я не знаю, кажется, война кончилась!» С ней сделалась истерика. Я успокаивал её: «Мама, что же ты плачешь? Ведь война кончилась, и папа скоро придет!»

Когда мы слышали о капитуляции Германии, никто уже не сомневался, что войне конец. Мама плакала и смеялась, обхватила спящую сестрёнку, родившуюся накануне войны, стала её целовать: «Доченька, дорогая моя, война кончилась!» На что сестрёнка сонным голосом ответила: «Шут с ней, я спать хочу». От этого неожиданного заявления все пришли в восторг, громко захохотали, и слова эти на-

вечно вошли в семейное предание. Мама обеими руками застучала в стену соседке, та ответила. В окно постучали две знакомые женщины. Они знали, что у нас плохой репродуктор, и думали, что мы ничего не знаем. Мама высунулась в форточку, и они втроём, плача и смеясь, поздравляли друг друга.

Отовсюду раздавались выстрелы. Было начало четвёртого...

В письме с фронта отец написал маме: «Теперь наше летоисчисление начинается с 9 мая 1945 года!»

Золин В.М.

До войны мы с младшей сестрой, мамой и только что вернувшимся с финской войны отцом жили в Смоленске. В январе 1941 г. после непродолжительной болезни умирает мама. По просьбе отца, меня (семи лет) и сестру (шести лет) забирает к себе сестра отца, проживавшая в Брянской области, Мглинского района, в поселке Полосы, где кроме неё жили ее младшая сестра (девятнадцати лет), ее брат (тринадцати лет), грудной тётин ребенок, ее муж и бабушка. Там нас и застала война. Без слез невозможно вспоминать весь ужас, который нам пришлось пережить в годы войны. Все мужчины поселка ушли на фронт. Весь колхозный скот был эвакуирован. В поселке остались старики, женщины и дети.

Помню жесточайшую зиму 1941 года с сугробами выше крыш домов. Помню, как впервые ворвались в поселок немцы на мотоциклах и стали всех выгонять из домов во дворы. Не забыть, как немцы ловили кур и отрывали им, зажав между двух пальцев, головы. Обезглавленные куры еще какое-то время бегали по двору, орошая землю кровью. А немцы гоготали и кричали женщинам: «Матка, млеко, яйко!». Для нас, городских детей, это было чудовищное зрелище. Мы вырыли в огороде окоп, там и пережидали по ночам жуткую перестрелку между немцами и партизанами из леса, который находился рядом с нашим поселком, на другом берегу реки. Каждую ночь мы ждали, что эта ночь будет последней. Немцы то уходили в сторону леса, предварительно прогнав перед собой женщин, детей, стариков (партизаны часто минировали подступы к лесу, поэтому было много искалеченных), то возвращались, злые, замерзшие, в шерстяных масках на лицах.

Умирает бабушка, тяжело заболевает моя сестричка (воспаление почек). Кто-то ночью уводит единственную кормилицу – тёткину корову. Еды никакой: зимой – остатки промерзшей картошки, летом – щавель, проросший горох в поле рядом с тёткиным огородом. На всю жизнь запомнила, как по дороге рядом с поселком гнали в сторону Мглина огромную колонну людей еврейской национальности (так говорили взрослые). Потом мы узнали, что во Мглине их живы-

ми зарыли в огромную яму, после чего земля над этой могилой, по рассказам очевидцев, «дышала» несколько часов. Мы постоянно ждали такой же участи. Ещё картина в памяти: немцы гранатами глушат рыбу в реке. Рыба всплывает, покрывая всю поверхность реки. Берут, сколько им надо, остальная рыба погибала. Мы боялись подойти к реке – страх пересиливал голод.

Дожили до 4 июня 1943 г. В этот день около трех часов утра всех разбудил громкоговоритель. Мужской голос с украинским акцентом объявлял, что немецкое командование требует, чтобы все население поселка, без каких-либо вещей, незамедлительно выходило к поселковому кладбищу на пригорке. Если кто-либо попытается остаться, будет тут же убит. Плач женщин, детей, все прощались друг с другом, поскольку незадолго до этого всех жителей соседней деревни так же согнали к кладбищу и расстреляли, распустив слух, что это сделали партизаны. Потом мы узнали, что это было дело рук украинских националистов, воевавших на стороне гитлеровцев.

Но нас оставили живыми, построили в колонну, охраняемую немцами на мотоциклах и вооруженными украинцами с собаками, и погнали прямо по полю. Запомнила рожь раза в три выше моего роста. Очень болел желудок, и я на ходу пыталась поймать колосок, чтобы пожевать. Все решили, что настал наш черед, и нас гонят во Мглин. Когда вышли на дорогу, взрослые определили, что гонят нас по Смоленскому большаку. По дороге к нашей колонне присоединяли жителей других деревень. Все время объявляли, что если кто-то попытается скрыться – смерть на месте. Гнали долго, спали мы на земле.

Наконец, дошли до г. Рославля. Там всех загнали в лагерь для советских военнопленных. Детей отделили от взрослых, заперев в бараке. Мы лежали на дощатых нарах. На руках у меня был тётин маленький ребенок, и рядом – большая сестричка. Всех женщин и дядю – подростка куда-то увели. Мы были голодные, вокруг крики, плач, ужас.

Когда стемнело, началась жуткая бомбежка. Бомбы падали совсем близко, но ни одна в лагерь не попала. Утром всех выгнали во двор, женщины со слезами разыскивали своих детей. Открыли ворота и всех погнали к железной дороге. Вокруг были огромные воронки от бомб. Кто-то сказал, что это наши летчики пытались воспрепятствовать угону нас в неволю, но, вероятно, не получилось. Нас загнали

в товарные вагоны, дали по кусочку какой-то кровяной массы и что-то черное, похожее на хлеб. Двери задраили и куда-то повезли. Ехали долго, опять под бомбежками. Наконец, высадили всех на платформу г. Лида (Западная Белоруссия). Отобрали молодежь, в ее число попала наша тетя (девятнадцати лет). Позднее узнали, что их отправили в Германию.

Нас же опять загнали в вагоны и повезли в обратном направлении. Высадили на берегу Немана, загнали в деревянные бараки на карантин. Все волосы на голове остригли. Помню, как нас с сестрой обмазали дёгтем и раздетыми усадили в горячую печь, где мы дрожали от страха, думая, что нас сожгут. После карантина стали всех гонять поочередно по близлежащим хуторам в округе на сельхозработы и работы по дому у местных хозяев. Работа была очень тяжелая, все время хотелось есть. По дороге мы встречали местных женщин, и они иногда клали в наши протянутые руки что-то из еды. А те, у кого мы работали, отдавали нам то, что сами уже есть не могли. Не забыть, как у очередной хозяйки жали рожь серпом, и она угостила нас в поле кровяной колбасой, в которой шевелились мелкие белые черви. А вместо отдыха мы должны были носить на руках её ребенка.

По ночам везде свирепствовали какие-то бандиты. Говорили, что это были поляки. Убивали, вешали преимущественно тех, кто успел поработать в СССР учителями, врачами. С нами была учительница из нашего поселка с дочерью 15 лет. Маму не тронули, а над девочкой надругались, и она вскоре умерла. От непосильного труда все болело. Сестричку, совсем больную, тоже брали с собой, иначе бы ее убили.

Так дожили до осени 1944 г. Запомнилась жуткая стрельба ночью. К утру все стихло, никого из немцев не было видно, и вдруг появился наш советский молодой солдатик, на ходу крича: «Не бойтесь, вы свободны, скоро домой!». Как его все целовали, обливаясь слезами! И хотя война еще не закончилась, для нас это был День Победы! Скоро нас отправили домой в таких же товарных вагонах, но на полу было сено, и двери были открыты. И мы всю дорогу смотрели на разруху, которую оставила на нашей земле чудовищная война.

В поселке, куда мы вернулись, было не лучше. От тёткиного дома остался один сруб, все пропало: посуда, вещи, документы.

Приехавшая из Мглина комиссия переписала всех вернувшихся. Дали немного зерна, и, что самое радостное, на нас, детей двух фронтовиков (отец и тётин муж) выделили корову. Вероятно, потому, что на нас, заморышей, без слез смотреть было невозможно. И опять тяжёлый труд: на себе дрова из лесу, работа в огороде (дядя пытался на корове вспахать огород).

Всё еще приносили похоронки, кто-то раненый уже вернулся в поселок. От отца не было никаких вестей, и мы решили, что он погиб. Вернувшаяся с нами учительница собрала детей поселка и стала учить всех в одной комнатухе. Писали между строк на каких-то пожелтевших газетных листах, учебников не было никаких. Вернулся раненый тётин муж, долго болел и вскоре умер. Тетя стала готовить документы для устройства нас с сестрой в детский дом. Теперь я, конечно, понимаю, как ей было трудно. Для нас же тогда это был очередной шок. Но случилось чудо, закончилась война, и однажды, рано утром пришел отец. Он считал нас погибшими. Возвращение отца и было для нас вторым Днем Победы.

От отца мы узнали, что в Смоленске все разрушено, возвращаться некуда. И он увез нас с сестрой в г. Сталино (Донецк), где они жили с мамой в тридцатые годы до аварии на шахте, на которой работал отец (из всей смены живым тогда остался он один). После этой аварии мы переехали всей семьей в Смоленск. Опять пришлось вернуться на ту же шахту, на пустое место. Надо было лечить больную сестру. Дали нам маленькую комнатуху без каких-либо удобств. В Донецке это было тяжелейшее время. Но в школу пошли сразу, ходили в отцовском военном бушлате. У нас были прекрасные учителя, в основном мужчины, только что вернувшиеся с фронта. Я благодарна им за то, что после окончания школы они меня, единственную с серебряной медалью, фактически заставили ехать в Москву поступать в МГУ. Поддержало и руководство шахты, где работал забойщиком отец (почетный шахтер, ветеран боевых действий Великой Отечественной войны).

Сестра после окончания школы (болезнь на какое-то время отступила) поступила в институт в Харькове. Отец женился, и я спокойно стала учиться на химфаке. По окончании меня оставляли в аспирантуре на кафедре химии нефти. Но проклятая война опять напомнила о себе.... Получила телеграмму, что сестра, только что

окончившая институт и направленная на работу в г. Николаев, находится в больнице в тяжелейшем состоянии. Мне пришлось отказаться от аспирантуры. Распределилась в НИИ, где работаю до сих пор, договорилась на отсрочку выхода на работу и уехала к сестре. Привезла ее в Москву, она долго лечилась, но болезнь прогрессировала (полностью отказали почки). И моей милой сестрички вскоре не стало.

Вот таким тяжелейшим катком прошла война по нашим судьбам. В память о тех горьких годах – удостоверение бывшего несовершеннолетнего узника фашистского гетто (и других мест принудительного содержания в годы Великой отечественной войны) и две юбилейные медали, посвященные 50-летию и 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.

P.S. Время идет, стирая в памяти имена и события тех лет. Уходят из жизни те, благодаря кому мы живем. Благодаря им я училась в МГУ (да еще и на каком великолепном курсе!) Это, без преувеличения, были счастливейшие годы моей жизни. Никогда не забыть мне дорогой Химфак, наше новенькое общежитие, которое нам посчастливилось обживать первыми.

Навсегда останутся в памяти наши походы, поездки на картошку. А практика на нефтедобывающих заводах в Баку! Спасибо вам всем, милые однокурсники, кто, несмотря на занятость, помнит о нас, объединяет и, тем самым, без преувеличения продлевает нашу жизнь.

Будьте все здоровы и счастливы! И чтобы наши дети, внуки, правнуки, их потомки не знали, что такое война. «...Не уходите, не уходите, не уходите, я всех вас люблю...»

Шульгина О.Е. (Лишенок Ольга)

Когда началась война, я была в детском саду под Тарусой, на берегу реки Оки, куда меня отправили родители на лето. Место было необычайно красивое. Дом находился в дремучем сосновом лесу, на высоком берегу реки. По веткам деревьев прыгали весёлые ярко-рыжие белки. Они были совсем ручные. Их можно было угостить конфеткой прямо из рук. Спуск к реке зарос высокой сочной зелёной травой. Среди травы выделялись золотистые звёздочки – цветы чистотела. Сорванные веточки выделяли оранжевый сок. Мы играли в доктора: мазали им предполагаемое место укола или пореза. Это было моё последнее воспоминание о моём счастливом детстве. Ещё, правда, я помню, как пели молоденькие няни во время нашего «мёртвого» часа, тихо, чтобы нас не разбудить: «На закате ходит парень...» Никогда не забуду, как мы радовались подаркам, которые нам прислали мамы. Мне тогда досталась маленькая куколка-пионерка. Я её берегу до сих пор.

Потом вдруг приехали наши мамы. Нам сказали, что началась война, и мы стали собираться домой. Ехали мы очень долго: сначала пароходом по Оке до Серпухова, потом поездом до Москвы. Когда, наконец, мы приехали в Москву, уже смеркалось. Не успели мы сойти на перрон, как раздался страшный вой сирены. Из репродукторов раздавалось: «Граждане, воздушная тревога!» Все побежали к метро Курская. Мы с мамой тоже. Внизу на станции скопилось много народа. Нам досталось место в тоннеле, на рельсах. Мама села на сумку с вещами, а я примостилась у неё на руках. Так удалось нам немного подремать. Проснувшись, мы обнаружили, что сидим в большой луже. Вещи наши промокли. Мы так и не поняли, откуда появилась вода. Когда мы поднялись на улицу, увидели несколько грузовых машин. К ним были прикреплены огромные аэростаты. Стояло серое хмурое раннее утро. Моросил мелкий дождь. Мы тогда жили на Таганке. Транспорта никакого не было. Мы медленно побрели домой пешком. Дома оказалось, что папа уже на фронте, а бабушка каждый вечер во время тревоги бежит в бомбоубежище, в подвал соседнего

дома. Дедушка же игнорировал все тревоги и спокойно спал в своей кровати.

В сентябре мы с мамой уехали в Грозный, к другой моей бабушке, папиной маме. Там мама устроилась на работу в школу учительницей. Нам дали комнату в общежитии, в посёлке Старые промыслы. Летом 1942 года, перед наступлением немцев, маму вместе с другими учителями послали рыть окопы. Было жарко. Мама очень захотела пить. Воды с собой не было. Пришлось идти в ближайший дом просить воды. Как потом оказалось, в этом доме находился больной брюшным тифом. Очень скоро заболела и мама. Болела она тяжело: теряла сознание, бредила, не могла ходить. Меня устроили в детский сад, который находился в соседнем посёлке, наверное, километрах в трёх. Я ходила туда одна. Было немного страшно идти безлюдной степью. Когда я проходила мимо домов нашего посёлка, женщины, сидящие на крылечках, громко говорили о том, кто меня возьмёт после смерти моей мамы. Я начинала плакать и плакала всю оставшуюся до детского сада дорогу. К тому времени моя грозненская бабушка уже умерла.

Потом мы с мамой решили, что я буду оставаться в детском саду на ночь, а за мамой будет присматривать её сослуживица, Вера Васильевна. Однажды Вера Васильевна пришла за мной в детский сад уже поздно вечером, когда нас уже вымыли, чтобы уложить спать. Она сказала, что маме совсем плохо, и мне надо идти домой. Мы шли степью. Дул сильнейший ветер, почти сбивая нас с ног. Я была легко одета и страшно замёрзла. На следующий день я слегла с высокой температурой. Я лежала, не двигаясь, в какой то прострации, почти без сознания. Мама попросила вызвать врача. Когда пришла врач, я всё слышала, что она говорила, но не могла ни пошевелиться, ни открыть глаза. Доктор сказала: «Вы можете положить её в больницу, но она всё равно умрёт». Мама ответила: «Если так, то лучше пусть она останется дома». Мама стала меня лечить, как могла. Но сама она была ещё очень слаба. Часто падала и долго не могла подняться. Окончательно я пришла в себя от страшного взрыва. Я открыла глаза и посмотрела в окно. Было совсем темно, как ночью, но на окнах не было чёрных бумажных светомаскировочных штор, которые нам велели опускать на ночь. Я спросила у мамы: «Сейчас день или ночь?» Мама сказала, что сейчас день, и что взрывают баки

с нефтью, чтобы они не достались немцам. Баки были огромные, величиной с трех- или пятиэтажный дом. После взрыва воздух ещё долго был насыщен мелкими чёрными капельками нефти. И ещё долго было темно.

Я болела очень долго, почти полгода. Спустя много лет мне сказали, что это был туберкулёз лёгких. Когда мы с мамой стали поправляться, нам очень хотелось есть. Особенно хотелось сладкого. Такого чувства голода я ещё никогда не испытывала. А есть было нечего. Каждый день нам давали по куску безвкусного рыхлого белого хлеба, состоящего наполовину из опилок и раз в месяц поллитровую баночку горького варенья из мандариновых корок. Очень нам помогала добрая соседка из комнаты напротив. Она тайком от невестки открывала дверь нашей комнаты и вкатывала то большой арбуз, то несколько картофелин или початков кукурузы. После зимних каникул я, наконец, пошла в школу. Первый раз в первый класс. А мама пошла на работу.

Из школьной грозненской жизни мне особенно запомнился один эпизод. Ранняя весна. Наверное, конец февраля, начало марта. Ярко светит солнце. Мы сидим в классе на уроке. В окне на фоне яркого голубого неба видна сверкающая снежная вершина Казбека с огромной цифрой «2». Она казалась очень близкой. Мы договорились после уроков пойти и посмотреть, что это за цифра. Когда кончились уроки, мы весело побежали в сторону Казбека. Мы шли довольно долго. На обувь налипли большие комья глины. Мы с трудом поднимали ноги и уже очень устали. А Казбек к нам не стал ближе. Все немного приуныли. Вдруг кто-то увидел небольшой участок, покрытый снегом. Прямо в снегу росли яркие сиреневые, фиолетовые и жёлтые крокусы. Мы набрали по букетику цветов и довольные пошли домой.

В Москву мы с мамой вернулись только осенью 1944 года. Вечером

9 мая 1945 года мы пошли на Красную площадь. С нами пошли мама подруга и её дочка, Рита Родникова. Она училась на Химфаке двумя курсами раньше нас. Мы хотели пройти на площадь со стороны улицы Разина. Но Красная площадь была уже полностью заполнена людьми. Мы смогли добраться только до середины улицы Разина. Когда начался салют, мы оказались прижатыми к какому-то дому.

Мы с Ритой старались смотреть вертикально вверх и видели небольшой кусочек неба. Но, несмотря на это, мы поняли, что более красивого зрелища мы ещё никогда не видели.

Папа вернулся домой только осенью, после окончания войны с Японией. Он был дважды тяжело ранен и имел много наград. Мой папа был инженером-конструктором. Он окончил Грозненский Нефтяной институт. Конструировал передвижные электростанции, работал в одном из московских НИИ. Имел много научных трудов и изобретений. Я видела его работы в каталоге Библиотеки им. В.И. Ленина.

Моя мама стала хорошим учителем химии. Многие её ученики поступили в химические ВУЗы. У нас на курсе училась её ученица – Люся Горбачёва.

Соломченко Н.Я.

Для меня война началась, когда мы увидели передовые немецкие отряды. Люди молча стояли по краям дороги, а по ней ехали мотоциклисты в чёрной форме. Пятигорск. По ночам бомбёжки нашими самолётами, утром мы собираем осколки от бомб. Ночью попасть в цель было трудно, но, когда два бомбардировщика прилетели днём, поднялись одиннадцать «мессершмитов» и их сбили. Только один лётчик спустился на парашюте.

И страшный голод! Мать с тремя детьми: один год, два года, мне – шесть лет. Нет работы, нет никакой помощи. Я до сих пор помню вкус всех трав, листьев и корней, которые мы как-то жевали. Спасло нас то, что мать нашла на помойке бидон, куда сливали отстой от подсолнечного масла.

Я ходил в окружавшие нас госпитали (на Машуке, в бывших санаториях) и читал там книжки тяжело раненым немцам. Видимо, это было для них скорее развлечением – ну какой там у меня мог быть немецкий язык? Всё же они меня подкармливали из своих пайков. Но язык я совершенствовал всю жизнь, даже был переводчиком на фестивале 1957 года.

Притеснений со стороны немцев для нас не было – люди, как люди. Правда, по ночам слышались выстрелы – говорили, что в карьере расстреливали евреев. Но однажды, появился пьяный немец и потребовал, чтобы мать выстирала ему шинель – видно, по пьянке упал где-то в лужу. Мать сказала, что нужно мыло. А он не понял, подумал, что она отказывается. Вынул пистолет и направил его на маленькую сестрёнку. Мать закричала, схватила её и прижала к груди. Тогда он направил пистолет на меня. Я быстро схватил словарь и закричал: «Seife! Seife!» Он ушёл и принёс кусок мыла, а за стирку дал матери две банки консервов.

В один из дней, когда я был в госпитале, услышал, что они часто повторяют: «Сталинград, Сталинград!» И утром, проснувшись, мы немцев в городе не обнаружили. Через день пришли наши войска, вернулся отец – он был хирургом в наших госпиталях.

Жить стало легче, заработала школа, с нового 1943 года я пошёл во второй класс, но тягот войны и её последствий хватило ещё на многие годы.

Крысин Е.П.

Мне не исполнилось еще семи лет, когда началась война. Мы жили в Москве. В памяти остался бесконечный вой сирен, возвещавших об учебных тревогах и о настоящих приближениях вражеских самолетов. И голос Левитана: «Граждане, воздушная тревога» – и так много раз. Мы бежали к станции «Новокузнецкая» строящегося метрополитена и там ждали, когда объявят «Отбой». С первых дней войны отец добровольно с первым отрядом московских ополченцев ушел на фронт. С детства лишенный левого глаза, он, сотрудник Госплана СССР, руководивший добычей цветных металлов и золота, отказался от брони и, уходя на фронт, оставил маме записку «Лёлочка, я жил для вас (для мамы и нас с братом), теперь буду защищать Родину и жить только для неё».

Нас эвакуировали с детским садом Госплана, а потом мы с мамой и с братом оказались в Киргизии, в селении Кара-Балты у подножия Тянь-Шанских гор. Трудно представить, как мы остались живы: частые приступы бронхиальной астмы с высокой температурой у брата, непрекращающееся воспаление легких на фоне приступов тропической малярии у мамы...и я – с желтухой (самый здоровый член семьи). Отец попал в окружение, вырвавшись, оказался репрессированным, как изменник Родины, воевал в штрафном батальоне, как простой солдат. Мама получала на нас 100 рублей в месяц и, едва встав на ноги, пошла работать в сельсовет машинисткой, получала гроши. Ее уговаривали идти продавцом в хлебный ларёк, чтобы нам не было так голодно. Но она, как истинная коммунистка, не могла воровать хлеб у таких же, как мы, обездоленных людей.

Зимой 1943 года нам удалось вернуться в Москву. Наши две комнаты на последнем этаже оказались под толщей льда, текла крыша, прогнил пол. Топили с трудом раздобытую железную печку. Не было дров – сжигали мебель. Размокла, хранившаяся в чемодане, диссертация отца. Нашим страданиям не было конца: приступы астмы у брата, к хроническому плевриту мамы добавилась цинга, синопность подступала к сердцу. Мы жили на папины 100 рублей в

месяц и грошовую зарплату мамы – машинистки, которая постоянно бюллетенила. В это время пол-литра молока стоили 40 рублей, а 1 кг картошки – 80 рублей. Госплан СССР выделил нашей семье 5 кг отрубей и 1 литр рыбьего жира. Летом мы выращивали картошку на участке, выделенном нам Госпланом, но сохранить урожай не смогли, два мешка картошки при перевозке на грузовике оказались залитыми, не помню точно, бензином или керосином. Пришлось есть эту отвратительную вонючую картошку, сдобренную рыбьим жиром.

Военные годы детства ассоциируются не столько со школой, сколько с проблемами выживания нашей семьи. Не знаю почему, но в эти годы я искала помощи у Бога и, как могла, молилась, хотя была воспитана родителями – коммунистами атеисткой. Чудом уцелевший отец вернулся перед самым окончанием войны. Его отозвали, т.к. нужны были специалисты-геологи для освоения месторождений в освобождённых странах Европы. Больше всего отец дорожил своей медалью «За отвагу», хотя имел еще несколько медалей и орден «Боевого Красного Знамени».

В День Победы ликовала вся Москва, мы, увлекаемые людским потоком, не зная усталости, носились по улицам города, и, конечно, участвовали в общем празднике, бурлящем на Красной Площади, поскольку жили совсем рядом с ней, на Большой Ордынке.

Баскова И.П. (Григорьева Изольда)

В сухой Крымской земле лежит Серёжка из Сибири. Он навсегда остался девятнадцатилетним, весёлым и красивым. Ещё у него были сказочного оттенка рыжие волосы, жёсткие и кудрявые. До сих пор помню, как надёжно было, вцепившись в эти волосы двумя руками, сидеть на плечах моего неугомонного дяди, который был старше меня всего на двенадцать лет. Он так любил жизнь и отдал её за землю, где сейчас русский язык объявлен вне закона! Это чудовищно и недальновидно!

Военные годы в далёком от фронта сибирском городе запомнились всепоглощающим чувством голода. Голод терзал всех днём и ночью. В это время из Ленинграда прибыли блокадники, и на несколько дней просили их приютить по семьям. Моя мамочка привела домой молодую женщину с двумя детишками. Мальчик от слабости не мог подниматься с постели. Непонятно, что продала моя мама из нашего уже почти пустого дома. Но она сварила молочный кисель, и это был настоящий пир. Многие годы мне казалось, что ничего более вкусного на свете быть не может. Однажды, уже для своей семьи я решила повторить этот «пир». Мудрые слова о том, что нельзя войти дважды в одну и ту же реку, подтвердились.

В Сибири очень честно выполнялся лозунг: «Всё для фронта, всё для Победы». У населения не было ничего. Не было спичек, не было мыла, не было ниток, в школе вместо тетрадок использовались старые газеты. Вспоминается огромная радость, когда меня наградили «за отличные успехи и примерное поведение» похвальной грамотой и, главное, десятью тетрадками. Это были чудесные пять тетрадей в линейку и пять тетрадей в клеточку. До сих пор я не могу равнодушно видеть, когда выбрасывают школьные тетради с чистыми, незаполненными страницами.

Ещё я вспоминаю раненых – их было много. Казалось, что весь город превратился в госпиталь. Тысячи, десятки тысяч прибывали и прибывали в город снова и снова. Мы шили, почему-то, кисеты в школе, заполняли их табаком и разносили по госпиталям, где читали стихи и пели песни для раненых. Раненые лежали, как правило, не-

подвижно. В глубокий тыл отправляли в основном раненых с тяжелейшими ранениями – без рук, без ног, с поражённым зрением. Помнится, что для меня походы в госпиталь были серьёзным испытанием.

Наконец, наступил День Победы. Описание Дня Победы стало классикой. Всеобщее ликование, порыв и предчувствие огромного счастья. Я и две мои сестрёнки помчались на главную площадь города. День был чудесный, даже жаркий. Мы все были в платьях «весёлого» бежевого цвета. Платья были сшиты из... парашюта. Нам казалось, что мы самые нарядные, красивые и счастливые в этот День.

Норкина Р.С. (Мушкачёва Римма)

День начала войны в моей памяти не сохранился. Мы жили на Урале, в деревне. В школу я ещё не ходил. Радио и газет дома не было, а разговоров взрослых о том, что война началась, не помню, хотя семья была большая, да и во дворе всегда были люди – у нас был конный двор колхозной бригады, а дед был конюхом.

Мои воспоминания, прежде всего, связаны с младшим братом отца – дядей Петей. Незадолго до войны он проходил действительную службу где-то на Дальнем Востоке. Вернувшись домой, устроился на работу в Ирбите. Но довольно скоро, дождливой ночью пришёл домой со станции Худяково, в четырех километрах от нашей деревни Ретнево. Оказалось, что его снова призвали в армию на сборы. Новобранцев у нас обычно отправляли в Камышловские лагеря. Однако, на этот раз их повезли на Запад, к границе. Потом дядюшка рассказывал, что 22 июня 1941 г. их эшелон где-то уже в Белоруссии подвергся немецкой бомбёжке. Так для него началась война. Не помню, было ли от дяди Пети хоть одно письмо. Кто-то из односельчан написал, что был с ним в одном бою и видел, как он упал. Целых два года после этого дядюшка считался «без вести пропавшим», как и многие другие односельчане. Лишь на некоторых пришли похорошки.

Однажды зимой, в сумерках мы с ребятами катались на санках с горки в «яме», в конце нашей небольшой улицы. Ко мне подошла наша бабушка Анастасия и тихо сказала, что пришла похоронка на Степана, отца Василка, катавшегося тут же вместе с нами. Чувство жалости к нему, пронзившее меня в тот момент, помню до сих пор. Бабушка тогда шла в один из домов на соседней улице – гадать. Мы тоже пошли туда. Несколько женщин образовали круг. В центре одна из них держала на вытянутых руках каравай хлеба с зажжённой свечкой. Они гадали, живы ли их сыновья и мужья, от которых давно не было никаких известий.

В памяти осталось ещё несколько эпизодов. Как-то летом разнёсся слух, что Герасима, нашего односельчанина, наградили орденом – он сбил из винтовки немецкий самолёт. А где-то в сентябре я

увидел возле школы сына этого Герасима, Андрея. Он стоял, прислонившись к дереву, и плакал. Сказал, что его отец погиб. Не выдержав горя, Андрей «тронулся умом». Он был старше меня года на три, потом вырос крепким, высоким парнем, но был, как бы, «блаженным». Работал в леспромхозе, но рано, молодым, умер.

В школу я пошёл в 1942 г. У нас была старенькая учительница – Гумилёва Валерия Никодимовна, возможно, из эвакуированных. Семьи у неё не было. Иногда прямо во время урока открывалась дверь, и старичок, живший рядом со школой, приносил ей бидон молока. Букварь нам дали с Ванькой Неустроевым один на двоих. Но так как мой напарник справедливостью не отличался, мне букварь доставался не часто. Благо, я умел читать ещё до школы. Бумаги, карандашей не было. Писали чернилами кто на чём, даже на старых газетах. Однажды мама, Арина Васильевна, купила мне на рынке, в райцентре Зайково какую-то жёлтую обёрточную бумагу. Ручки перьевые, один из видов перьев – «рондо».

В первом классе на стене висела диаграмма с изображением Кремлёвской стены. Флажками мы отмечали передвижение линии фронта. Отголоском разгрома немцев под Москвой стало появление в Ретневской начальной школе новой учительницы, Л.И. Ёлтышевой, одетой в белый фронтной полушубок. Говорили, что она была на фронте. Во всяком случае, именно она привезла с собой песню «Моя Москва» с её чеканными строками:

«Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков.
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов».

От Сталинградской эпопеи в памяти сохранились разговоры отца с дедом, что будет, если немцы дойдут до нас. А затем наступил перелом в войне. В доме откуда-то появилась газета с обращением К.К. Рокоссовского к окружённым войскам Паулюса о сдаче в плен. Через год учительница уже показывала нам в классе газету с фотографией Сталина, Рузвельта и Черчилля на Тегеранской конференции, обращая наше внимание на то, что наш вождь, в отличие от этих капиталистов, одет в простую солдатскую шинель.

От дяди Пети у дедушки Михаила Егоровича оставалась гармошка с надписью на колодке перламутровыми буквами «Пролетарская». Каждый раз к нам приходили и просили гармошку на провода. С нею ушли на войну почти все наши односельчане. «Некрута» лихо пронеслись по тракту на тройках, с отчаянностью и надрывом распевая под гармошку частушки:

«Некрута-некрутики срывали в поле прутики.
По пруту поставили, по милочке оставили».

Такие встречи на дороге оставляли в душе щемящее чувство: эти люди могли не вернуться домой.

Нашего отца, Афанасия Михайловича, из-за дефекта глаз на фронт не брали, но одно время он был мобилизован в трудовую армию. Несколько месяцев он работал где-то около Свердловска на шахте. Отец почти всю жизнь проработал в Шкородумском леспромхозе, на УЖД (узкоколейная железная дорога). Много лет отец был грузчиком, вручную по двое грузили лес на железнодорожные платформы. Мать шила ему специальные стёганные наплечники, чтобы он не сбил плечи, таская брёвна.

На фронт тогда взяли не только всех годных мужчин и парней до 1926 года рождения. В колхозе забрали и самых крепких лошадей. Были случаи – и собак. Говорили, что их будут обучать подрывать танки. В 1944 году отца послали в Якутию за лошадьми для леспромхоза. Он рассказывал, как с несколькими товарищами они гнали табун лошадей вдоль Лены, потом переправляли их через реку на баржах и затем везли эшелонами. Операция заняла не один месяц. Несколько лет после этого на дорогах можно было встретить этих маленьких якутских мохноногих лошадок.

Рано пришлось пойти работать двум моим старшим сёстрам и брату. Сестра Лиза после семи классов училась в Ирбите в фельдшерской школе. После окончания учёбы её послали работать в Калужскую область. Она попала в село Передел Медынского района. Там только что прошёл фронт, ещё была слышна артиллерийская канонада. Вторая сестра, Тамара, и брат Анатолий бросили школу, учась в шестом классе. Тамара до конца войны работала бухгалтером в районном отделении госбанка, а Анатолий – в мастерской райпо-

требсоюза, изготавливавшей вёдра, гребни и прочую нужную людям продукцию.

Где-то в середине войны нашу, тогда ещё довольно полноводную, речку Бобровку вдруг перекрыли «бонами». Сначала было непонятно, для чего это делается. Оказалось, откуда-то с верховьев реки сплавляли деревянные бочки с живицей – смолой от подсечки сосен. Боны их задерживали, и здесь их вытаскивали на берег. Вскоре на «песке», низком берегу Бобровки, скопилось большое количество этих огромных бочек. Потом их увезли, очевидно, на железнодорожную станцию. По-видимому, живица – сырьё для получения канифоли и скипидара – тоже понадобилась для каких-то военных нужд.

Зимой, не помню какого года, в колхозе проводился сбор подарков для бойцов на фронт – тёплых шерстяных носков, двупалых (чтобы можно было нажать на курок) рукавиц, кисетов с табаком и др. А однажды в избе бабки Евлашихи было организовано изготовление пельменей для отправки на фронт. Помню, что там собралось много женщин. Они лепили пельмени, выносили их на противнях в холодные сени, а после заморозки ссыпали в белые мешки. Под конец ребятам из семей колхозников даже повезло – их угостили этими пельменями.

Перед войной деревня была многолюдной даже по моим детским впечатлениям. Постепенно население уменьшалось. Мы были ещё малы, чтобы помогать взрослым, если не считать прополки грядок на своём огороде. Но иногда и нас подключали к делу. Колхозники засыпали речной галькой выбоины на деревенском тракте. Гальку брали на перекате, грузили на телеги, а мы с ребятами развозили их по дороге, управляя лошадьми. Однажды Ванька Неустроев взял меня с собой ездить по домам и собирать золу для удобрения полей – видимо, колхозу было спущено такое задание. Как-то зимой с ним же ездили собирать металлолом. Ванька был парень ушлый, около фермы забрал в металлолом и кое-что нужное, вроде гири двухпудовки. Такой металлолом на пункте сбора, конечно, не пропустили. Когда мы подросли, помню, уже в четвёртом классе, нас посылали в поле за деревней собирать хлебные колоски и даже «на картошку».

Жизнь становилась всё скуднее. Трудно стало с самыми необходимыми вещами, вроде соли, спичек и курева. По домам ходили приезжие, меняли соль на табак, который деревенские жители стали выращивать сами на своих огородах. Мать ездила в ближайшие города, Ирбит и Егоршино (Артёмовск), меняя табак на какие-то вещи. И теперь страшновато вспоминать, как она зимой совершала эти поездки на товарняках, держась за поручни на подножке вагона.

Не было мыла. Мать стирала щёлоком от печной золы. А как-то дед с отцом сами сварили мыло в нашей чёрной бане, стоявшей через дорогу перед домом. Варили из кишок и соды (не знаю, где они её добыли). После варки и охлаждения чана сверху образовался круг вонючего хозяйственного мыла, которое разрезали на куски клиновидной формы.

До войны на Бобровке была водяная мельница. Плотины во время водополицы размывало, летом её восстанавливали. В памяти остался, наверное, последний такой случай. Из ельника, сразу за деревней, на лошадях возили огромные ели, усыпанные лиловыми шишками. Комель дерева закрепляли на передке, а сам ствол тащился волоком. Впечатление от этих красавиц – елей было сродни Некрасовским строчкам: «Плакала Саша, как лес вырубали». Деревья свозили и укладывали в плотину, пересыпая их глиной, которую привозили на телегах из «ямы». Помню, как десятка полтора женщин весело, с шутками копали эту глину и грузили её на телеги. Им помогали двое крупных мужчин, как говорили, «эстонцы». Эстонцы эти были, видимо, из числа высланных из родных мест после установления там советской власти. В годы войны заделывать проран в плотине уже было некому, и мельница перестала работать. Люди стали обзаводиться ручными мельницами, крупорушками, на которых можно было перемолоть зерно на какую-никакую муку.

Живя на Урале, вдали от фронта, и имея своё хозяйство, мы, конечно, не испытывали тех лишений, которые выпали на долю людей, столкнувшихся с войной непосредственно. К тому же, у деда с довоенной поры остались кое-какие запасы. В частности, амбар был забит до потолка немолоченными снопами ячменя. Когда возникала в том нужда, эти снопы извлекали, побеспокоив расплодившихся там мышей, разбегавшихся по заснеженному двору. Один или два сусека в амбаре были заполнены льняным семенем – до войны лён сеяли на своём огороде. Потом из льна изготовляли пряжу, устанавливали в избе «кросна», собирали ткацкий станок, ткали полотно. Бабушка орудовала челноком и рамкой, а мне поручала подавать «нитчёлки».

В нашей начальной школе были введены школьные обеды. Нам давали по тарелке щей, сваренных на мороженой картошке, и по полкусочка чёрного хлеба (50 грамм). Конечно, это было спасением для эвакуированных, не имевших ничего своего и живших на продовольственные карточки. Но помню, что и мне эти обеды не казались лишними.

В те годы у меня появились два маленьких брата, Саша и Витя. Теперь трудно представить младенцев, сосущих вместо пустышки тряпицу с завязанным в ней, разжёванным хлебным мякишем. По-

вседневный быт в то время сильно отличался от нынешнего. Например, за обеденным столом все члены семьи ели из одной миски, ложки были деревянными. Сахара и конфет в годы войны не было и в помине. Летом мы собирали в ельнике землянику, малину, княженику. Ранней весной мы с ребятами ходили в лес за берёзовым соком. Летом ходили рвать «пучки» и «дидильки», копали луковицы саранки. Иногда дедушка ездил в поле за травой для лошадей, заодно привозил бревно свежесрубленной берёзы. Снимали с него кору и кухонным ножом соскабливали обнажившийся сладкий эпителий. Это было своеобразное лакомство. Помню, как однажды дедушка взял меня с собой. На обратном пути мы, не спеша, ехали по полевой дороге среди хлебов. Дедушка правил лошадьё и напевал какую-то старинную заунывную песню, а я лежал на возу со свежескошенной травой с полевыми цветами, вдыхал эти ароматы и смотрел на облака, плывущие в голубом небе.

Большой радостью для нас были первые огурчики, морковь, горох, бобы, мак. К концу лета поспевала черёмуха. Ягоды черёмухи сушили, мололи и заготовливали черёмуховую муку на зиму. Из неё бабушка делала пирожки. Скромным лакомством была «карляба» – брюква, которую натирали ножом. Зимой в русской печи мать тушила в горшке «парёнки» из моркови и свёклы. Осенью взрослые ездили на леспромхозовском паровозике на болота за брусникой и клюквой. Любили собирать грибы, особенно рыжики. Не знаю грибов вкуснее, чем жареные рыжики. Теперь эти грибы почему-то перевелись.

Между тем война продолжалась. Вернулись домой после ранений некоторые уцелевшие на войне односельчане. Яков Пушкарёв, отец одного из моих сверстников, приехал без обеих ног в сопровождении медсестры. Все приходили в их дом и слушали его рассказы. Рано отвоевался Абрам Николаевич Замятин, муж маминой сестры, тётки Вари. Он получил ранение под Москвой и вернулся с покалеченной кистью правой руки. Дядя Паша, муж другой маминой сестры, тётки Вали, вернулся без одной ноги, на деревяшке. Отец Лобовых приехал с обезображенным лицом – обгорел в танке.

Однажды, в жаркий летний день мы с Толей Тимофеевым играли на улице и увидели, что «почтальонка» повернула к нашему дому, чего раньше никогда не делала. Мы бросились к нам домой.

Оказалось, что она принесла письмо от дяди Пети! Он писал, что находится в Белоруссии, в партизанском отряде. Получил возможность переслать письмо, как только к ним стали прилетать самолёты. Бабушка к тому времени уже сильно болела. Лежала на печке, стонала и причитала: «Где же ты, мой Петенька?» Когда ей сказали, что дядя Петя жив, она уже была к этому безучастна. Вскоре она умерла.

В нашей деревне было много эвакуированных из западных областей. В первом классе училась яркая москвичка Аза Победоносцева, была девочка по фамилии Андреева. Брат и сестра Ивановы учились у нас до четвёртого класса. Помимо наших эвакуированных, в деревне жили три польских семьи – Вармусы, Мостицкие и Падухи. Многодетная семья Вармусов поселилась в половине нашего большого дома. Их старшего сына Ивана забрали в армию, когда начали формировать польские части. С Метэком Мостицким мы вместе играли, катались на санках и лыжах, вместе ходили в школу. Летом 1944 года наши поляки уехали домой. Когда с ними прощались около дома (они уезжали на станцию на подводах), председатель колхоза Иван Тимофеевич наказывал им: «Не говорите там, что у нас плохо». Вармусы с дороги прислали нам несколько писем, но родители, опасаясь связываться с «иностранцами», так им и не ответили.

Нашёлся в деревне и дезертир. В «Барабе» жила семья Никитиных Их старший сын Андрей был физически очень развитым парнем. Поражал нас, пацанов, тем, что на реке нырял прямо с высокого берега и «ныром», т.е. под водой, переплывал её всю. Его взяли в армию, а потом стало известно, что он дезертировал. Однажды, двое деревенских копали могилу на кладбище за деревней. К ним из кустов вышел Андрей, попросил закурить и снова скрылся в кустарнике. Дальнейшая его судьба неизвестна, а сама эта семья после войны из деревни уехала. Война шла уже четвёртый год, и каждого человека, заходившего в дом, мать спрашивала: «Не слышно, когда же война кончится?» Однажды зашла моя учительница Фёкла Гурьяновна. На этот вопрос она ответила, что наши войска уже освобождают Прибалтику.

Мой дядюшка Пётр Михайлович партизанил в Белоруссии, в отряде Дубровского. После освобождения Белоруссии он снова был мобилизован в действующую армию. Мы получали от него письма. Помню обратный адрес этих писем: село Ушачи Чашниковского района Витебской области. В историю Великой Отечественной вой-

ны вошла Ушачская партизанская республика. Это были места интенсивного партизанского движения. Закончил войну дядюшка в дивизии генерала Шатилова, участвовал в освобождении Польши, в боях за Берлин. За штурм рейхстага получил орден «Красной звезды». Был также награждён медалями «Партизану Отечественной войны», «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другими. Дядюшке была суждена долгая жизнь. Он скончался совсем недавно, пройдя всю войну без единого ранения, если не считать контузии.

День Победы запомнился пасмурным, невесёлым. Шёл мелкий холодный дождь, дороги развезло. Неожиданно с работы вернулся отец. Пришёл вместе со своим бригадиром Ганей Ретнёвым. Объявили: «Война кончилась!» Настроение сразу стало праздничным. Помню газету «Правда» за 9 мая 1945 года с портретами руководителей трёх союзных держав и целой страницей фотографий наших прославленных маршалов и военачальников союзнических армий.

Начали возвращаться уцелевшие фронтовики. Вернулся друг дяди Пети, Андриан Евлампиевич, не вернулись с войны два брата Андриана – Андрей и Семён. Кузьма Фёдорович был, видимо, в войсках МВД. Он приезжал после войны в отпуск с Западной Украины с женой и маленьким сыном. А по возвращении обратно к месту службы погиб от рук бандеровцев. Кузьма Андреевич объявился через несколько лет после войны. По его словам, на фронте он застрелил трусившего командира. В результате, несколько лет провёл в сибирских лагерях. Некоторые из вернувшихся с войны живыми и здоровыми были ещё неженатыми. По вечерам молодёжь собиралась на танцы. Поскольку дядюшка был гармонистом, иногда эти танцы проходили прямо у наших ворот. Среди исполнявшихся танцев часто звучала «Лявониха», привезённая дядей Петей из Белоруссии.

Война закончилась, но нам предстояло пережить ещё два очень трудных года. Казалось, после четырёх лет войны иссякли силы не только у людей, но и у самой земли. В 1946 году случилась страшная засуха. Не уродился хлеб, не удалось заготовить нужное количество сена для скота. Невозможно забыть, до какого состояния дошли лошади на нашем конном дворе. Они сильно отощали, обессилели, уже не могли самостоятельно подняться на ноги. Их поддерживали на ременных вожжах или на верёвках. Еле-еле удалось дотянуть до весны, когда сошёл снег, и на покотине появилась зелёная травка.

Что касается нашей семьи, у нас была своя картошка, огород, корова, но совершенно не было хлеба. Нам с младшей сестрой Галей пришлось каждый день рвать крапиву и головки клевера, из которых мать стряпала какое-то подобие лепёшек.

Сестра Лиза, вернувшаяся домой, стала медсестрой в Зайковской средней школе, где я начал учиться в пятом классе. Летом она меня устроила на месяц в школьный пионерлагерь. Каждый день я ходил туда за семь километров. Там нас, конечно, кормили, но по возвращении домой я снова хотел есть. Мать варила большой ведерный чугунок картошки «в мундире». В дополнение к картошке был зелёный лук, соль, молоко или простокваша и пустые травяные лепёшки. В те дни мать часто повторяла: «Неужели придёт время, когда можно будет досыта наесться хлеба?»

И вот этот день настал! 16 декабря 1947 года отменили хлебные карточки. На следующий день отец пришёл с работы, принес в сумке несколько буханок белого и чёрного хлеба. С тех пор в магазине можно было купить хлеба, сколько хочешь. Началась нормальная, хотя и далеко небогатая, послевоенная жизнь.

Наумов Ю. А.

Перед войной и во время войны я жила в Соломбале. Это район города Архангельска, район, где селились истинные поморы, народ очень трудолюбивый, добрый и гостеприимный. Я считаю себя счастливым человеком, потому что жила в этом тихом и красивом северном уголке России на берегу Северной Двины с ее многочисленными речушками, впадающими в основной поток реки. Почему так называется этот район города? Несмотря на множество версий, это остается все равно загадкой. Соломбала находится на правом берегу Северной Двины и окружена со всех сторон малыми речками. Одна из них – Соломбалка, по берегам которой стояли катера и лодки, принадлежащие местным жителям. В этом районе находился судостроительный и судоремонтный заводы, военный порт, тракторный завод, лесная биржа, целлюлозно-бумажный комбинат (Сульфат), гидролизный завод, лесопильные заводы. В те времена в этом районе были деревянные одно- и двухэтажные дома без центральных коммуникаций. За водой ходили с ведрами на речку или к колонкам, которые тщательно оберегались от зимних морозов.

Перед войной в городе проводились учебные военные тревоги по линии ДОСАФ, чтобы подготовить население к настоящим воздушным нападениям. У всех были приготовлены противогазы соответствующих размеров. Финская война прошла быстро и практически незаметно в нашей семье, потому что все родственники и знакомые скоро вернулись живыми и невредимыми. Поскольку я видела, что полки солдат проходили мимо окон нашего дома в белых защитных комбинезонах и с лыжами на плечах, то я воспринимала эту войну как лыжный поход взрослых мужчин. Только потом, спустя несколько лет, я встретила семьи, где погибли отцы и братья, и поняла, что это тоже была настоящая ВОЙНА, а не лыжная прогулка.

В Соломбале мы жили на первом этаже двухэтажного дома, в самом центре района, напротив дома Советов, недалеко от рынка. В доме жили восемь семей на первом этаже и восемь семей на втором. На каждом этаже был один общий коридор и одна общая кухня с большой русской печкой, которую топили перед праздниками, чтобы

испечь праздничные пироги. Нам с соседями, жившими напротив наших двух комнат, повезло в том, что все комнаты располагались вдоль фасада дома, и поэтому была возможность отделить некоторую часть от общего коридора, поставив дверь. Фактически, получилась коммунальная четырехкомнатная квартира для двух семей. В отделенной части коридора сложили небольшую печку-плиту и получилась в этой квартире кухня для двух семей. Жили очень дружно, и для меня члены этой семьи до сих пор остаются самыми близкими родственниками. Вообще, все соседи в доме жили дружно и часто помогали друг другу. Например, если привозили кому-то дрова, то все свободные в это время соседи выходили помочь распилить их, расколоть и сложить в сарай. У каждой семьи был свой сарай во дворе дома.

Лето 1941 года было солнечным и теплым. Война была объявлена в воскресный день. В этот день мы с мамой были в цирке и узнали о войне только дома, наверное, часа в три. Я запомнила большую кухню, где мама читала письмо от папиного брата, который перед службой в армии какое-то время жил у нас, а теперь был в Севастополе. Мама грустно сказала о том, что теперь дядя Ваня сразу же, в первую очередь, будет на фронте. У нас в доме всегда было много гостей. Приходили к маме знакомые за советом, поплакаться о своих неудачах, поделиться радостями. Я часто попадала на эти рассказы и была в курсе всяких событий, по-своему всё воспринимала и раскладывала по полочкам в своей голове. Искала свои объяснения разным ситуациям, но никогда не спрашивала об этом маму, поскольку считала, что это не очень уместно, и старалась ей не надоедать с расспросами.

Когда началась война, мама работала в военном порту, поэтому я ходила в детский сад военного ведомства, где было много детей приезжих военных, жителей других городов. Начало войны для меня означилось тем, что дома нет папы. Уходили на войну соседи. Сын наших соседей после десятого класса ушел в военкомат и больше не вернулся.

Через неделю из магазинов исчезли соль и спички. За хлебом стояли в очереди целыми сутками, стало мало продуктов в магазине. Правда, и раньше все овощи, мясо, молоко, творог и рыбу мы покупали на рынке. Теперь все неработающие домашние хозяйки должны

были участвовать в строительстве бомбоубежищ или на каких-то других работах, где не хватало трудовых рук. Каждый день от дома Советов их увозили на грузовых машинах. Дисциплина была очень строгой. Мама уходила на работу рано утром в темноте и возвращалась, когда тоже было уже темно – рабочий день был не нормирован, нужно было только трудиться и четко исполнять свои обязанности. Ввели карточную систему. Рабочим в день – 700 грамм хлеба, служащим – 500 грамм, детям – 400 грамм и иждивенцам – 250 грамм.

Война для всех была неожиданностью. Запасов у городских людей не было. Деревня была более подготовленной, поскольку она жила и до войны своим натуральным хозяйством. Ближе к зиме горожане начали ездить по деревням, чтобы обменять одежду и т.п. на продукты питания. В городе часто отключали электричество, и по вечерам в домах зажигали лучины (это – длинные деревянные палочки, срезанные кухонным ножом с поленьев). Или керосиновые лампы, если таковые имелись, и был керосин в доме. Свечей, конечно, не было.

Зима была снежной, холодной, с сугробами до двух метров. На улице много голодных людей. В баню попасть было очень сложно – очередь занимали задолго до ее открытия. Часто баню закрывали на несколько дней для местного населения, поскольку привозили мыться военных людей. В районе была только одна баня, поэтому дети, да и сами взрослые часто мылись дома около топящейся печки. Все дворы около домов летом были превращены в грядки для выращивания картофеля и лука. Летом все взрослые ездили в лес за грибами и ягодами – заготавливали их на зиму. Холодильников, конечно, никаких не было. Грибы солили, варили или сушили и ставили в бочках в сараях, где хранили дрова для печек. Ягоды чаще сушили или зимой, например, клюкву, замораживали, поскольку сахара для варенья не было.

Дети всех соседних домов были очень дружны и всегда играли вместе. Иногда нас собиралось сорок и более детей в возрасте от пяти до четырнадцати лет. Играли в прятки, казаки-разбойники, лапту, воздушные лунки и т.п. Старшие уже работали на заводах или на лесной бирже. Летом в хорошую погоду всей гурьбой ездили в лес за грибами и ягодами. Меня мама начала отпускать в лес с этой компанией только, когда я училась уже в четвертом классе – боялась, что я

могу потеряться и заблудиться в лесу. Эта боязнь передалась мне, и даже потом, когда я ездила в лес, то строго следила, чтобы быть рядом

всеми.

В самое горячее время войны женщины, работающие на заводах, часто не приходили домой по трое суток, и дети одни оставались дома. На судоремонтном заводе изготавливались гильзы для снарядов и пуль. Летом 1942 года начались налеты на город. Но все бомбы чаще попадали в Северную Двину – за время многочисленных бомбежек пострадала только небольшая мебельная фабрика, называемая в народе «Столярка», и несколько жилых домов в противоположном от нас районе Архангельска. Мы, любопытные, ездили туда на трамвае посмотреть, как это выглядит. Конечно, для жителей тех домов это было ужасно!

Я помню, что, когда начиналась бомбежка, всех заставляли выходить из комнат в большой коридор. Все окна в квартирах были заклеены полосками бумаг и затемнены плотными шторами из черной бумаги. За этим строго следили дежурные по городу. Во время бомбежек небо освещалось взрывами и лучами прожекторов. Детям очень не хотелось оставаться в темных коридорах. Нам хотелось посмотреть на небо, страха не было. Из взрослых женщин были созданы дежурные команды на время бомбежек для тушения зажигательных бомб. Мужчины все были на фронте. Около дома стояли бочки с водой и песком, на пожарных деревянных щитах имелись лопаты, ломы, кирки и совки.

Страшно было, когда приходило кому-то с фронта письмо – треугольник с коротенькой припиской в уголке – убит. В маминей семье было девять братьев и сестра. Все братья погибли. В папиной семье было четыре брата. Все были на фронте с первого дня, по несколько раз ранены, после войны вернулись к мирной жизни. Папа вернулся раньше, до окончания войны, после тяжелой контузии и вскоре умер, летом 44 года. Ему было всего тридцать шесть лет, а он мне казался уже стариком. Помню день, когда он появился дома, почему-то ночью. Я проснулась и вошла в комнату, где он сидел на стуле в телогрейке. Мама мне не разрешила подойти к нему, потому что вся одежда была усеяна насекомыми. Он ждал, когда начнет работать баня. Мама положила ему в сумку чистую одежду и башмаки

и сказала, чтобы всю грязную одежду он положил в мешок и сразу же выбросил. Конечно, его возвращение домой было большой радостью для нас!

Во время Сталинградской битвы были разговоры среди взрослых о том, что нужно ехать туда разбирать развалины и высвободить из них людей, оставшихся в живых. Страшно было видеть на улицах голодных людей с протянутой рукой.

Во время войны в нашей квартире умерла от голода бабушка – мама нашей соседки. Временами я видала, как наша соседка приносила картофельные очистки и пекла из них лепешки. Мы, по возможности, иногда делились с соседкой тем, что было у нас из еды. Мы с мамой были немного в других условиях, поскольку она получала военный паек на работе. Кроме того, к нам приезжали дальние родственники или знакомые из деревень на берегу Белого моря и привозили что-нибудь из продуктов.

В те времена, когда не было заражённости берегов Белого моря, этот край был удивительно богат всякой живностью, грибами и ягодами. Это помогало местному населению справляться с невзгодами того периода. Тружеников – мужчин там не было, но женская половина трудилась самоотверженно. Они выращивали овощи, держали лошадей, коров, овец и кур. Люди жили по законам их предков – натуральным хозяйством. Оттуда зимой приезжали в Архангельск на лошадях, а летом на веслах в карбасах. Их трудолюбие приносило свои плоды. В избах, срубленных из местных пород деревьев, всегда было поразительно чисто и тепло. Не было лишней мебели, но стол, пол и лавки вдоль стен всегда были белыми без какой-либо краски. Вымывалось все это щелоком (вода с золой из русской печки) и березовым веником. Стерильность в домах достигалась обмазыванием косяков входных дверей дегтем, «выкуренным» из березовых щепок. Этим же дегтем летом спасались от комаров и мошек, когда работали на улице, – повязывали голову пропитанной дёгтем тонкой льняной лентой. Лен выращивали, и сами ткали полотно. Можно много и интересно описывать жизнь тех трудолюбивых женщин, которые стойко переносили все невзгоды и ждали победы, когда мужья вернутся домой. Дети подрастали и помогали по хозяйству. Это были чудесные места с богатейшей природой! Но к великому сожалению, многое, если не всё, теперь изменилось после создания закрытой зоны.

Во время войны большинство школ было отдано медикам для лечения раненых. В действующих школах учились в три-четыре смены. Тетрадей не было и приходилось делать их из газет. Деньги на учебники большинство ребят зарабатывали летом сами, продавая собранные ими грибы и ягоды, или работая на лесной бирже. Старшие школьники чаще работали в колхозах. Во время войны Архангельск был стратегически важным городом. Это был военный город, где базировался Северный флот, и охранялись северные рубежи государства, откуда начинался Северный морской путь. Во флигеле нашего дома жил капитан знаменитого ледокола «Ленин» – для нас дядя Федя Пустошный, а непосредственно нашим соседом на этаже был радист – дядя Яша Богданов, который в те времена был награжден орденом Ленина. Это были обыкновенные скромные люди, как и все наши соседи, которые безропотно и самоотверженно трудились.

В клубе военно-морского флота проходили выездные гастроли ведущих театров страны, проходили концерты знаменитых артистов. Наша соседка работала в доме культуры. Вечерами она меня брала с собой, и мне посчастливилось видеть практически весь репертуар разных театров страны, слушать выступления почти всех знаменитых оркестров, певцов, чтецов и даже побывать на представлениях знаменитого Кио. В годы войны мы не пропускали ни одного вновь появляющегося фильма. Многие фильмы смотрели по несколько раз. Очень запомнился фильм «Радуга», который смотрела больше десяти раз и все ждала, что, может быть, партизаны успеют и спасут героиню вместе с родившимся сыном.

Когда в Соломбале выходили из корабля пленные немцы, казалось, что на берегу собрались все жители района, чтобы увидеть их. Все стояли молча. Какое было чувство? Скорее всего, наверное, просто любопытство. От пристани их провели по улицам Соломбалы. Позднее в народе говорили, что они работали на строительстве домов, на «Сульфате».

Был патриотизм и любовь к Сталину. Я в те времена ни разу не слышала, что кто-то был арестован или сослан куда-то. В тюрьму сажали бандитов и воров. Может быть, просто взрослые никогда не обсуждали подобные вопросы. Общее впечатление от военных лет – это голод, холод, отсутствие нужной одежды, электричества. И занятость взрослых, и их бесконечное отсутствие в доме. В нашей квар-

тире все домашние дела были моей обязанностью, и часто меня называли «маленькая хозяйка большого дома».

После войны большинство взрослого населения не вернулось с фронта. Всю последующую жизнь нужно было восстанавливать и строить всё слабыми малыми силами. Город сумел оправиться от последствий войны только к концу пятидесятих годов.

Тютрина Г.В. (Клеопина Галина)

В начале войны наша семья жила в Свердловске. Я и мои сверстники, шести-семилетние мальчишки и девчонки с нашего двора, как-то даже и не понимали, что началась настоящая война. И вообще, не представляли, что это такое. Ведь мы обычно, особенно летом, очень много играли в войну – красные против белых. Лихо скакали на воображаемых конях, рубили шашками и саблями головы «белякам», ходили в разведку, очень метко стреляли. Всё своё вооружение мы делали сами из дерева, картона. Даже был пулемет, мы соорудили его из остатков детской коляски. Этим летом, как всегда, мало кто из нашей дворовой ватаги уехал в деревню к бабушкам (про дачи мы тогда вовсе и слыхом не слыхивали). Так что народу было много, и сражения развертывались азартные и многолюдные.

А тут вдруг настоящая война. Мы были уверены, что всё очень скоро закончится, наши солдаты раз-два, и победят. Танки у нас лучше всех в мире, самолеты быстрее всех. А уж что там говорить о пушках, пулеметах! Мы, конечно, тут же стали играть в войну с немцами-фашистами. Вообще-то ничего страшного не происходило. Мой отец и наши соседские отцы (мы жили в трехкомнатной квартире с двумя соседскими семьями) ушли на фронт. Да и проводы на фронт были веселые – играли оркестры, тётеньки и дяденьки играли на гармошках, пели, плясали, все обнимались, целовались. Ну, почти как на демонстрациях. Мы и чувствовали себя на проводах, как на демонстрации. Даже лучше, потому что маршировать нам на демонстрациях не разрешалось. А тут никто нам ничего не запрещал, и мы шагали за колоннами, стараясь маршировать в ногу, как большие. Правда, на станцию нас не пустили, какие-то военные всех провожающих останавливали и не пускали. В общем, было здорово. Только вот, почему-то, матери, и вообще тётеньки, плакали...

Но скоро и мы почувствовали, что война-то не игрушечная. Уже к концу лета стало не хватать еды. Из магазинов исчезало всё,

появились очереди. Мама таскала меня в очередь, т.к. давали в одни руки ограниченное число килограммов сахара, крупы, даже соли. Два младших брата были еще очень малы (пять лет и три года), а я уже вполне справлялась.

Началась школа, я пошла в первый класс. Я так ждала этот день, но прошел он как-то печально. Хотя и речи говорили, и первый звонок звенел, но настоящей радости не получилось. Появились новые друзья, нас в классе было сорок человек. И учительница не строгая, даже ласковая. Но вот что интересно. Организованных школьных завтраков не было. Каждый приносил то, что давали родители. Некоторые сначала приносили даже белый хлеб. Но очень скоро перестали – смотреть в глаза своим голодным соученикам стало невмogu. Самый распространенный и доступный завтрак состоял из морковки, репки или турнепса. Потом появились карточки. Это такие разграфлённые на отдельные талоны бумажки, на которых было написано, какие продукты по этим талонам можно получить. Хлебные карточки были отдельно. Иногда, правда, если повезет, можно было на талоны на крупу, например, получить сахар. Все жители были «прикреплены» к разным магазинам, и только в них можно было «отovarивать» карточки. В нашей семье отovarиванием карточек занималась я. Мама работала допоздна, братья еще маленькие (они ходили в садики, а вечером их «воспитанием» приходилось заниматься опять-таки мне). Я быстро научилась узнавать в каком из «наших» магазинов, и когда будут давать продукты, стоять в очередях, успевать обежать те три магазина, к которым мы были «прикреплены». Наличие карточек обеспечивало только возможность получить продукты, но никакой гарантии не было что, придя в магазин, ты что-то там получишь.

Но однажды... Иду я как-то расстроенная, потому что не получилось отovarить хоть чем-то карточки. Прохожу мимо другого, не нашего «карточного» магазина и вижу сказочную картину. На крыльце магазина стоит девочка примерно моего возраста в шубке, что уже было сказкой. (Я была в пальто, перешитом из старого маминого). Но главное – она держала в руках белую булочку. В то время такая булка называлась «венская». Такие булки нам иногда, по праздникам, родители покупали. Я не могла оторвать глаза от этой картины, стояла как в столбняке. Тут подходит тётенька и говорит:

«Ты хочешь такую же булку?». Ну что я могла ответить, я даже не поверила своим ушам, даже дышать перестала. Наконец я выдохнула: «Да». «Карточки есть?» «Да», – опять еле произнесла я. «Давай, я пойду и отоварю их булками. Сколько тебе надо?» Я напрочь забыла про арифметику, про цифры. Смогла только пролепетать: «Сколько-нибудь». Она ушла. Я представляла лица братьев, когда я им покажу свою добычу. Мама, конечно, похвалит меня и скажет, какая я замечательная добытчица. В таких мечтаниях время летело быстро. Я даже начала замерзать. И только тут я поняла, что тётеньки-то давно уже нет. Мысль о том, что она совсем не придет, даже не приходила в голову. И только тогда, когда меня кто-то спросил, кого я жду, и мне сказали, что в магазине уже никого нет, до меня дошел весь ужас произошедшего. И карточек нет, а месяц только что начался, и булок нет. Отсутствие булок почему-то волновало меня больше всего. Что делать, к кому обратиться...

Мама не ругала, а жалела и успокаивала меня. А потом она ездила по ближайшим деревням и меняла на продукты папины вещи. Один раз ей в обмен на папин полушубок дали немного муки. Мама напекла пирожков с морковью, и у нас был пир горой. Но это продолжалось недолго, вещей-то было мало, «с гулькин нос», как говорила мама. И тогда мама стала донором – сдавала кровь. За это давали особую карточку. Так и перебились этот месяц.

Зима в тот год была довольно суровая, даже по уральским меркам. И хотя народ привык к холодам, одевался соответственно, но, наверно, из-за скудного питания было всеобщее промерзание. В это время в Свердловск начали приезжать эвакуированные люди, вывезенные из тех мест, где уже нельзя было оставаться, т.к. вот-вот придут немцы. В частности, из Ленинграда. Привозили их эшелонами. Эти эшелоны состояли из вагонов-теплушек, набивалось туда много людей. Эшелоны встречали местные женщины (мужчин практически в городе не было видно) и разбирали эвакуированных по своим домам. Первое время, пока их официально не устраивали на жительство, они и жили у местных, а те кормили-поили, одевали, как могли, делились с ними своими скудными запасами. И это не казалось чем-то «героическим», просто нельзя было не помочь в таких обстоятельствах тем, кому в сто раз тяжелее.

Однажды мама взяла меня с собой на станцию. Откуда-то было известно, что эшелон придет поздно вечером. Когда мы пришли туда, весь перрон был уже забит людьми. Хотя народу было много, но было тихо-тихо. Только по пару, который клубился над головами, понятно было, что люди переговариваются. Воздух был прозрачный и звонкий, небо усеяно огромными и яркими звездами, которые, казалось, понимающее нас подбадривают. Вдали послышался гудок паровоза. Все зашевелились и начали двигаться то в одну, то в другую сторону. Все старались выйти вперед, но нам мамой не удалось выйти на «передний план». Только потом я поняла, зачем все туда стремились. Подошел поезд, двери долго не открывались. Но когда открылись, тишина разом взорвалась голосами и криками. Люди кричали: «К нам, к нам, давайте к нам...». Эвакуированные, по моему, плохо соображали, как-то обреченно медленно спускались (сползали) по ступенькам. У многих ожидающих с собой оказались телогрейки, платки, шали, в которые тут же закутывали приехавших. Помню, вышла тётенька в совершенно легком, летнем плаще и шляпке. С ней вышли две девочки. Мало того, что она в такой одежде вышла на мороз, так она еще голой рукой, без рукавицы, взялась за поручень. Рука и примерзла, и оторвать руку от поручня она не могла. А когда ей удалось оторвать руку, полилась кровь. Но она всё равно не заплакала, а в голос зарыдали какие две тётеньки из толпы. И ее девочки тоже не плакали. Их быстро увели. Нам с мамой тогда «не досталось» эвакуированных.

В школе было довольно тепло. И школьная жизнь шла своим чередом. Новые подруги, новые обязанности и дела. И было хоть и голодно и холодно, но веселья тоже было вдоволь. Правда, веселье-то было со слезами – у кого-то уже погибли родные. За нашим здоровьем следили, во всяком случае, временами делали анализы крови. Я оказалась «некондиционной» – дистрофиком. Меня прикрепили к одной из специальных городских столовых, где кормили обедом таких дистрофичных детей. Там строго следили, чтобы хлеб и, хотя бы второе и третье, дети съедали, а не тащили всё домой. Ведь у всех дома были братья и сёстры, и им тоже хотелось есть. Я приходила с бидоном, куда сердобольные раздатчицы наливали куда больше одной порции супа, и гордо несла его домой. Правда по дороге соблазн одолевал, и я вытаскивала из бидона куски картофеля и съедала.

Стыдно, конечно, было. Но, по правде сказать, чаще всё же удавалось удержаться.

Весной мы переехали в село. Мама поняла, что ей не прокормить троих детей в городе, и нашла работу в селе Ачит, в 200 км от Свердловска. Приехали мы ранней весной. От перемены места жительства продукты, конечно, не появились, но впереди была надежда – продержаться до осени: вот посадим огород – будет картошка, капуста. А пока – голод доставал. Тогда-то мы и узнали, что такое «лепешки из гнилой картошки». Это слова из песни, которую распевали значительно позже. Когда с полей стаял снег, мы собирали оставшиеся от прошлогоднего урожая картофелины (они почти все были черного цвета), мыли их много раз в воде. Потом натирали на терке или просто давили толкушкой. Из этого месива мама жарила на растительном масле лепешки, которые нам казались просто объедением. Никакие картофельные «деруны», которые позже приходилось мне есть и которые я очень любила, не могли сравниться по вкусу с теми «лепешками из гнилой картошки».

Наша жизнь в Ачите постепенно налаживалась. Первое время все нас очень жалели – такая молодая мама (а ей было всего-то двадцать шесть лет) с тремя детьми, без «кола и двора». Приносили картошку, морковь, лук, капусту. Часто приносили кастрюли с разной едой – то щи, то кашу, то пирожки. Мы получили такое количество доброты и сострадания, что, как теперь мне кажется, хватило на всю жизнь, во всяком случае, я всегда об этом помню. Это живет где-то внутри, подспудно.

От того времени остались разные воспоминания, и радостные, и печальные. А было всякое. Ну, например. В первое лето мы (я имею в виду нас, детвору) любили играть в зарослях крапивы на огороде. Крапива в то лето вымахала такой высокой, что мы ходили в зарослях, как в лесу. И однажды, я увидела на земле что-то белое, вроде тряпки довольно большого размера. Я подумала, что это рубашка упала с веревки, на которой она сушилась, и ветром ее занесло в крапиву. Но оказалось, что это целый склад яиц, много-много штук. Наверное, курица готовилась высидывать цыплят. Ели мы это богатство два дня. Мама все удивлялась, что мы не просим у нее поесть. И никто из соседей не приходил на нас жаловаться за «прочистку» огорода. Был такой грех – не давали мы морковке подрасти, вы-

дирали с корешками, едва-едва образовавшимися. Или ближе к осени мы «осваивали» колхозное гороховое поле. Гороховые стебли переплетались и образовывали шатер. Внизу у земли одни стебли, а сверху, как с потолка, свешивались стручки с горошинами. Вот туда-то мы и забирались и ели всласть. Но иногда попадались сторожам. Тут уж и окрестной крапивы не хватало, и реву, слез было в избытке. А еще был трагический случай. По осени резали поросят, которых откармливали все лето. Для этого звали дяденьку-специалиста. Но в тот раз он плохо справился с задачей. Он только подрезал поросенка, тот вырвался из его рук и бегал с истошным криком по двору. Весь снег был в крови. Я с тех пор не люблю мясо и мясные продукты, а первые годы вообще не могла есть ничего мясного. Перед глазами все время стоял этот недорезанный поросенок.

А сколько радости и восторгов вызывали поездки в лес зимой за ёлкой! Мы зарывались в сено в санях-розвальнях, мама усаживалась на облучок с вожжами. Снег искрился и скрипел, лошадка легко тянула сани, пока была дорога, а потом с натугой волокла их по целине, по глубокому снегу. Выбирали елку долго, хотя стояли они перед глазами одна другой красивее. Но выбор – всегда вещь трудная, все мнится, что есть подальше именно та, самая красивая, которая нам и нужна. Да и жалко было их срубить-то.

Но один случай был совсем особый. Через село шли танки на фронт и на несколько дней остановились в нашем селе. К нам в дом на постой распределили целый танк. Он так и стоял около ворот. Танкисты однажды нас посадили в танк и повезли прокатиться. Мне было страшно, особенно когда танк наехал на дерево, которое свалилось прямо на танк. А братья радовались и смотрели на всё это зачарованно. Запомнилась такая картина. Мы втроем стоим перед танком, а на танке один танкист держит в руках буханку белого (!) хлеба, отрезает огромный кусок и мажет его маслом, второй танкист достает из крынки ложку меда, размазывает мед по куску и протягивает мне. У меня в то время была мечта – когда закончится война, я налью полную тарелку подсолнечного масла, буду макать в него мягкий черный хлеб и есть досыта. А тут, уже сейчас, мне протягивают белый хлеб, да еще с маслом и медом. А братьям дадут? Видя мою нерешительность, танкисты рассмеялись, подмигнули мне и в

один голос закричали, что братья – мужчины, и получат свой хлеб сразу же после меня.

В 1943 году отца ранило на фронте, а после госпиталя его направили служить на Кавказ, в Ставрополь. Немцев только-только оттуда выбили. И отец прислал нам вызов для того, чтобы мы ехали к нему. Мама, конечно, колебалась. Ставрополь далеко, все неизвестно, как будет с жильем, работой. А вдруг отца еще куда-нибудь переведут. Здесь жизнь наладилась, дети в порядке. Ну а мы, конечно, были целиком за переезд.

В итоге, мы поехали. Ехали с пересадкой в Москве. Я потерялась в метро – не успела сесть в поезд и осталась на платформе. Вещей было много, и даже мы, дети, имели свою порцию багажа. У меня была какая-то сумочка и горшок ярко красного цвета. Я растерялась, вдруг женский голос громко объявил: «Девочка с сумочкой с красным горшком, не волнуйся, стой на месте. Сейчас приедет мама». Больше мне ничего не запомнилось из знакомства с Москвой.

В Ставрополе все казалось нереальным. Город пустынный, народу очень мало. Сады, полные фруктов, о которых мы только слышали, но никогда не пробовали. Абрикосы, персики, кизил, тутовник, а хозяев нет. В любой сад можно входить и собирать всё, что хочется. Готовили пищу на улице, во дворах, на маленьких самодельных печках или на кострах. И бесконечные проблемы с водой. На весь город было только несколько колонок, в которых была нормальная вода. Из остальных колонок воду брать нельзя – перед отступлением фашисты отравили воду, а наши еще не успели всё обезвредить.

Мальчишки находили много всякого оружия, с которым они играли или употребляли по своему разумению. И стреляли друг в друга, и гранаты бросали в костры, и подрывались сами на минах. Много из-за этого было трагедий.

В школе основная проблема заключалась в полном отсутствии тетрадей. Из газет нарезали листы, сшивали их в виде тетрадок и писали в промежутках между строчками.

Нам выделили небольшой участок – огород за городом, и мы там выращивали кукурузу и, для общей радости, подсолнухи. Земля была сплошной песок, мы даже сначала не верили, что на ней может что-то вырасти. Но росло быстро и обильно. Рядом с огородами был

большой песчаный карьер с махоньким озерцом посредине, которое, однако, не высыхало, несмотря на жару. Там мы купались, а потом блаженно растягивались на песке. А в песке нам попадались гильзы от пуль. Зачерпнешь двумя ладонями горсть песка, чуть раздвинешь пальцы – песок высыпается, а в руках остается несколько гильз. Потом мы узнали, что в этом карьере фашисты расстреливали людей. Родные, которым удалось узнать, что среди расстрелянных были их близкие, приходили в карьер и клали цветы. От них мы и узнали всё.

Конец войны мы встретили в Ставрополе. Проснулись ночью от выстрелов, грохота, криков. Но испуг быстро прошел, сменился радостью и ликованием. Всё, конец войне!!!

Мы не остались в Ставрополе, хотя отцу и предлагали остаться. Но как здесь ни хорошо, а дом-то все же на Урале!

Но это уже совсем иная история...

Старикова З.А.

Дядя Миша

*«И вот о том, что началась война,
сказал нам Молотов в своей известной речи».*

В.Высоцкий

Но я о начале войны узнал не из уст В.М. Молотова, а от своей родной мамы, которая, встревоженная, вернулась из магазина, где и услышала, что фашистские войска, вероломно нарушив договор, «ровно в 4 часа Киев бомбили, а нам объявили, что началась война».

Жили мы тогда в небольшом зеленом и красивом областном центре на Украине, в г. Сумы, расположенном в низкой пойме реки Псёл. Весной, когда Псёл разливался, вода подступала к окнам одноэтажных домиков, и все мы передвигались от дому к дому на лодках. Из всех достопримечательностей детская память сохранила две: сияющий на солнце золочёный купол огромного собора и бесконечно высокая, упирающаяся в небо деревянная лестница, соединяющая возвышенную часть города с его низменной, заливной, пойменной частью. И вот в этот тихий город пришла война. Во дворах рыли убежища – щели, периодически объявлялись воздушные тренировочные тревоги. Но воздушных налетов, бомбардировок не было. Казалось, что ничего не изменилось. Все ожидали новостей с фронта, собираясь у репродукторов, ждали и надеялись, что всё это ненадолго. Через пару недель появились первые эвакуированные, беженцы из Западных областей Украины, а затем и из Киева. Мама переживала, и всё ждала свою сестру с дочкой, которые жили в Западной Украине, почти на границе с бывшей Польшей, в г. Луцке. В этот город они попали в 1939 году, когда мужа маминой сестры направили строить социализм в присоединенных западных областях.

Время шло, а тетя Надя не объявлялась. И только недели через три, когда мы уже отчаялись их дождаться, тетя Надя с дочкой объявились, измученные, в потрепанной обуви и одежде, с маленьким, плетеным из ивовых прутьев сундучком-чемоданом. Тетя Надя все

время рассказывала о тех трудностях и кошмарах, которые им с дочкой пришлось пережить, выбираясь из города, где уже в первый день войны начались боевые действия. Из её рассказов больше всего в мою память врезалось несколько моментов. Когда она рассказывала о том, как им удалось вырваться из Луцка, она говорила о том, как хорошо была организована эвакуация: оповещение о месте сбора, выделение транспорта для вывоза женщин и детей, организация питания и т.п. И второе, что поразило меня уже тогда в её рассказах, это то, что, по её словам, задолго до начала войны почти всё население города (и в первую очередь польское население) знало, что в ближайшее время начнется война. Называлась даже дата начала войны:

22 июня. За несколько дней до начала войны в магазинах исчезли спички, соль, керосин. Польское население рыло во дворах щели – убежища. Она рассказывала, что за три недели до начала войны её муж, как командир запаса, был призван на военные сборы. За неделю до 22 июня, ночью он заехал навестить семью, и сказал, что в ближайшие дни, по-видимому, начнется война, и передал ей, как он сказал, «на всякий случай», свой именной пистолет, которым был награжден в Гражданскую войну.

Время шло, война не кончалась, а наоборот фронт все ближе и ближе приближался к Сумам. В конце августа всё чаще возникали слухи о высадке немецкого десанта то в одном, то в другом месте. Слухи эти не подтверждались, но «в воздухе пахло грозой».

Фактически мы уже смирились с тем, что нам придется остаться в оккупации. Куда бежать с двумя малыми детьми? Мне семь лет, а сестре три года, здесь хоть есть крыша над головой. А в эвакуации что будет? У сестер появилась идея переждать приход немцев не в городе, а где-нибудь в тихой деревне. А когда всё утихнет, вернуться домой в город.

Собралось несколько знакомых семей. Наняли подводы с лошадьми, погрузили свой скарб на телеги и отправились к каким-то дальним родственникам в маленькую, затерявшуюся в лесах деревеньку, километрах в двадцати от города. Поселились в нескольких глинобитных побелённых хатках. Нам ребятам было раздольно жить в этой деревне: молока вдоволь, можно целый день бродить по лесу,

собирать орехи, играть в «войну». Как будто, не было настоящей войны, воя сирен, воздушных тревог.

Но идиллия продолжалась совсем недолго. Кто-то из взрослых обратил внимание на то, что хозяйка и её дочь вышивают рушники, наводят в доме порядок, пекут много пирогов и хлеба. А на вопрос к хозяину, к какому празднику они готовятся, он ответил, что они ждут прихода немцев, а что мы либо жида, либо коммунисты, раз прячемся от германцев. Когда они придут, то разберутся. Оставаться в этой деревне было безрассудством. Кто-то из женщин пошёл в соседнюю деревню и договорился, чтобы нас отвезли назад в город. Загрузили вещи в телегу, посадили в неё двух самых маленьких детей и тронулись в обратный путь. Километров через пять проселочная дорога вывела нас на основной «шлях» (дорогу), по которому мы несколько дней назад бежали из города. Тогда это была пустынная дорога. Сейчас же она была забита телегами, людьми, скотом, тачками. Всё это медленно двигалось в едином потоке. А вокруг были сполохи огня, костры, дым и уходящее за горизонт зарево. Горел хлеб. Кто и зачем его поджёт? Может быть, чтобы не достался врагу, или это – просто случайность? Костры вдоль дороги, кибитки цыганского табора, расположившегося прямо на обочине дороги. И этот запах горящего хлеба и соломы, эти уходящие за горизонт сполохи огня я помню всю жизнь, и именно они стали для меня олицетворением войны.

К утру мы вернулись в город, который тоже стал другим. Вокруг была настороженная тишина. С собора сняли золоченую крышу, которую, как говорили, увезли «вглубь страны». Людей на улицах стало заметно меньше. Ходили слухи, что километрах в десяти-пятнадцати немцы высадили десант, что начались грабежи. Грабили, в основном, маленькие продовольственные магазинчики. Ставни на окнах не открывали даже днем. Мама и тетя собрали все фотографии своих братьев, сфотографированных в форме командиров Красной Армии, а также их письма, и сложили стопкой у печки. Они собирались все это сжечь, если придут немцы. Сейчас это выглядит наивно, но тогда это все воспринималось по-иному.

На второй или третий день после возвращения в город, поздно вечером в закрытые ставни раздался громкий стук. Все притихли, но никто не откликнулся. Стук повторился. В ответ – тишина. Но стучавший, по-видимому, догадался, что в доме есть люди: сквозь щели

в ставнях наружу пробивались полоски света от керосиновой лампы. И тогда кто-то оттуда, снаружи, громким мужским голосом закричал: «Откройте двери!» И дальше – «соответствующий» лексикон. Все облегченно вздохнули, т.к. голос оказался всем знакомым. Он принадлежал родному брату мамы, моему родному дяде Михаилу. Когда дверь распахнулась, я увидел на пороге высоченного (190 см) мужчину, косая сажень в плечах, в командирской форме, с пистолетом в кобуре на боку, планшеткой и другими командирскими принадлежностями. На рукавах были шевроны политрука.

Оказалось, что дядя Миша, будучи кадровым военным, начал воевать на западной границе. Вместе со своей частью он отступал до Ельни, где отличился в рукопашном бою, за что был награжден редкой тогда медалью «За отвагу», которую ему в Кремле вручил М.И. Калинин. Затем был ранен, лежал в госпитале и получил двухнедельный отпуск по ранению. Т.к. немцы до Сум еще не дошли, он и решил отправиться в Сумы к своей сестре, моей маме. Но на ближайшей к Сумам станции выяснилось, что поезда не ходят, железная дорога «перерезана» немцами, а свободна дорога только на восток, в сторону Белгорода. Это могло остановить кого угодно, но только не дядю Мишу, который всю жизнь был неуправляемым человеком. А тогда, в свои двадцать три года! Он доходчиво убедил сестёр, что негоже советским людям оставаться под немецким игом, тем более что они – родственники командиров Красной Армии и коммунистов. «Если вы останетесь в оккупации, – говорил он – это будет клеймом на всю семью». И в этом он, конечно, был прав. Всем стало ясно, что, если есть ещё возможность эвакуироваться, надо попытаться использовать эту возможность.

Рано утром, с рассветом, собрав самые необходимые вещи в узел и маленькие узелки для детей, мы, во главе с дядей Мишей, отправились в эвакупункт. Эвакупункт был расположен в небольшом скверике, прилегающем к зданию детского сада. На скамейках и просто на земле сидели люди с вещами, в основном, это были беженцы из западных областей Украины и Киева. Так как железная дорога была «перерезана» немцами, иного пути выезда из города, кроме как автотранспортом, не было. И, как нам сказали, надежд на формирование новой автоколонны не было. Через некоторое время к детскому саду подъехало четыре автомашины – «полторки» с брезентовым

верхом. Какой-то маленький «человечек», как выяснилось, некто Николай Николаевич, начал организовывать погрузку в автомашины имущества детского сада: ночные горшки, прикроватные детские коврики, какую-то документацию, посуду и т.д. На вопрос дяди Миши, почему вывозят «сральные» горшки, а оставляют немцам беженцев, и будут ли еще машины для их вывоза, Николай Николаевич ответил, что машин больше не будет, а имущество детского сада он вывозит по указанию «сверху». В ответ на это, дядя Миша вытащил из кобуры пистолет, для остротки пальнул пару раз в воздух. Затем, используя «подходящую» лексику, дал команду беженцам выбросить из машин ночные горшки и прочие «ценности». И чтобы все, кто собирался эвакуироваться, заняли места в машинах. Буквально в течение нескольких минут команда была выполнена. В нашу, головную машину поместилось семь взрослых человек и шесть детей. Дядя Миша скомандовал: «Полный вперед!», и колонна из четырех машин тронулась к деревянному мосту через Псёл с последней надеждой вырваться из города. Однако, как только колонна подъехала к мосту, навстречу выскочил человек в военной форме и стал кричать, что проезда через мост нет, что он заминирован и его могут с минуты на минуту взорвать.

Дядя Миша, стоя на подножке автомобиля с поднятым вверх пистолетом, скомандовал: «Вперед!», и мы оказались по другую сторону реки Псёл, на свободной от немцев территории. К вечеру наша колонна добралась до небольшого городка Краснополье, где решили заночевать. Машины разместили во дворах за плетнями, планируя рано утром продолжить путь «вглубь страны». Не знаю, кому пришла в голову гениальная идея не оставлять машины у дороги, а спрятать их во дворах за плетнями. Но эта была спасительная идея. Потому, что рано утром на рассвете нас разбудило не пение птиц, а шум моторов и лязг металла: по улице шли немецкие танки. По-видимому, немцы выбросили очередной десант. К счастью, стоял густой туман, такой густой, что в нем различались только контуры танкеток и сопровождающих их мотоциклов. И этот туман скрыл от глаз немцев стоящие во дворах наши машины. Спустя некоторое время, мы двинулись в путь в сторону, противоположную той, в которую ушли немцы. К счастью, с немцами мы больше не встретились.

Наш путь лежал в Белгород, где дядя Миша с нами попрощался и, так как у него заканчивался отпуск, отправился в свою часть «бить фашистов», а мы продолжили свой путь «вглубь страны».

В Белгороде нас застали первые заморозки суровой зимы 1941 года.

Неверов А.Н.

В начале войны, в 1941 году, мне было четырнадцать лет, но в моих воспоминаниях об этом тяжёлом времени много детского. Например, мы с друзьями искренне жалели, что фронт до конца войны не успеет дойти до Новороссийска, где я жил вместе со своими родителями, и мы не сможем уйти в горы к партизанам.

Воздушные налеты немцев на Новороссийск и порт начались практически сразу после 22 июня. Интенсивность налетов особенно усилилась после осады Одессы, так как эвакуация раненых, доставка боеприпасов и воинских подразделений в осажденный город проводилась через Новороссийск. Новороссийск немцы бомбили ночью. Город сравнительно небольшой, поэтому мы уже утром знали, кто из знакомых или родственников пострадал во время ночной бомбежки. От прямого попадания бомбы в дом погиб мой хороший товарищ Руслан Горанько и вся его семья. Руслан был удивительно способный и талантливый человек. У него была феноменальная память – ему было достаточно пару раз прочитать стихотворение, чтобы хорошо его запомнить.

Ночью прилетали бомбардировщики, а днем в безоблачном небе, на недоступной для наших истребителей и зениток высоте, иногда появлялся крошечный силуэт двухфюзеляжного самолета-разведчика «Фоке-Вульф». (В просторечии – «Рама») Мы ненавидели этот самолет лютой ненавистью за его безнаказанность. Бывали дни, когда он висел над городом несколько часов, а затем целый и невредимый улетал. Когда начиналась бомбёжка, гудело всё, что может гудеть: гудели фабрики, заводы, паровозы, пароходы и даже буксиры в порту. Уличные динамики громогласно объявляли «Граждане – воздушная тревога, спешите в убежище». Убежище – это узкий окоп, вырытый в земле населением, крытый чем попало и засыпанный тонким слоем земли. От бомб такое убежище, конечно, не спасало, но как-то защищало от осколков бомб и осколков наших зенитных снарядов. Противовоздушная оборона была слабовата. На рейде был потоплен лучший для того времени современный военный

корабль Черноморского флота «Ташкент», купленный в Италии после заключения пакта с Гитлером.

Договор Сталина с Гитлером не был просто бумажкой. Первых двух фашистов я увидел в Новороссийске в 1940 году. В порт пришел немецкий сравнительно небольшой корабль за касторовым маслом, ценным сырьем для производства смазочных материалов. Касторовое масло тогда получали в Краснодарском крае из выращиваемого здесь растения – клещевины. Немцы ходили по городу в гестаповской форме: сапоги, черное галифе, черный форменный китель, на рукаве свастика на белом фоне. Танцевали в парке с русскими девушками, чувствовали себя очень уверенно и свободно говорили по-русски.

В ноябре 1941 года мы с мамой, спасаясь от бомбежек, уехали в город Нальчик, столицу Кабардино-Балкарии. Тогда это был глубокий тыл. Даже ночью в городе не было светомаскировки. Меня всегда интересовала судьба моих товарищей, одноклассников и просто знакомых, оставшихся в Новороссийске в период оккупации. Жора Петухов записался в РОА (Русскую освободительную армию Власова), ушел с немцами. Преподаватель математики в нашей школе, бывший младший офицер Императорского флота России, наш общий любимец, когда узнал, что я вместе с матерью уезжаю в Нальчик, вызвал меня к доске и обвинил меня в трусости, недостойном поведении русского человека и т.д. Он хорошо знал немецкий язык и стал при немцах бургомистром Новороссийска. Тоже ушел с немцами. Анатолий Соколов служил в армии где-то поблизости от Новороссийска, был командирован в город за резиной для автомашины ЗИС-5. Приехал в город вечером, а утром в Новороссийск вошли немцы. Всю оккупацию просидел дома, во время отступления фашистов с помощью найденной винтовки задержал немецкого унтера и привел его на командный пункт. Потом Соколов воевал до конца войны.

Зимой 1941–42 года, когда немцы уже заняли Ростов, была срочно, по настоянию Будённого, сформирована кабардинская кавалерийская дивизия, состоящая, как сообщалось, из «добровольцев». Родственник двух моих приятелей, братьев-кабардинцев Казбека и Рамазана, попал в число этих несчастных, был ранен, писал письма домой из госпиталя. Поэтому я достаточно подробно знаю всю тра-

гическую историю этой дивизии. Дивизию, а это, примерно, девять тысяч всадников в бурках, папах, на чистокровных лошадях кабардинской породы, погрузили в эшелоны в Нальчике, по принципу в товарный вагон – восемь лошадей или сорок солдат. Вся Кабарда провожала «добровольцев», кричали и плакали женщины, дети. Элементарный здравый смысл говорил всем, что людей гонят на верную смерть. Немцы со своей первоклассной армией, как паровым катком прошли по всей Европе, Прибалтике, Украине и половине России. Какая уж тут кавалерия, бурки и шашки, когда необходимы танки и самолеты! Эшелоны с дивизией подвезли поближе к фронту и без всякой артподготовки все три кавалерийских полка пустили наметом в атаку, с шашками наголо на немецкие позиции в чистом поле, покрытом снегом. Погнали на автоматы, пулеметы и бронетранспортеры. Уцелели раненые, которым чудом удалось укрыться на местности или за трупам лошадей.

Весной и летом 1942 года немцы наступали в направлении Сталинграда и на Кавказ, вдоль основной железнодорожной магистрали. В то время практически во всех городах Северного Кавказа размещались госпитали, в которых лечились десятки тысяч раненых. Командующий фронтом Будённый не смог (или не захотел) организовать их эвакуацию, очевидно, надеясь остановить наступление немцев. После оккупации Ростова Сталиным был подписан указ о смертной казни за самовольное отступление и об организации заградотрядов. Но немцы умело обходили очаги сопротивления, а, оказавшись в окружении, в тылу врага, наши части были вынуждены пробиваться к своим. Поэтому фронт неумолимо приближался к Минеральным водам, Кисловодску, Пятигорску, Нальчику и Моздоку. Вместо обороны начался великий «драп». Драп – это жаргон. Так называли беспорядочное отступление, по сути дела, бегство. От глагола «драпать». Страшный приказ и расстрелы не помогли.

В Нальчик привозили раненых с фронта. Лето 1942 года на Кавказе было очень жарким и душным. Температура воздуха приближалась к сорока градусам. Раненых привозили в открытых машинах – полуторках. На такой жаре их перевязки, пропитанные кровью и раны начинали гнить, поэтому около раненых стоял запах гниющего мяса. Мой отец работал тогда в госпитале, и я был в курсе всего там происходившего. Когда немцы приблизились к курортным городам Северного Кавказа, в штабе Будённого установили, что транс-

порта для эвакуации раненых солдат нет. Срочно был подготовлен приказ, смысл которого можно было свести к трем словам: «Спасайся, кто может». Все, кто хоть как-то мог передвигаться «на своих двоих», двинулись по шоссе на дороге. А те, кто был прикован к постели, остались в оккупации. Таких по разным оценкам было 80–100 тысяч. Все они погибли в чистом поле вблизи от Кисловодска от жажды, голода и холода. Спаслись только те, кого спрятали местные жители.

В 1973 году я отдыхал в санатории имени Горького в Кисловодске и встретил там медицинских сестер, которые ухаживали за ранеными, брошенными нашими в 1942 году. Охраняли лагерь с умирающими ранеными не немцы, а их пособники. Предательство командования окончательно деморализовало армию. Бежали не только раненые, но и солдаты действующей армии. Известно, что армия без дисциплины превращается в сброд. Справедливость этого утверждения можно было наблюдать на дороге Пятигорск–Нальчик. Дезертиры-солдаты начинали грабить магазины и склады первыми, а все, находящиеся на дороге поблизости, присоединялись к ним, опустошая места хранения продуктов.

Немцы, не встречая сопротивления, неумолимо приближались к Нальчику. К вокзалу железнодорожной станции «Нальчик» подогнали бронепоезд НКВД, как мы потом узнали, специально для эвакуации членов ЦК и Правительства Кабардино-Балкарии, а на столбах и заборах были развешены объявления, в которых всем мужчинам призывного возраста предлагалось явиться в военкомат. Хотя мне еще не было шестнадцати лет, и у меня не было паспорта, я пошел в военкомат. Еще издали увидел, что двери и окна горвоенкомата открыты настежь. В пустых комнатах, на столах и на полу валялись какие-то бумажки. Аналогичная картина была и в стоящем рядом здании райотдела милиции. Мне стало ясно, что вся власть, как сейчас говорят, нас просто «кинула». Такая спешка, могла быть только в том случае, если немцы уже входят в город, или вот-вот войдут.

Моему возмущению не было предела. Бездеятельность властей я расценил, как предательство. По совершенно пустым улицам, на которых иногда попадались отставшие от своих частей солдаты-дезертиры, я добрался до своего дома. Я считал, что власть должна,

как капитан корабля, последней покинуть свой пост. В городе было много людей, которые не хотели или не могли оставаться при немцах. Более того, в 10-15 км от Нальчика тысяч десять женщин, стариков и подростков вручную копали противотанковый ров для защиты Нальчика. Их, не предупредив заранее, просто бросили. Я не попал на эти работы, т.к. у меня не было паспорта, прописки и т.п. Ров этот был совершенно бесполезен. Немцы и не собирались брать штурмом Нальчик. Они знали, что горно-стрелковая дивизия СС – «Эдельвейс», с проводниками балкарцами, горными тропами и перевалами движется к Нальчику, и на всем пути нет ни воинских частей, ни полевых укреплений, которые могли бы их задержать.

Пока дивизия «Эдельвейс» хозяйничала в горах, ее офицеры поднялись на Эльбрус и установили там немецкий флаг со свастикой. Все это время немецкая ударная группировка неподвижно стояла на берегу Баксана, а в самом Нальчике не было никакой власти. Не было милиции, воинских частей, не было партийных деятелей и, как нам казалось, всевидящего ока компетентных органов. Но, тем не менее, в городе все было относительно спокойно. Кабардинцы вели себя по отношению к русским вполне корректно. Это «междувластие» продолжалось дней десять. Функционировал базар. На оптовых складах честные работники прилавка продавали дефицит – керосин, соль и спички – по государственным ценам. Говорили, что сбежавших чиновников отловили, наконец, в Дербенте, и они вернулись в Нальчик. Но мы все понимали, что немцы стоят на левом берегу Баксана и через любые полчаса они могут быть в городе. Поэтому, как только появилась возможность уехать, мы уехали на грузовой автомашине в Северную Осетию, в город Алагир к знакомым осетинам, а затем в Среднюю Азию.

Немцы господствовали в воздухе, и подошли уже к Моздоку. Они пытались прорваться к месторождениям нефти. Примерно в это время командующего фронтом маршала Будённого заменили генералом Петровым, который организовал оборону Одессы и Севастополя. Заменили одного человека, но все изменилось кардинальным образом. Фронт стал стабильным. Используя заранее подготовленные оборонительные сооружения и построив новые, генерал Петров создал надежную противотанковую оборону и, в результате, ударная танковая группировка немцев была разбита. Отступавших солдат не

судили, а мыли, кормили, одевали и распределяли по воинским частям. Солдаты и офицеры с радостью встречали эти перемены. Им надоело отступать. Многие из них отступали от самой границы.

Прекратилось беспорядочное отступление. Стабилизировался фронт. Получили от союзников современные истребители с мощным пулеметно-пушечным вооружением. В действующую армию начали поступать и советские современные самолеты. Советские войска подготовили и начали наступление по всему фронту. Вскоре был освобожден Нальчик, и пришел «час расплаты» для балкарцев за то, что пять или шесть человек, представителей этого народа, провели дивизию СС «Эдельвейс» через горы, а старики подарили Гитлеру набор джигита: коня, кинжал и бурку. За эти грехи весь народ, в том числе женщины, дети, старики, секретари ЦК, секретари парткомов и члены партии были высланы в Казахстан.

Сейчас я должен приступить к самой трудной для себя части своего повествования, к рассказу о своей службе в армии и участию в боевых действиях Первого Украинского фронта в Польше в 1944 году. Дело в том, что реальная армия, с которой я столкнулся, совсем не соответствовала общепринятым в то время представлениям о Советской Армии. Я был призван в армию в ноябре 1943 года со второго курса автомобильного техникума города Сталинабада. В техникум пошёл, потому что там платили хоть и маленькую, но стипендию и давали «рабочую карточку». Со второго курса техникума в армию не брали, но к нам пришли работники военкомата и предложили написать заявления с просьбой направить нас добровольно в Ташкентское танковое училище. Все ребята, мои однокурсники, и я сделали это с удовольствием. Однако, в скором времени несколько человек с курса, в том числе и я, получили повестки из военкомата с предложением явиться на призывную комиссию. На заседании комиссии мне сказали, что в танковое училище меня отправить не могут, так как мест нет, поэтому я должен ехать в снайперскую школу, откуда пришла заявка. Все мои попытки опротестовать это решение отвергались абсолютно. Меня обвинили в отсутствии патриотизма, в нежелании защищать свою родину и т.д. Так я попал в снайперскую школу.

Школа располагалась в окрестностях Ашхабада, на Иранской границе в бывшем помещении кавалерийского полка, который перед нашим прибытием отправили на фронт. В определенном смысле мне

повезло: снайперская школа, по сравнению с запасными полками тыла армии, была элитным подразделением. Почти все офицеры были с высшим или средним образованием, как правило, порядочные люди, но попадались и нравственные уроды. Так командир взвода заставил моего приятеля Николая Сенько за какую-то провинность ползти по мокрому асфальту, по лужам в холодную погоду. После чего тот заболел воспалением легких. Другой офицер, пьяный, с пистолетом в руке, гонялся за солдатом по территории городка.

Первое, что я узнал в армии, был голод. Чувство голода усугублялось еще и тем, что очень быстро почти все курсанты нашей школы заболели разными типами малярии. Местность была «малярийная». Мне досталась самая неприятная, смертельно опасная – тропическая малярия. Очень скоро все мы от малярии и акрихина, которым нас пичкали, стали желто-зеленого цвета. Причина патологического голодания солдат – это воровство продуктов на всех уровнях. Воровали все и всё. Щи варили из первых защитных капустных листьев, которые когда-то срезали с кочанов, выросших в Туркмении на поливных землях. Куда делись сами качаны, с нормальными, съедобными листьями – неизвестно. Говорили, что их украли. Результатом систематического недоедания был жуткий внешний вид будущих снайперов. Ворот гимнастерки был у каждого, как хомут на шее лошади. Я, при росте 170 см., весил всего 48 кг. Чувство голода было всегда. Сил было мало, всегда хотелось есть и спать, поэтому ночные тренировочные марш-броски на 30-35 км были для нас мучительны. Туркменская жара – еще одна неприятность, с которой мы были почти бессильны бороться. Воздух над раскаленным песком пустыни струился вверх, искажая при этом вид предметов: столбов и деревьев. Вернувшись с занятий, мы, не снимая обмундирования, лезли под душ, чтобы освежиться. К счастью для нас, основные занятия проходили на стрельбище, и двигаться на солнцепеке приходилось мало. Учили стрелять из всех видов стрелкового оружия, а не только из снайперских винтовок.

В августе 1944 г. командование решило, что наше обучение закончено и для формирования маршевой роты нас отправили в запасной полк Уфы. Во время войны солдат запасных полков, расположенных в тылу, кормили по скудной третьей норме. В снайперской школе нас кормили по «аристократической», пусть и обворованной,

девятой норме. В первый же день, после обеда в столовой запасного полка и команды: «Встать, строиться на выходе», мы с ужасом увидели, как «местные» солдаты кинулись к нашим столам собирать и облизывать те жалкие объедки, которые остались после нас. Через месяц мы все стали похожи на голодающих заключенных Освенцима, а я опять оказался в санчасти с острым приступом тропической малярии. Температура поднялась выше сорока градусов, и болело все. Температура через день стала нормальной, но слабость была такая, что я не мог стоять, начинала кружиться голова.

Мне стало известно, что пришел эшелон и нас, наконец, отправляют на фронт. Я знал, что оставаться в Уфе для меня смертельно опасно, так как малярия меня здесь неминуемо доведет до гибельного конца, в то время как изменение климата, может оказать благотворное влияние. Поэтому я стал уговаривать врачей выписать меня. Это не был патриотизм, это было – желание жить. Я был похож на скелет, обтянутый кожей. Как они меня отпустили, не знаю.

Меня выпустили из санчасти как раз в тот момент, когда рота строилась для похода на вокзал для погрузки в эшелон. Я был настолько слаб, что в строю стоять не мог. Поэтому за спинами впереди стоящих солдат, сзади колонны присел отдохнуть на бордюрный камень. Рота двинулась к вокзалу, но я даже медленно идти не мог. Тогда командир маршевой роты приказал посадить меня на подводу, в которой везли продукты. Для него было главное – погрузить меня в эшелон, а там за три недели дороги, даже если я умру, то меня «спишут» на какой-нибудь станции и – всё. В товарный вагон с нарами меня «грузили» четыре человека. Двое тянули за руки, и двое помогали им с земли. Ребята помогли мне залезть на нары, откуда я не поднимался двое суток. Силы постепенно возвращались, а вместе с ними и аппетит. Наркомовский сухой паек и «подножный» корм, то есть все то, что можно было добыть на станциях и полустанках всеми правдами и неправдами, в конце концов, поставили меня на ноги. Когда через две недели эшелон прибыл в пункт нашего назначения в город Владимир-Волынский, я уже мог самостоятельно передвигаться.

Всех солдат из эшелона передали в запасной полк 52-ой Армии. «Покупателей» ожидали несколько дней. За это время мы узнали что среди «покупателей» не будет гвардейских пехотных дивизи-

зий, от которых солдаты-пехотинцы бегут, как только могут. Этот опыт поколений нам передали бывалые солдаты-фронтовики, которые после госпиталей второй или даже третий раз возвращались на фронт. Среди них был сорокалетний Михалыч, который добровольно взял надо мной «шефство» и учил меня уму разуму. Мы все, в том числе и я, были полны оптимизма. Наконец, я попал в роту, в которой из старого состава осталось трое: командир роты – старший лейтенант, старшина роты и писарь, т.е. те, кто был хоть немного сзади. Три офицера – командиры взводов были убиты. Девять сержантов роты, командиры отделений, выбыли из строя, так как были ранены или убиты. В других ротах этого полка картина была аналогичной. Такие потери не считались «патологией», а, как следует из рассказов бывалых солдат, были нормой при наступлении и прорыве обороны противника.

Нам выдали оружие. Но и тут не обошлось без курьёзов. Мы, мальчишки семнадцати-восемнадцати лет, получили укороченные и облегченные винтовки Мосина, кавалерийские карабины образца 1891 года, специально дополнительно оборудованные штыком для рукопашного боя. Между Вислой и Одером немцы построили пять хорошо укрепленных линий обороны. «Умники» из генерального штаба решили, что мы, семнадцати-восемнадцатилетние мальчишки, должны штыком и прикладом выбить немцев из этих окопов. Эту тактику «времен Очакова и покоренья Крыма» особенно активно поддерживали, как стало потом известно, Ворошилов и Будённый. Именно они убедили Сталина в необходимости вооружить нас этим «чудо»-оружием. Великая Отечественная Война в 1944-ом году по уровню вооружения и техники была вполне современной войной, и вооружать пехоту архаичными карабинами образца 1891 года было, по меньшей мере, не ошибкой, а преступлением. Мы со своими карабинами были совершенно беззащитны. К счастью, в эту неприятную историю вмешались командующие фронтами маршалы Конев и Жуков и, по их требованию, все вновь формирующиеся армии получили вместо карабинов новенькие автоматы «П.П.Ш» с магазином в виде диска. Но примерно две, три недели мы были вооружены карабинами.

Из опыта боевых действий известно, что наибольшее количество тяжелых и смертельных ранений солдат-пехотинцев получает в

голову, когда стреляет или наблюдает из окопа или укрытия. Нам каски просто не дали. Думаю, касок не хватало, потому что основное внимание уделялось производству металлоемких изделий: танков, орудий, бронетранспортеров и т.д. Пластмассовые капсулы, в которых хранились записанные простым карандашом имя, фамилия солдата и координаты его родственников, существовали только в начале войны. Осенью 1944 года записку с этими данными мы должны были вложить в гильзу патрона и закрыть входное отверстие пулей. Влагодостойкость такой конструкции была небольшой, поэтому записка быстро намокала, и прочитать текст было трудно.

Владимир-Волынский и его окрестности были освобождены от немцев незадолго до нашего приезда. Поэтому в лесах вокруг него было полно всякой нечисти: боевые отряды УПА (украинская повстанческая армия), банды полицаев, вахтманов – охранников концлагерей и т. п. На вновь сформированную дивизию и была возложена задача – очистить окрестности города от этих нежелательных элементов.

На окраине Владимира-Волынского был лагерь уничтожения для офицеров и коммунистов Советской Армии. За время его существования: с осени 1941 по осень 1944 года здесь погибло двадцать тысяч офицеров и коммунистов нашей армии. Охраняли лагерь и расстреливали пленных офицеров украинские националисты и враждебно настроенное местное население. Перед освобождением города лагерь сожгли, а уцелевших узников расстреляли. В 1976 году я с женой, на своей автомашине, был во Владимире-Волынском. Нашел деревню, где формировалась наша дивизия. Посетил скорбное место гибели офицеров и армейских коммунистов в лагере уничтожения и положил букет цветов у памятника в честь погибших, который стоит на обочине дороги. На месте лагеря теперь картофельные делянки местных жителей. В нашей печати я не встречал ни одной строчки, посвящённой этому лагерю. А ведь здесь умирали люди, верные присяге!

Наши подразделения совершали переходы ночью, чтобы авиация противника нас не обнаружила. На обочинах дорог, как правило, оставались немецкие мины, бандеровцы добавляли свои. Поэтому мы старались избегать обочин и передвигались только по проезжей части проселка или грунтовой дороги. Особенно опасные места заранее

осматривали саперы, но потери от мин все равно были. Особенно доставалось нам от «прыгающих» мин. Это немецкие мины на растяжках, которые перед тем, как взорваться, подбрасываются на высоту человеческого роста. От взрыва «прыгающих» мин пострадало шесть-восемь солдат нашей роты. Моя шинель оказалась пробитой осколками этой мины в десяти местах. Дырки были на уровне груди и ниже пояса, но к счастью, ни один осколок или металлический шарик не задел меня самого.

С рассветом наше подразделение начинало «зачистку» определенного населенного пункта или «прочесывание» участка леса. Одна из таких операций вполне могла бы быть для меня смертельной. Рано утром, с восходом солнца наша рота начала «прочесывание» небольшой деревушки, расположенной на опушке леса. Моему взводу досталась крайняя улица и околица деревни. Я с командиром взвода, тоже москвичом, маленьким добрым человеком с сугубо мирной профессией бухгалтера, шел за околицей вдоль заборов, огораживающих «зады» огородов. Основная «цепь» облавы проходила метров на сорок-пятьдесят впереди нас. Операция заканчивалась безрезультатно. Возможно, кто-то предупредил интересующий нас «контингент». Поэтому мы немного расслабились. Жилые и хозяйственные постройки располагались на некотором возвышении, и нам было хорошо видно, что со стороны дома, по дорожке, идет человек, одетый необычно для сельской местности. Молодой, с белокурой волнистой шевелюрой, гладко выбритый мужчина. Высокого роста, спортивного телосложения, в светлом однобортном костюме. Обращали на себя внимание и необычные для этих мест хорошо отглаженные спортивные бриджи, и дорогие, похожие на генеральские, хромовые сапоги. Он остановился рядом с плетнем, так близко, что мы почувствовали запах дорогого одеколona, и смотрел в сторону дома. Кусты орешника закрывали нас, поэтому незнакомец нас не видел. Он улыбнулся своим мыслям, возможно, вспоминая жену или подругу, с которой только что расстался. Потом повернулся в нашу сторону и, практически без разбега, легко, по спортивному, «ножницами» перепрыгнул через забор. По выражению его лица мы поняли, что во время прыжка он увидел нас. Незнакомец стоял перед нами совершенно спокойный, но мы видели, что он готов ко всему. Лейтенант попросил показать документы и внимательно прочитал какую-

то, предъявленную ему, справку. Пока лейтенант читал, я успел увидеть, что из правого кармана брюк-бриджей встретившейся нам личности слегка выступает рукоятка автоматического пистолета, похожего на наш ТТ. В этой ситуации мой карабин был совершенно бесполезен. Хотя патрон был в патроннике, а четыре патрона в магазине, но, чтобы поставить карабин на боевой взвод, нужно было сделать два движения затвором, которые для меня и лейтенанта были бы смертельными. «Бандеровец», как я мысленно окрестил незнакомца, за доли секунды перестрелял бы нас обоих. Если бы у меня был автомат, то можно было бы «разговаривать» с ним на равных. «Бандеровец» насмешливо смотрел на меня. От постоянных ночевки на сырой земле у меня был «вечный» насморк. Приступов малярии последнее время не было, но, как следствие этой болезни, цвет лица был желто-зеленый. Поэтому общее впечатление от моего внешнего вида было ужасное. Я похож был на скелет, обтянутый кожей, а не на освободителя Европы от фашистского ига.

Лейтенант вернул ему справку, а «бандеровец» ехидно спросил, может ли он быть свободным. Получив разрешение лейтенанта, он буквально растворился среди окружающих нас кустов и деревьев. Условия «ближнего боя» кардинально изменились, и можно было бы выстрелить из карабина ему вдогонку или попытаться задержать его, но не было приказа. Лейтенант сказал, что по документам этот человек сторож-охранник леса и добавил: «Он – сторож, как я папа Римский». Больше я его ни о чём не спрашивал и старался ни с кем не вести разговоров на эту тему.

Ночные переходы, или как говорят в армии, ночные марши, были очень для нас мучительны. Особенно тяжело было в предрассветные три-четыре часа, когда силы уже были на исходе. Однажды, в одной из последних операций, примерно в эти предрассветные часы ко мне подошли трое тоже обессилевших солдат, хорошо меня знавших еще по снайперской школе, и предложили совместно отстать от колонны, чтобы отдохнуть и выспаться. Я категорически отказался, так как маршрут колонны нам был неизвестен, длительное наше отсутствие оценили бы как дезертирство, а враждебно настроенное население быстро привело бы к нам «бандеровцев». Жалел и жалею, что не доложил об их намерениях командиру взвода, или как-то иначе не воспрепятствовал их поступку. Их трупы привезли в

часть на опознание через трое суток. Было видно, что над ними издевались беспощадно. Все трупы были в сплошных кровоподтеках. Нам сказали, что ребят мучили подростки. Бандеровцы готовили себе смену из молодых «волчат».

Сил у нас было мало, а нам еще предстояло пройти вдогонку фронта значительное расстояние. За время формирования нашей дивизии фронт отошёл на запад, примерно, на 400 км и проходил по правому берегу Вислы. Нам дали отдохнуть один день, и на следующий день после ужина, когда стемнело, построили в походную колонну, и мы двинулись по дороге к польской границе. Мы прошли по мосту через пограничную реку Западный Буг и вошли в Польшу. Мы шли по Польским дорогам десять ночей. Днем отдыхали. Отдыхали, как правило, в лесных массивах, а не в населенных пунктах. Запомнились городки: Рудня, Замостье. В Замостье была днёвка, т.е. нам дали отдохнуть день, ночь и еще один день. Общались с населением. Везде, как в Польше, так и в Западной Украине один и тот же вопрос: « Будут ли у нас колхозы?» Думаю, что не было бы колхозов, не было бы и бандеровцев и еще много чего не было бы.

До фронта оставалось примерно 100 км, когда в этой, практически прифронтной полосе, полк ночью во время марша был обстрелян из пулемета. Кто стрелял – неизвестно. Немцев в этом районе уже не было. Скорее всего, стреляли поляки, которые мстили за слабую помощь Варшавскому восстанию.

Наша дивизия и, соответственно, полк вышли к плацдарму на правом, Восточном берегу Вислы. Наш полк занял линию обороны полка другой дивизии, которую отвели в тыл для пополнения личным составом. Огневой контакт стрелковых рот с обороной противника был только в самом начале нашего прибытия. Затем, как говорили, немцы сами выровняли линию обороны фронта и на этом участке отвели свои окопы западнее. Фронтные условия с регулярно повторяющимися обстрелами – это, в первую очередь, своеобразный быт, к которому тоже можно привыкнуть. Горячую пищу нам приносили в «термосах», металлических бачках с двойными стенками, утепленными войлоком. Спали мы в блиндажах с легкими перекрытиями из бревен. Нары были узкими. Поэтому все могли лежать только на одном боку. Поворачивались все сразу по команде на правый или левый бок. Приятное воспоминание осталось о бане, которую мы ре-

гулярно посещали. Баня – это землянка, с двумя, раскаленными почти докрасна, металлическими бочками и металлическим чаном с горячей водой, которую давали по норме: три тазика на каждого.

В начале декабря ко мне подошел заместитель командира полка и предложил направить меня на армейские шестимесячные курсы лейтенантов. Я подумал и согласился. Через некоторое время замполит прислал за мной адъютанта и объяснил, что произошла ошибка, и отбирают кандидатов в двухгодичное училище. Я прошел контрольную комиссию в штабе дивизии и был зачислен кандидатом в курсанты военного училища. От дивизии в училище направили примерно десять-двенадцать человек, половина из них окончила нашу снайперскую школу. Прощаясь с комсоргом батальона, мы договорились, как будем поддерживать связь с ним и с полком. В качестве «аварийного» почтового ящика выбрали маленькую деревушку в Рязанской области, родину одного из наших товарищей.

От фронта до городка Майдан, где размещался пункт сбора «абитуриентов» со всего 1-го Украинского фронта, мы шли два дня. В Майдане размещался запасной полк 1-го Украинского фронта. Этот городок был знаменит тем, что там формировалась армия Паулюса и до самой Советской границы еще до начала войны была проложена широкая российская железнодорожная колея. Поэтому во время мира с Гитлером эшелоны с продовольствием и стратегическим сырьем шли из Советского Союза непрерывным потоком, а офицеры и солдаты армии Паулюса в спальных вагонах и теплушках ехали до самого Ростова. Теплые бараки армии Паулюса полностью сохранились, и мы жили в них, пока находились в Майдане. Таких, как мы, со всего фронта собралось около трех тысяч человек. Все, командированные в училище из нашей дивизии, попали в Одесское пехотное училище, которое находилось в то время в городе Уральске.

Получили, наконец, письмо от комсорга нашего батальона. Писал он из госпиталя, рассказал нам о судьбе нашего полка. Перед наступлением фронта они перешли на Сандомирский плацдарм, и после артподготовки и танковой атаки, 10-го, или 12-го января 1945 года пошли в прорыв через оборону немцев. До Одера, а это примерно 400-500 км, шли за фронтом практически без огневого контакта с немцами. Форсировали Одер. За Одером, во время марша полка мо-

тострелковая дивизия СС ударила им во фланг. Во время перехода, на марше длина колонны может достигать нескольких километров. Поэтому быстрая организация обороны весьма затруднительна. На них шли бронетранспортеры с пулеметами, пехотинцы-эсэсовцы с автоматами и танки, которые уничтожали небольшие очаги сопротивления. Фактически, весь полк погиб. Остался жив командир полка, сохранилось знамя полка. Поэтому командование снова, в третий, или в четвёртый раз, укомплектовало полк личным составом.

Но на этом история полка не закончилась. В 2005 году мне пришлось посетить архив Советской армии в городе Подольске. Из документов я узнал, что полк продолжал воевать на главном направлении военных действий. В боях под Берлином после тяжёлых боёв в полку осталось всего одиннадцать человек. Приказом от 13 мая 1945 года полк был расформирован.

Пирогов О.Н.

Мы были Сталинградцами

Летом 1941 года мы с бабушкой гостили у её младшей дочери, моей тёти, недалеко от г. Татищева Саратовской области. 20-го июня родился мой младший двоюродный брат Юра, а 22-го началась война. Мы, с моим старшим двоюродным братом Вовой восьми лет, были уверены, что война скоро кончится, что «мы им покажем». Мы хорошо помнили слова песни: «Твоих лугов и пашен, край родимый, мы никогда врагу не отдадим». А по радио сообщалось о жестоких боях, о сдаче городов, и флажки на карте всё передвигались на восток! Ушёл на фронт дядя Витя, отец моих двоюродных братьев, и стало ясно, что пришло горькое и трудное время.

Осенью мы с бабушкой вернулись в Сталинград. Наш дом был заселён перед самой войной. Длинный дом по улице Островского, с коридорной системой и коммунальными квартирами. Торец дома примыкал к зданию универмага, в подвале которого в феврале 1943 года акт о капитуляции подписал немецкий фельдмаршал Паулюс.

Всё чаще по радио объявляли о воздушных тревогах. Стёкла окон были заклеены бумажными лентами, по вечерам – «затемнение», т.е. окна закрывались плотными шторами, чаще просто одеялами. Первое время с чемоданами и узелками все спускались в подвал - бомбоубежище. Но человек привыкает к опасности, и мне запомнились «ночные посиделки». В длинном коридоре третьего этажа каждая семья устраивалась около своей двери, ожидая «отбоя». Разговаривали, обсуждали вести с фронта, даже шутили: «на миру и смерть красна». На город уже падали бомбы, в основном, на заводские районы. Мы, дети, не совсем понимали серьёзность положения, играли «в войну», собирали осколки, хвастались – у кого потяжелее. А летом 1942 года немцы уже были недалеко от города. Всё чаще слышалось слово «эвакуация».

Вечером 21-го августа к дому подошли грузовики, в которые быстро посадили людей и – на пароход. Нас с бабушкой поместили в

каюте, мама была где-то внизу. Папа остался в ополчении. Ночью, в темноте бабушка упала с трапа и сильно разбилась. На рассвете пароход «приткнулся» к берегу, его забросали ветками, а нас отправили в лес. Сначала дети бегали на большой поляне. А потом в небе появились немецкие самолёты, и мы все попадали в траву. Было очень страшно. Нас не бомбили, самолёты разворачивались на Сталинград. Потом мамы разыскивали на поляне своих детей, кричали и плакали. А бабушке становилось всё хуже, по ноге «поползла краснота».

Наконец, нас на грузовиках перевезли в деревню, где стоял госпиталь. Пришёл врач, и я впервые услышала слово «гангрена». Бабушку лечили, несколько раз приходила медсестра, и ногу спасли. В этом селе я пошла в первый класс. Учились мы недолго, т.к. наша молодая учительница ушла на фронт. К сожалению, я не запомнила её имя. Когда похолодало, нам разрешили собирать оставшуюся в поле подмёрзшую картошку. Собирали для топки «кизяки», подсохшие «коровьи лепёшки». Мне даже нравилось это занятие, и я радостно кричала маме: «Вот! Ещё нашла!» Мама почему-то плакала. Разве могла я тогда понять, каково моей маме, окончившей гимназию и работавшей экскурсоводом в музее обороны Царицына, оказаться в поле за таким занятием. Часто мы, дети, ходили в госпиталь. Я читала стихи, девочки пели. Помогали медсёстрам расправлять и скатывать в трубочку прокипячённые бинты. Мы себя чувствовали нужными.

Зимой нас перевели в село Белокаменка. Навсегда запомнила, как однажды всех женщин и ребятишек собрали около церкви спасать просо. В церкви были огромные горы мелкого красного зерна. Пожара не было, но просо было горячим. Взрослые лопатами перебрасывали зерно с места на место, а мы рыхлили его ногами. Скоро стало жарко и душно, ноги «горели». Так несколько дней мы спасали посевное зерно и «пшённую кашу», так необходимые в голодное военное время. А моя мама заболела – сердце не выдержало нагрузок.

В этом селе я закончила первый класс. В этот трудный период нашей жизни мы встретили много хороших, отзывчивых людей. Люди принимали к себе целые семьи эвакуированных, хотя в избах и без нас было тесно. С нашими «хозяевами» Анной Григорьевной и

Осипом Егоровичем мы расстались, как с близкими, родными людьми. Мама писала им письма, после войны они приезжали к нам.

В Сталинград мы вернулись в августе 1943 года. Поселились в Бекетовке, районе города, который немцы не бомбили. Там работала ГЭС, – электростанцию немцы оставляли для себя. В самом городе не было ни одного целого здания. По улицам невозможно было пройти, всё было завалено рухнувшими стенами, кирпичами, железом, битым стеклом. От нашего дома осталась часть стены и лестница, ведущая «в никуда».

В центральный район мы перебрались в 1944 году. Вскоре к нам приехала мамина сестра с сыновьями, моими двоюродными братьями. Я уже не была единственным ребёнком в семье, с братьями мы дружны до сих пор. Наша школа №9 им. Ленина работала в три смены. Люди жили в развалинах. Мы ходили по развалинам, искали людей, были кем-то вроде «тимуровцев». Вручали талоны на одежду и обувь. Иногда долго топтались на месте: торчит труба, даже идёт дымок, а вход в заваленный подвал, где живут люди, никак не найти.

Линия фронта была уже далеко, но время всё равно было тревожное. Мальчишки собирали оружие, самостоятельно изучали его. Нередко испытания заканчивались трагически, добавляя семьям новое горе. Даже у меня, девчонки, мама нашла ящик с патронами и порохом. По выходным дням школьники, кроме самых маленьких, убирали город. Собирали кирпичи, арматуру, стекло. Мусор складывали на деревянные носилки. Учителя работали вместе с нами и следили, чтобы мы не носили слишком тяжёлое. В это время в городе возникло «черкасовское движение». Александра Черкасова, участница обороны Сталинграда, в 1943 году собрала женскую бригаду и в свободное от работы время восстанавливала дома. Эта инициатива была подхвачена в других городах страны. А мы были горды, что наш город выстоял, победил, и что мы участвуем в его восстановлении. Развалины разбирали и пленные немца. Ходили они в белых одеждах и работали откровенно плохо. Их почти не охраняли, т.к. бежать им было некуда, да и от населения им не приходилось ждать ничего хорошего.

Несмотря на военное время и разрушенный город, мы не были заброшенными детьми. В школе работали кружки, мы участвовали в

спортивных соревнованиях. В разбитом городе можно было «на площадках» бесплатно смотреть кино. Среди развалин натягивалось полотно, загораживали вход и посередине ставили скамейки. Это был «кинотеатр». А мы смотрели кино со стен и проёмов домов бесплатно. И нас не очень «гоняли». А ещё у нас была Волга, где мы проводили много времени летом: купались, загорали. Помню удивительные разливы реки, когда деревья стояли в воде, а глубина была «с головкой». Мы переправлялись за 10 коп на левый берег на «речном трамвайчике», плавали, играли среди затопленных деревьев. Домой возвращались голодные, обгоревшие на солнце, но счастливые.

Фронт ушёл далеко на запад. Флажки на карте мы уже не представляли. Слушали радио и ждали, когда будет конец войне. И всё же день Победы пришёл неожиданно. Это был самый солнечный, яркий, замечательный и счастливый день! Весь народ на площади. Казалось, что все стали родными друг другу. Обнимались, целовались и плакали, плакали...

Скажу ещё об отзвуках войны. В году 1950-м, или 1951-м снимали фильм «Сталинградская битва». Нас, школьников, взяли играть беженцев. Снималась эвакуация под бомбёжкой. Мы вместе со взрослыми бежали на пароход, который отходил от высокого берега. В это время над нами низко пролетали немецкие самолёты, бомбили. Вокруг парохода поднимались столбы воды, вода заливала палубу. Снимали несколько дублей. А на следующий день в школе отсутствовала половина класса. У многих ночью поднялась температура, у кого-то была истерика, кто-то плакал, ничего не объясняя. Потребовалось время, чтобы всё улеглось. Но военные воспоминания, эхо войны, надолго остались в нашей памяти.

Нищенкова Л.Г. (Бодрова Людмила)

Инга Вараксина

О начале войны я услышала в воскресенье 22 июня 1941 г. в посёлке Клязьма Московской области, где отдыхала летом на даче. Жили мы в одной из комнат старого деревянного помещичьего дома с большим полукруглым крыльцом. В доме было много комнат, жило много семей, и на ступенях крыльца дети для родителей устраивали что-то вроде театральных представлений. Первое огорчение для меня в этот день было чисто детское – не будет представления, т.к. почти все взрослые внезапно уехали в Москву. Страшное слово «война» я стала узнавать постепенно и позже.

Осенью 41-го года меня с младшей сестрой (ей было два с половиной года) родители отправили из Москвы, как им казалось, в более безопасное место – деревню Вялсы Сасовского района Рязанской области. Поехали мы с бабушкой Ефросиньей Григорьевной Вараксиной к её отцу, моему прадеду, Григорию Лукину. В деревне практически не было мужчин, все старики и женщины самого разного возраста жали рожь, а мы, дети шести-восьми, лет делали перевясла для связывания снопов. В мои обязанности входило также: сбор хвороста, грибов для еды (луговых опят и груздей), уборка двора, кормление птицы. Всё это было моей первой «работой».

Следующее воспоминание – дорога в эвакуацию в г. Киров (ныне г. Вятка). Зимой 41-го года немцы начали наступление, стремясь обойти Москву с юга, и мама приехала за мной и сестрой, чтобы вывезти нас из г. Сасова в г. Киров, куда были эвакуированы семьи работников Наркомата лесной и деревообрабатывающей промышленности, в котором работал мой отец – Вараксин Федор Дмитриевич. В это время известий о папе в семье не было, т.к. он находился в районе г. Старая Русса, где в это время шли тяжелые бои, и куда он поехал для организации эвакуации семей рабочих и ликвидации фанерных заводов. Узнали мы о том, что папа жив, только добравшись через три месяца до г. Кирова.

Первую часть пути из г. Сасова в г. Киров мы ехали в «теплушках». В «теплушках» почти вплотную стояли солдаты, отправ-

ляющиеся на фронт. Было очень тесно, и мою сестру, а часто и меня, всю дорогу держали на руках солдаты, передавая друг другу. До г. Кирова мы добирались в общей сложности более трех месяцев: часто и подолгу стояли на станциях, пропуская поезда, идущие на фронт, или на восток с ранеными или оборудованием для заводов. Помню, что на станциях всегда набирали кипяток; помню, как все дети, которых в теплушках было очень много, панически боялись потерять родных; помню постоянное чувство голода. По рассказам мамы, я очень сильно, с высокой температурой болела. И с тех пор у меня осталось отвращение к каше «завариха», которую готовили, заваривая кипятком ржаную муку, и к ржаным лепешкам с картошкой, которыми меня кормили во время болезни.

В г. Кирове мы жили в общежитии, комнаты которого находились по обе стороны длинного-длинного коридора с огромной кухней в конце его. В небольшой комнате нас жило восемь человек – мамина сестра с мужем и двумя детьми восьми и десяти лет и мы с мамой и Татьяной Егоровной Крючковой, которая помогала маме по хозяйству ещё до войны и была связана с нашей семьёй всю свою жизнь.

Днём взрослые уходили на работу. Мама моя – Вараксина Александра Степановна – была юристом и всю трудовую жизнь являлась следователем или прокурором по делам несовершеннолетних. Папа находился в Москве на военном положении. Дети же, не ходившие ещё в школу, вели свою обычную детскую жизнь. Теперь-то я понимаю: эта детская жизнь была не совсем обычной. Играли, в основном, в войну с фашистами; бросались, как и взрослые, к черной тарелке радио – слушать новости с фронта; бежали, если в коридоре общежития все затихали с приходом почтальона, а затем, как и взрослые, горестно стояли вокруг женщин и детей, получивших «похоронку». Хочу сказать, что, конечно, были «кухонные» женские обиды, разговоры на повышенных тонах, кто-то не общался друг с другом, но безусловно, было общее единение. Радости, а особенно горе и беды, переживали сообща, поддерживая и помогая друг другу независимо от возраста, национальности и уровня образования.

Вечерами все собирались в своих комнатах вокруг взрослых. Помню маму, пришедшую с работы. Перед ней стоит тарелка горохового супа, а вокруг мы, четверо детей, следим за каждой ложкой

супа в восемь глаз и иногда спрашиваем: «Мама, вкусно?», «Тётя Саша, вкусно?» и ложка чаще попадает нам рот, чем в рот мамы. Вообще детские воспоминания о еде – одно из впечатлений той непростой военной жизни. Радость, если в доме появлялись любимый гороховый суп, кровяная колбаса или до сих пор непонятный для меня напиток под странным названием «суфле». Праздником было, когда дядя Федя приходил домой после зарплаты и приносил с рынка крошечный комочек сливочного деревенского масла, почему-то с лебедом на поверхности, и стопку мёда. С тех пор хлеб с маслом и мёдом – моё самое любимое лакомство.

Осенью 42-го года я пошла в первый класс школы в г. Кирове. Зимой здание школы, в которой мы учились, освободили под госпиталь, и мы, школьники, на партах, как на санях, переехали в меньшее здание, находящееся под горой на этой же улице. Тогда мы впервые услышали о блокадниках, которых привезли из г. Ленинграда и которые лечились и умирали в комнатах - палатах нашего школьного здания. Мы уже учились, а в одной из дальних комнат с открытыми окнами лежали ещё не вывезенные и не похороненные трупы блокадников. Детское любопытство толкало нас, детей, рассматривать содержимое комнаты через щель под дверью и через дырки, процарапанные нами на стеклах двери, покрытых белой масляной краской.

Следующие мои военные воспоминания связаны с бабушкой, Фетисовой Дарьей Константиновной, которая прожила в Ленинграде почти всю блокаду и летом 43-го года была отправлена моей тётёй Ириной Степановной к младшим сёстрам в г. Киров. Бабушка так опухла от голода, что казалась шаром с пергаментной желто-белой кожей в сине-черных пятнах. Когда её вели по коридору общежития к нам в комнату, одна из женщин, шедшая из кухни с кастрюлей супа, уронила её от страха на пол. Рассказы бабушки о блокаде были страшнее самых страшных сказок. О том, что люди падали и умирали от голода и холода на улицах, и часто их не могли подолгу похоронить. О том, что ели самых разных животных, смывали и варили клей с обоев, с трудом шли и набирали воду из проруби на Неве. Это и многое другое мы потом узнали, прочли в журналах и книгах, увидели в кинофильмах. Но тогда, в 43-ем году, когда и взрослые, и мы, дети, слышали это из уст очевидца, всё сказанное производило осо-

бенно сильное впечатление. Мне странным тогда казался рассказ бабушки о том, что при бомбёжках и обстрелах жильцы дома не шли в бомбоубежище или подвал, а выносили табуретки и сидели на них у подъезда дома. Теперь-то я понимаю, что часто не только не было сил, но ещё и давило одиночество и закрытое пространство квартиры. Особенно страшным был рассказ бабушки о соседке, сошедшей с ума от голода и убившей свою маленькую дочку. Всю жизнь я помню ужасающую деталь этой истории: соседка, жившая в бабушкином подъезде в одной квартире с матерью, убившей девочку, нашла пальчик девочки, который она перевязала накануне при порезе голубой тряпочкой. Уже тогда, в мои девять лет, я поняла трагедию ленинградской блокады.

Зимой 43-го года мы с мамой вернулись в Москву в коммунальную квартиру, в арбатский Староконюшенный переулок. Последний военный школьный год я провела уже не на Арбате, а в школе № 635 на улице Москвина, т.к. отцу дали небольшую, но отдельную квартиру в надстройке дома № 2 по Проезду МХАТа. В 44–45 годах стало учиться легче – появились хорошие перья для ручек, цветные карандаши, нам стали выдавать настоящие тетради и мы перестали писать на разлинованной бумаге. После школы мы обычно ходили в госпитали, пели песни, читали стихи, писали письма под диктовку раненых. Ещё мы собирали металлолом и приносили его в школьный двор, соревнуясь, какой класс наберёт больше всех. В военные годы мы были для восьми - девятилетних детей удивительно самостоятельными. Мне, например, когда мы жили на Арбате, мама доверяла ходить на улицу Грановского, чтобы получить в столовой обед, который полагался моему отцу. С двумя кастрюлями в «авоське» и заварным чайником в руке (в нём я обычно несла кисель) я шла через Арбатскую площадь и почти весь Арбат домой. Однажды на углу Арбата и Староконюшенного переулка я разбила чайник и вылила кисель на постового милиционера. Было страшно, стыдно и очень обидно, что я и сестра остались без киселя.

День Победы запомнился мне как огромное количество поющего, танцующего, пьющего вино, целующегося, обнимающегося, кричащего «Победа!» и «Ура!» – в общем, ликующего народа. Вся наша дворовая компания десяти- двенадцатилетних ребят, взявшись друг за друга «паровозиком», чтобы не потеряться, бегала по улице

Горького и Красной площади, заражаясь общей радостью и весельем. Помню, что, когда в толпе качали военных, мы ползали по брусчатке и собирали и возвращали то, что выпало у них из карманов.

Самое яркое, незабываемое впечатление о войне – это Парад Победы

24 июня 1945 г. на Красной площади. Папа получил пропуск на гостевые трибуны и взял меня с собой. Трибуна была прямо у Мавзолея. Детям разрешили спуститься в первый ряд. Никогда не забуду тот момент, когда к нашим ногам бросали фашистские знамёна и то чувство торжества и гордости, которое я испытывала за свою Родину и свой народ.

Долманова И.Ф. (Вараксина Инга)

До войны я жила с бабушкой в Москве. Когда началась война, мне было восемь лет, я закончила первый класс и поступила в музыкальную школу. Однако, в детстве учиться музыке мне так и не пришлось.

22 июня 1941 года, воскресенье, солнечный день. Бабушка собиралась пойти со мною в зоопарк, но по радио объявили о начале войны. Бабушка заплакала, а я тогда ещё не могла понять трагичности того, что произошло. Но уже через несколько дней по радио грозно и призывно зазвучали слова песни-гимна о священной народной войне: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». Вместе с песней в душу приходило прозрение.

Жизнь сразу изменилась. В продовольственных магазинах возникли длинные очереди. По квартирам стали собирать металлолом. Стёкла окон крестообразно заклеили полосами бумаги. Жителям выдали чёрные шторы для светомаскировки. Москва погрузилась в темноту. Потом в комнатах московских квартир появились маленькие металлические печки, которые называли «буржуйками».

На площади перед Большим театром разместили аэростат. Из чёрных картонных тарелок громкоговорителей, которые были во всех московских квартирах, стали поступать тревожные сообщения о воздушной тревоге. При звуке сирены бабушка со мной спешила в метро, которое служило бомбоубежищем. Жили мы в центре города, в проезде Художественного театра (теперь Камергерский проезд). Помню, как во время одной воздушной тревоги мы бежали ночью по Пушкинской улице (теперь улица Большая Дмитровка) мимо Дома Союзов к станции метро «Охотный ряд». Стреляли зенитки, ночное небо озарялось светом быстро перемещающихся лучей прожекторов. Потом в скрещенных лучах мы увидели вражеский самолёт. Бежавшие рядом говорили, что теперь этот самолёт обязательно собьют.

На Пушкинской улице жил мой дядя. Во время воздушных тревог он вместе с соседями дежурил на крыше своего дома. На таких дежурствах москвичи успешно тушили бомбы, названные «зажигалками». Мои двоюродные брат и сестра тоже жили в Москве. Ле-

том 1941 года брат закончил девятый класс школы. Позднее он был призван в армию и служил в войсках ПВО. Сестра летом 1941 года закончила десятый класс школы. Все мальчики из её класса ушли на фронт, никто из них с войны не вернулся. Сестра в начале войны работала на лесозаготовках, потом она училась в Архитектурном институте. Муж сестры почти всю войну был на фронте, воевал в самых опасных местах, остался жив и даже не получил ранения. Он был православным христианином и на войне молился. За него молились его бабушка и мама.

Летом 1941 года моя мама, которая жила и работала в Ленинграде, должна была выехать в Усть-Енисейскую научно-исследовательскую экспедицию. Мама написала, чтобы мы с бабушкой поехали в Красноярск, где она обещала нас встретить. Поезд из Москвы уходил в темноте, свет в вагонах появился, когда мы уже были далеко от столицы. Ехали мы очень долго, наш поезд часто стоял, пропуская составы с военными грузами.

Когда мы приехали в Красноярск, было темно и холодно, на вокзале нас никто не встретил. Как потом выяснилось, мама не успела выехать из Ленинграда до начала блокады. В тяжёлое военное время мы оказались одни в совершенно чужом городе. Бабушке тогда уже было шестьдесят четыре года, пенсии она не получала. Наше положение ещё осложнялось и тем, что моя бабушка по национальности немка. К счастью, в те трудные годы всегда встречались хорошие люди, которые нам помогали. В Красноярске нас приютила Анна Кирилловна Лалетина, простая неграмотная женщина с добрым сердцем, которая стала для нас родным человеком. Родственники и соседи Анны Кирилловны относились к нам хорошо, а её внук Петя стал моим другом.

Жили мы в одноэтажном деревянном доме на берегу Енисея. У нашей хозяйки были корова и куры. Это помогало нам жить, так как с продовольствием дела обстояли плохо. Помню, что в магазинах иногда появлялась вермишель, которую местные жители называли «мармашель». Эта «мармашель» была коричневого цвета, часто ели её без соли. В Красноярске я училась во втором классе. В одной классной комнате одновременно шли занятия нашего класса и старшекласников. В классе было холодно, писали на краях газет и в каких-то самодельных тетрадках. Трудно было достать карандаши.

Мы, школьники, выступали с концертами самодеятельности в госпиталях. Помню, как я сидела около кровати раненого и с ним разговаривала. Этот человек погладил меня по голове, ласково назвал «доченька» и сказал, что у него есть дочка моего возраста. Бабушка, как и другие женщины, вязала варежки с двумя пальцами и шерстяные носки для фронтовиков, а также шила кисеты для табака. В посылки на фронт мы, дети, вкладывали записки с добрыми словами.

В Красноярске находилось Горно-геологическое управление Главсевморпути, с которым моя мама была связана по работе. Начальник и сотрудники этого учреждения относились к бабушке сочувственно и нам помогали. От них мы получали сведения о маме, так как людям иногда удавалось вырваться из ленинградской блокады. Весной 1942 года нам передали письмо от мамы, в котором она с нами прощалась. Из-за голода мама была в таком состоянии, что уже не надеялась выжить. Мама советовала нам ехать в Ташкент, куда были эвакуированы наши родственники. Когда мы уезжали из Красноярска, там ещё стояли большие морозы. Так как никакого транспорта не было, мы шли на вокзал пешком, и я очень сильно отморозила руки.

В Ташкенте находился с семьёй мой дядя, двоюродный брат мамы. Дядя – Христофор Степанович Кушнарёв – был профессором Ленинградской консерватории, которая во время войны была эвакуирована в Ташкент. Дядя и его близкие приняли нас очень хорошо, но жизнь была трудной, и наши родственники голодали. Голодали и другие эвакуированные преподаватели и студенты Ленинградской консерватории. В Ташкенте от голода мы иногда теряли сознание. На рынке было много хороших продуктов, но у нас не было возможности их покупать.

Дополнительные трудности возникли из-за национальности бабушки. Нас не прописывали, к дяде домой приходили из милиции – хотели нас выслать из Ташкента. Не знаю, чем бы всё закончилось, но нас взяла к себе вдова умершего в Ташкенте профессора Ленинградской консерватории И.Р. Нал-бандяна, который был нашим дальним родственником. Мы переселились в маленький домик на окраине города. Во дворе дома было много деревьев, протекал арык

и жил щенок, с которым я любила играть. В этом тихом приюте мы как-то затерялись, милиция нас там не беспокоила.

Во время войны у людей бывали не только трудности и горести, но иногда случались и радостные события. Так произошло и с нами. В один прекрасный день мы получили письмо из Красноярска, письмо было от мамы! Оказалось, что её в очень тяжёлом состоянии вывезли из Ленинграда на самолёте и поместили в Красноярске в госпиталь. Возможно, маме помогло выжить в Ленинграде то, что у неё дома был столярный клей. Из этого клея она варила «бульон», к которому добавляла лавровый лист. Дядя мамы, брат её отца, во время ленинградской блокады умер от голода.

Когда мы вернулись в Красноярск из Ташкента, мамы там уже не было. Она немного поправилась и уехала на работу в Заполярье. И вот, осенью
1942 года мы с бабушкой отправились на пароходе по Енисею на Север. Суровая красота Енисея навсегда осталась в памяти, особенно сильное впечатление произвели Енисейские пороги. Во время пароходного путешествия острое чувство голода никогда нас не оставляло. На стоянках бабушка, как и другие пассажиры, ходила в близлежащие селения, чтобы обменять нашу одежду на еду. Таким способом удавалось раздобыть немного картошки и других продуктов. Картошку варили на кострах, которые разводили на берегу Енисея.

С нашим плаванием по Енисею связано одно тяжёлое воспоминание, о котором я не могу умолчать. Когда мы отплыли от Красноярска на значительное расстояние, наш пароход в пустынном месте причалил к берегу. На берегу было много людей, которых стали направлять в трюм парохода. Оказалось, это переселяли на Север немцев Поволжья. Жена капитана громко требовала, чтобы на пароход не пускали больных. А в это время на берегу металась женщина, рядом с которой лежала больная. Эта женщина просила, чтобы их взяли на пароход, пыталась нести больную. Но пароход медленно отчалил от берега. До сих пор у меня перед глазами эта картина: поздняя сибирская осень, грязный берег реки, холод, дождь со снегом и – оставленная на берегу женщина с больным человеком. Никаких селений поблизости не было видно.

В заполярный город Игарка мы прибыли уже после наступления холодов, навигация закончилась, и нам пришлось там зимовать. И снова, как это случалось раньше, нам на помощь пришла добрая женщина. Это была Рената Карловна Ушакова, ещё молодая интеллигентная женщина. Отцом её был датчанин, что и послужило причиной её пребывания в Заполярье. Жили мы в одноэтажном деревянном доме, где Рената Карловна с дочкой занимала маленькую комнату. Несмотря на тесноту и отсутствие всяких удобств, жили мы дружно. Рената Карловна говорила, что с приездом бабушки в доме стало тепло и уютно. Наша хозяйка работала на рыбозаводе, и основной едой у нас была рыба, но рыба очень солёная и «не первой свежести».

В Игарке я училась в третьем классе. В школу ходила вместе со ссыльным немецким мальчиком. Стояли сильные морозы, часто мела пурга, ходили мы по тропинке, протоптанной среди огромных сугробов снега. Зимой в Игарке полярная ночь, поэтому ходить в школу и из школы приходилось в темноте. В Игарке я заболела цингой и ревматизмом, вся была в фурункулах, на глазах были ячмени. К весне 1943 года я совсем ослабела, почти не могла ходить. Бабушка на санках отвезла меня в местную больницу. Ей удалось сообщить маме о моём состоянии, и мама прилетела из своей экспедиции в Игарку на маленьком самолёте. Прилетела она последним рейсом, так как с наступлением весны такие самолёты переставали летать.

Итак, после долгой разлуки я встретилась с мамой в больнице Игарки. Мама привезла консервы из американской помощи. Радость от встречи с мамой, улучшенное питание и конец полярной ночи помогли мне немного поправиться. С открытием навигации мама, бабушка и я поплыли дальше на север по Енисею, а потом по притоку Енисея, реке Малая Хета, на берегу которой была база экспедиции. На место маминой работы добирались от базы на лошадях.

Наш небольшой посёлок, затерявшийся среди бескрайних просторов тундры, состоял из трёх одноэтажных деревянных домов и буровой вышки. В одном доме размещалась лаборатория, и жили научные сотрудники, там у нас была комната. В другом доме была столовая, там жили рабочие, обслуживающие буровую вышку. В третьем доме находилась походная электростанция.

Зимой, во время длинной полярной ночи, стояли сильные морозы, и завывала пурга. Наш дом заваливало снегом до самой крыши, и выйти из него было невозможно. Утром приходили рабочие с лопатами и нас откапывали. В крыше дома, где жили рабочие, был люк, через который они выбирались из своего жилища. Зимой небо над тундрой часто озарялось сказочно красивым и всё время изменяющимся светом Северного сияния. Несмотря на большие морозы, мы выходили из домов, чтобы любоваться этим чудесным, фантастическим зрелищем. Иногда в наш посёлок приезжали люди на собаках. Несколько раз я ездила с ненцами на оленях. Когда полярная ночь приблизилась к концу, и стало заметно светлее, я ходила около посёлка на лыжах.

Необычайно красива тундра летом. Вся она будто покрывается ковром, сотканным из разных цветов. Всё лето продолжается полярный день, солнце только опускается к горизонту, а затем опять поднимается вверх. Однажды мы с молодой сотрудницей лаборатории поехали на лошади на базу экспедиции. Когда мы возвращались домой, на небе сияло солнце, вокруг до самого горизонта простиралась тундра. От красоты окружающего нас мира было так хорошо на душе, что мы запели. У дверей дома нас встретили взволнованные бабушка и мама. Оказалось, что было уже три часа ночи.

Вокруг нашего посёлка были озёра, в которых водилась хорошая рыба. Везде обитало много птиц. Нам встречались совы, дикие гуси и утки, гагары, куропатки и другие птицы. Однако, среди этой прекрасной природы мы не обрели земного рая, так как вся тундра гудела и звенела от множества комаров и мошкары. Поэтому нам приходилось ходить в накомарниках. Очень грустно в тундре осенью, когда наступают холода, небо покрывается тёмными тучами, и на юг устремляются косяки птиц.

С местными жителями у нас были хорошие отношения. Однако, специфика идеологии того времени оказала влияние на мировосприятие этих «детей природы». Помню, в Игарке к нам в гости приходил молодой приветливый ненец, к сожалению, часто выпивавший. Появляясь на пороге нашей комнате, он громко возглашал: «Это я, Афоня!» В разговоре Афоня обычно ругал одного геолога и говорил, что он «контрик», т.е. контрреволюционер. Осно-

ванием для вынесения столь сурового приговора служило то, что геолог отказывался давать Афоне спирт.

Год, проведённый нами в тундре, был единственным за всё время войны, когда мы не голодали. У нас были продукты из американской помощи. В наш рацион входили также оленина, мясо куропаток и другой дичи, свежая рыба. Весной мы находили в тундре яйца диких птиц. Вокруг было много брусники, клюквы, морошки. Бруснику собирали специальными совками и заготовливали на всю зиму. Против цинги пили настой из хвои лиственниц. Больших деревьев в тундре не было, но там росли карликовые берёзы и небольшие лиственницы. Летом на подоконниках, в ящиках выращивали огурцы.

Хотя мы жили в заполярной тундре вдали от фронта, о войне, конечно, никто не забывал. Мужчины занимались военной подготовкой. В столовой посёлка проводили политинформации, нам сообщали о положении на фронтах. Помню, рабочие всегда задавали лекторам вопрос о втором фронте. С открытием второго фронта союзники не спешили. Тогда никто не сомневался в нашей победе, но все мечтали о том, чтобы она пришла скорее.

В четвертом классе я не училась, так как в нашем посёлке школы не было. Мама взяла у учителей школы посёлка Усть-Порт программу обучения и учебники. Зимой по этим учебникам я занималась дома, а в мае 1944 года поехала с мамой в Усть-Порт сдавать экзамены. Ехали мы на лошади в санях, с нами был мужчина, который правил лошадей. На Енисее мы попали в полынью, сани погрузились в воду, но мы успели выскочить на лёд. К счастью, в воду попали только сани, а лошадь осталась на твёрдой поверхности льда и вытащила сани. В школе Усть-Порта я сдала экзамены успешно.

Летом, когда мамина работа в экспедиции закончилась, мы отправились в Москву. Опять плыли на катере по реке Малая Хета, а потом на пароходе по Енисею до Красноярска. На пароходе мы познакомились с известными учёными, которые ранее были сосланы в Норильск, и там работали. Наше путешествие по Енисею теперь уже не было таким голодным, как осенью 1942 года. Помню, что как-то раз в буфете парохода нас даже угостили котлетами из медвежатины. Летом 1944 года мы приплыли в Красноярск. Так закончилось наше вынужденное путешествие по Сибири в 1941–1944 годах.

В восьмидесятые годы теперь уже прошлого века я познакомилась с творчеством Виктора Петровича Астафьева. Книги писателя воскресили в моей памяти военное детство, проведённое в Сибири. С Красноярском, Игаркой, Енисеем связаны темы и сюжеты многих произведений Астафьева. Здесь в военные годы проходит жизнь многих героев его книг – взрослых, подростков, детей. Суровая природа именно этих мест оживает на страницах произведений писателя. Под впечатлением от книг Астафьева я написала ему письмо, на которое он ответил. Мне дорого это письмо Виктора Петровича и книги, которые он мне подарил – «Затеси» и «Последний поклон». Последний поклон Вам, Виктор Петрович, и тем Вашим землякам, которые в тяжелейших условиях военных лет согревали других людей теплом своей души!

Из Красноярска в Москву мы ехали с мамой, так как бабушке не разрешили возвращаться домой из-за её немецкого происхождения. Очень тяжело было оставлять бабушку одну, хотя в Красноярске она опять жила у нашей доброй Анны Кирилловны. Позднее бабушке всё-таки удалось вернуться в Москву. Посадка на поезд была очень трудной, люди с вещами прорывались в вагон не только через двери, но и через окна. Нас с мамой разъединили. В войну нам пришлось много ездить, и всегда посадка на поезд требовала каких-то героических усилий. Поэтому в детстве я боялась ездить по железной дороге, со временем этот страх прошёл.

Москва 1944 года заметно отличалась от той Москвы, которую мы покинули в 1941 году. Вместо завывания сирен воздушной тревоги и стрельбы зениток мы теперь слышали салюты в честь очередной успешной операции на фронте. У многих знакомых дома висели большие географические карты, на которых отмечалось наступление наших войск. Однако, время продолжало оставаться голодным. В Москве я училась в пятом классе женской школы. В школе нам давали бублики. Девочки нашего класса по собственной инициативе собирали бублики и отдавали нашей учительнице истории, которая осталась одна с двумя детьми и бедствовала.

Мне вспоминается доброта моего дяди, родного брата мамы. Дядя, журналист-международник, работал в ТАСС. Когда он уходил на работу, тётя давала ему с собой бутерброд, но мой дорогой дядя отдавал этот бутерброд нам. Каждый день я шла от проезда Художе-

ственного театра на Тверской бульвар, где находилось здание ТАСС. Из проходной я звонила дяде, он выходил и отдавал мне завёрнутый в бумагу бутерброд. С этим ценным даром я спешила домой, стараясь не думать о том, что у меня в руках. В Москве появились коммерческие магазины, но цены там были слишком высокие. Трудно было не только с продовольствием, но и с одеждой и обувью. Несмотря на бытовые трудности, настроение у людей было хорошее, так как все жили в ожидании близкого окончания войны.

И вот, наконец, она пришла – долгожданная Победа! 9 мая 1945 года, солнечный день, люди вышли на улицы и площади Москвы. Они смеялись, обнимали и целовали друг друга, качали и подбрасывали вверх военных. Мы с мамой были на Красной Площади днём и вечером, когда небо над Москвой озарилось светом Победного салюта. В те праздничные майские дни на душе было светло и радостно. Казалось, что всё страшное, жестокое, злое навсегда ушло в прошлое, а впереди нас ждёт счастливая жизнь. Первые послевоенные годы были ещё очень трудными, а потом жизнь стала постепенно налаживаться.

Говоря о военном детстве, не могу обойти молчанием вопрос о массовых репрессиях, которые проводились до войны, во время войны и в послевоенные годы. Это народное бедствие не обошло и нашу семью. Перед войной были арестованы родной брат бабушки и его сын. А во время войны за какие-то неосторожные слова был арестован зять бабушки. Брат бабушки, я его называла дядя Отто, и его сын от первого брака Рудольф были честными тружениками, не имевшими никакого отношения к политике. Дядя Отто был инженером, работал на заводе в Москве. Рудольф жил и работал в Волхове, у него была жена и двое детей. Дядя Отто и Рудольф были расстреляны, а в пятидесятые годы реабилитированы. Зять бабушки остался жив, но много лет провёл в ссылке.

Тяжёлая жизнь была у тёти Маргариты, жены дяди Отто, которая работала машинисткой на том же заводе, где работал дядя. В голодные военные годы она помогала детям Рудольфа, пыталась помочь арестованному мужу. Нашлась какая-то женщина, которая сообщила тёте, что была где-то на Севере, видела там дядю Отто и разговаривала с ним. Тётя Маргарита ей поверила и через эту «благодетельницу» отправляла посылки мужу. Но в это время дяди Отто уже не было в живых. При реабилитации тётя Маргарита узнала дату смерти мужа – он был расстрелян вскоре после ареста. В жизни тёти

Маргариты был ещё тяжёлый момент, когда она один раз опоздала на работу, за что её могли отдать под суд. Положение вдов и сирот репрессированных было значительно хуже, чем положение тех, кто потерял мужа и отца на войне. Они не только не получали никакой помощи, но и несли на себе позорное клеймо родственников «врагов народа».

Репрессиям подвергались и другие наши родственники, друзья, знакомые. Все они были честными людьми. Среди них были пожилые, даже старые женщины. Две одинокие старушки, родственницы бабушки, во время войны были высланы из Тбилиси и где-то погибли. Моя бедная бабушка, Клара Карловна Кара-Мурза, всё время жила в страхе, в ожидании обыска и ареста. Этот страх не покидал её и тогда, когда массовых репрессий уже не было.

После войны моя мама работала в Арктикразведке, а с 1949 по 1964 годы в Ленинградском НИИ геологии Арктики (НИИГА). Мама, Эвелина Никитична Кара-Мурза, была известным палеоботаником, доктором геолого-минералогических наук. В НИИГА она возглавляла палинологическую лабораторию, была автором двух монографий и многих других работ. Её деятельности посвящены статьи в «Учёных записках НИИГА» (1968 г.) и в книге «На пути к недрам Арктики» (2003 г.). Маме посвящена экспозиция в музее, который находится в заполярном Тикси. Мама была награждена орденом «Знак Почёта», медалью «За оборону Ленинграда» и другими медалями. Умерла она в Москве в 1967 г.

Помяни, Господи, мою маму и бабушку, они в труднейших условиях меня вырастили и воспитали.

Помяни, Господи, всех людей, которые в военные годы были на фронте, трудились в тылу, страдали и сохранили чистоту души.

Помяни, Господи, всех тех, кто выполнил заповедь о высшем проявлении христианской любви, положив жизнь свою за друзей своих.

Тяжёлое военное детство и последующая жизнь привели меня к пониманию того, что у человека нет ничего более ценного в жизни, чем милостивое сердце, чистая совесть и чистая душа. Мой любимый поэт Николай Рубцов сказал об этом так:

«До конца, до тихого креста
Пусть душа останется чиста».

В девяностые годы, когда я уже была на пенсии, наступили времена, которые заставили вспомнить о трудностях военного детства-

ва. Пенсии не хватало на жизнь и на лекарства, без которых мне нельзя было обойтись. В это время, совершенно неожиданно, ко мне пришла помощь от нашего удивительного и замечательного курса. Спасибо вам, дорогие однокурсники!

Желаю Вам здоровья, духовного и телесного, и всего самого доброго!

Надеюсь, что наше дружеское общение ещё будет продолжаться.

Кара-Мурза С.Н.

«От Дона до Енисея...»

22 июня 1941 года. Ростов-на-Дону. Бабушка, как всегда по воскресеньям, отправилась на большой базар. Вскоре вернулась, разбудила всех и сказала, что на базаре все говорят о начавшейся войне. А в двенадцать часов дня В.М. Молотов по радио сообщил, что в четыре часа утра без объявления войны Германия напала на Советский Союз.

Уже 10 октября бабушку, тётю с четырнадцатилетним сыном и меня с мамой эвакуировали с донским судоремонтным заводом «Красный флот», на котором работала тётя. Пункт назначения – город Чарджоу на реке Амударья. Мужчины нашей семьи ушли защищать Родину.

Наш путь: пароходом по Дону до города Калач-на-Дону, затем поездом до Сталинграда, потом пароходом по Волге до Астрахани, и снова на корабле мы должны были пересечь Каспийское море и высадиться в Красноводске. После нескольких часов хода корабля по Каспию в трюме появилась течь. Вода стала быстро прибывать, и капитан дал сигнал SOS. Началась паника. Мы добрались до верхней палубы и обнаружили, что корабль сильно накренился. Стояли обнявшись: «Погибать, так вместе!» Нас спасли катера, подоспевшие из Махачкалы.

После ремонта корабля мы пересекли Каспий и добрались до Красноводска. Сидели в порту в ожидании поезда до Чарджоу, и тут я умудрилась заболеть корью с высокой температурой. В Чарджоу нас поселили в бараке на берегу Амударьи. А у меня началось тяжёлое гнойное воспаление среднего уха. Мама «на закорках» дотасила меня до госпиталя, где военврач лечил меня промыванием уха жёлтым раствором риванола. Маму определили на работу в качестве сестры-хозяйки, а меня продолжали лечить там же в госпитале, что спасло меня от глухоты.

Вскоре случилось невероятное: мама услышала, как двое вновь прибывших раненых упомянули фамилию моего отца. Мама их расспросила и выяснила, что раненый отец лежит в госпитале в Кисловодске. Не долго думая, мама при содействии начальника госпиталя, взяв с собой меня и бабушку, отправилась в Кисловодск, где и отыскала отца. Его лечили после тяжелой контузии, потом комиссовали с двумя красными полосками, т.е. он уже не подлежал призыву в армию.

Родители очень хотели вернуться в Ростов. Немцы дважды оккупировали город. Первый раз они были в Ростове всего девять дней, с 20 по 29 ноября 1941 года. Наши войска освободили Ростов, родители решили, что немцев погонят дальше, и поехали восстанавливать родной город. Бабушка вместе со мной предусмотрительно осталась в Кисловодске. Нас приютила добрая женщина тётя Даша, у которой были сыновья-погодки, мои ровесники. Мы вместе играли и даже в летнем кинотеатре посмотрели к/ф «Свинарка и пастух». А в конце июля 1942 года рано утром на пороге нашей комнатки появилась мама и сказала, что ей с трудом удалось выбраться из Ростова. Немцы вновь заняли город 24 июля и пробыли там до 14 февраля 1943 года. Отец остался оборонять город и там погиб.

Вскоре сообщили, что немцы высадили десант в Минводах, и прямое железнодорожное сообщение с городами-курортами прервано. Началось наше бегство от фашистов. Остался единственный выход – добираться любыми способами по шоссе до Нальчика. Эти 90 км мы частично шли пешком по страшной жаре почти без воды, иногда нас подвозили на полуторках с ранеными. Я видела брошенные вещи вдоль дороги и людей, которые уже не могли идти. В дороге нам помогал раненый краснофлотец, который, как оказалось, служил на подлодке под командой моего родного дяди.

В Нальчике администрация госпиталей пыталась собрать железнодорожный состав. Моя мама была хорошим организатором и немедленно включилась в эту работу. Долго искали машиниста, который согласился бы вести поезд. Руководство местного мясокомбината перед тем, как его взорвать, выдало раненым и эвакуирующимся различные мясные полуфабрикаты. Ночью наш поезд тронулся в путь в сторону Баку. Слышны были выстрелы. Бабушка прижимала меня к себе и читала «Отче наш». Утром вдруг поезд резко остано-

вился, все попадали. Оказалось, что впереди было крушение. Путь был разрушен, вагоны лежали, а паровоз зарылся глубоко в землю.

В полдень за нами пришёл пригородный поезд, началась на него беспорядочная посадка. Наш морячок забросил меня в приоткрытое окно вагона вместе с кошёлкой мясопродуктов и велел занять места. Вагон заполнялся, а моих всё не было. Наконец, поезд тронулся, и я поехала одна. Только через какое-то время на остановке в вагон вошли бабушка, мама и наш матрос. Бабушка плакала, мама меня обнимала. Потом мама меня спросила, что бы я стала делать без них. Я ответила, что я бы доехала до конечной станции и там их ждала. И ещё я сказала, что я бы не пропала, ведь у меня была кошёлка с продуктами.

Из Баку мы вновь через Каспий добрались до Красноводска. На этот раз из Красноводска наш путь был поездом через Среднюю Азию и Западную Сибирь до Красноярска на Енисее, где находились тётя с двоюродным братом и бабушкой в военном городке. Маму направили на работу на шахту в посёлок Бадалык, куда мы с мамой и отправились. Но вскоре мама тяжело заболела, её забрали в больницу, и я осталась одна. Шахтёры подкармливали меня в столовой гороховым супом, а потом местная учительница в октябре отвезла меня в военный городок и сдала в школу-интернат. Я начала учиться в первом классе школы №1 под маминой фамилией Никифорова. Помню мою первую учительницу Марию Неофитовну. Там меня впоследствии нашли тётя и бабушка.

Когда мама поправилась, её направили на работу в Хакасию, на шахту в посёлок Изых на реке Абакан. На этот раз мы поехали втроём, с бабушкой. В посёлке мы были единственными эвакуированными. Нас тепло встретили, поселили в избушке паромщика на высоком берегу реки. Председатель колхоза дал нам во временное пользование драчливую однорогую корову. Её ежедневный удой составлял полтора литра, но нам этого вполне хватало. Кто-то принёс картошку, кто-то яйца. И наконец-то, мы смогли наесться досыта. Там в 1943 году я закончила первый класс. Летом мы ходили «на колоски», иногда пасли телят, работали помощниками коноводов на шахте. У меня появились друзья – сверстники: два мальчика из семьи Вахрушевых и девочка Аля из немецкой семьи. Она жила с бабушкой и дедушкой, а о родителях ничего не знала.

Наш Ростов был освобождён после Сталинградской битвы, и мы вновь засобирались домой. Но нам было необходимо послать из Красноярска запрос, чтобы получить из Ростова официальный вызов. До Красноярска добирались на барже сначала по реке Абакан, потом по Енисею. На одной из остановок во время купания я чуть не утонула. Спасли. Ожидая вызова, жили в селе Коркино под Красноярском на берегу Енисея. Мама работала в колхозе. Мы, школьники младших классов, тоже работали: собирали морковь и картошку. В Коркино я проучилась первое полугодие второго класса. Наша учительница, Мария Ивановна, работала «по совместительству» сапожником, подшивала наши «пимы», т.е. валенки.

Как только был получен вызов, в лютые холода мы поехали поездом через всю страну в Ростов. Город был совсем разрушен, но наш дом уцелел. Мама начала работать на швейной фабрике. Шили всё для фронта, от солдатской одежды до плащ-палаток. Я училась в полуразрушенной школе и закончила второй класс. Учительница, Наталья Васильевна Николаева, вызывая к доске, говорила: «У кого ручки ещё не совсем замёрзли? Кто может писать мелом?» Было холодно и голодно, но мы учились «на отлично». Весной на территории зоопарка нам выделили участок под огород. Ходили на Дон ловить рыбу на леску с самодельным крючком. Хлеб получали по карточкам, ходить за хлебом была моя обязанность. Потом к нам приехали тётя с братом. После девятого класса брат пошёл на ускоренный курс в артиллерийское училище и успел повоевать под Берлином. Там он встретился со своим отцом, тоже артиллеристом. Оба остались живы.

В течение всей войны источником последних известий была чёрная тарелка репродуктора и чёткие фразы: «Внимание! Говорит Москва! От Советского Информбюро». После сообщений по радио были печаль и радость, слёзы и ликование. Хорошо помню День Победы. 8 мая 1945 года поздно вечером по радио объявили: «Ждите важное сообщение». Я не дождалась и заснула, а мама и бабушка потом говорили, что я проспала Победу.

Утром 9 мая весь Ростов был на самой большой площади города, Театральной. На этой площади находился театр им. М.Горького, построенный в 1935 году, здание напоминало огромный трактор. Состоялся митинг. Все поздравляли друг друга, обнимались и... плакали. В парке вокруг театра цвела сирень. Ярко светило солнце, и

всех окутывал аромат сирени. Вдали был виден широкий весенний разлив Дона.

А потом восстанавливали город, страну. Работали. Учились.

В 1952 году мы собрались из разных уголков страны на Химическом факультете Московского Университета. О нашем военном детстве во время учёбы почти не говорили. Смотрели в будущее, мечтали создать большую химию. Через пятьдесят с лишним лет на очередной встрече нашего дружного курса решили написать воспоминания о своём военном детстве. Читая воспоминания однокурсников, я вдруг обнаружила, что во время войны наши пути пересекались. Например, мои пути пересеклись с Сашей Дьяченко и Толей Поляковым, т.к. они оба из Ростовской области, с Олегом Пироговым в Нальчике, со Светой Кара-Мурзой и Юрой Овчинниковым в Красноярске.

Ощущение такое, что мы прожили несколько жизней, и первая из них – наше военное детство!

Тенякова Л.А.

22 июня 1941 года мама разбудила меня в четыре часа утра, и мы погнали свиноматку с двенадцатью поросятами на базар в районный центр г. Балту, что в семи километрах от нашего пристанционного посёлка Белино. Торговля шла бойко, поросята были английской породы, «куцерылые», и к двенадцати часам всё было продано.

По радио объявили, что началась война. Домой возвращались той же дорогой, между отрогами Карпат, а на душе была тревога. На следующий день из нашего посёлка и соседних сёл по дороге на Балту, в военкомат, потянулись вереницы военнообязанных.

Прошла неделя-другая и через нашу станцию стали проезжать поезда с эвакуированными. Люди ехали на открытых платформах с низкими бортами. Хлеб в буфете ещё продавали. Однажды я стоял в очереди за хлебом, а передо мной был красноармеец. Он беспокоился, что отстанет от своего поезда. Дал мне три рубля и попросил купить ему хлеб. Он ушёл, а я больше его не видел и до сих пор считаю себя его должником. В то время слова «солдат» и «офицер» были отрицательными. В памяти ещё были солдаты и офицеры царской армии, с которыми воевали наши красноармейцы. Солдатами наши красноармейцы стали позднее, когда в армии ввели погонны. Тогда же появились офицеры и генералы.

Когда началась война, мне уже было почти четырнадцать лет. Нас, мальчиков и девочек 1924 года рождения и моложе, мобилизовали в «истребительные отряды». Мы жили дома, а по ночам охраняли железнодорожный мост, водокачку, станцию и другие объекты. Однажды мы охраняли мост вчетвером: я, мой двоюродный брат Коля Родионов и две девушки Майя Тарасенко и Тамара Овчинникова. Мы сидели на камнях рядом с мостом, а мимо с грохотом проносились поезда. Много лет спустя, я случайно встретил Майю, и оказалось, что она тоже помнит эту тревожную ночь. В книге воспоминаний Валентина Гагарина «Мой брат Юрий», изданной в 1979 году я прочитал об этих истребительных отрядах. Оказалось, что их создавали райкомы партии.

Примерно в начале июля 1941 года немцы начали бомбить соседние железнодорожные станции. Станцию Балту, рядом с нашим посёлком, пока не трогали. Но 22 июля 1941 года в десять утра в солнечный день показалась группа из двенадцати немецких самолётов. Мы уже узнавали немецкие самолёты по характерному прерывистому гулу. Три самолёта оторвались от строя и стали пикировать на г. Балту. Раздалось страшные взрывы. И вдруг вокруг нас началась трескотня разрывных пуль. Это три штурмовика осыпали наш посёлок трассирующими разрывными пулями. К счастью, от этих пуль никто не пострадал.

Группа из пяти-семи мальчишек, я среди них, решили пойти посмотреть, что произошло на станции, которая была с полкилометра от посёлка. На середине пути услышали сильные взрывы. Мы решили, что взрываются бомбы замедленного действия. От станции нам навстречу, прихрамывая, бежал Петя Волошук. Его по бедру «шлёпнул» большой осколок снаряда. Мы развернулись и стали убежать по колхозному кукурузному полю. Нам встретились три знакомые девушки, мои одноклассницы. Они тоже убегали от обстрела. Над головами пролетали снаряды со звуком, похожим на звук поперечной пилы, когда её выгибают в разные стороны. Мы добежали до карьера, где добывали песок и глину, и просидели там до вечера. К вечеру взрывы прекратились, и мы вернулись домой. Оказалось, что немцы сбросили бомбы на выгруженные на станции боеприпасы. Видимо они знали об этих боеприпасах от шпионов, действующих в нашем тылу. Во время этой бомбёжки был убит мой одноклассник Толя Кобец и старший по возрасту друг Лёня Козорез.

Через несколько дней стали слышны орудийные выстрелы – фронт приближался к нашим местам. Люди начали эвакуироваться, забирая в колхозной конюшне лошадей и повозки. Мне стало страшно, и я обратился к маме с просьбой об эвакуации. Мама ответила: «Куда я с вами денусь?» Нас было пятеро детей от семи до семнадцати лет. Но эвакуироваться всё же пришлось. Станцию уже обстреливали из пушек и миномётов. Жить в посёлке становилось опасно. Многие уезжали в близлежащие сёла. Мама решила нас рассредоточить, чтобы мы не погибли все вместе. Сёстры поехали с мамой, старший брат Витя со своими друзьями, а я с тётёй Надей. С сыном

тёти Нади, моим двоюродным братом Володей Кодымским, мы подружились.

Тётя Надя достала повозку с лошастью, и мы поехали в село Петровку, что в трех километрах от нашего посёлка. Дорога шла по косогору, и я придерживал повозку сверху. Вдруг я поскользнулся, хотя было сухо. Нога пошла под колесо! «Останусь калекой!», – мелькнуло в голове. Мне повезло. Оказалось, что это повозка начала переворачиваться и потянула меня под себя. Я отделался испугом.

В селе мы с Володей пасли скот, за что получали какие-то продукты, в том числе мёд. Там же произошла первая встреча с немцами. Их пришло со стороны г. Балты человек пятнадцать. Вооружены «до зубов». Вели себя мирно. Спросили, нет ли наших военных. Военных не было. Покрутились немного и ушли обратно в Балту. Странно! В Балте немцы. А мы никакого фронта не видели!

Однажды ночью немцы открыли стрельбу по селу Петровка. Мы спрятались за домом хозяйки. Утром я почему-то пошёл по селу. Прошёл несколько домов, и вдруг обстрел начался снова. Я страшно испугался. Грудь сдавило. Было ощущение, что меня душит удав. «Удав» опустился вниз, до самых пяток. «Так вот, что такое: сердце в пятки ушло!» Через пару дней мы с Вовой пошли в посёлок, дошли до моста, который недавно охраняли. И вдруг – гул немецких самолётов. Я уже тогда был близоруким, самолётов не видел, а брат мне сказал, что за немецкими самолётами гнались наши истребители. Немцы начали сбрасывать бомбы, которые летели со страшным воем. Володя наблюдал, как летят бомбы, и вдруг сказал: «А эта летит на нас!» Бомба упала в 100-150 метрах от нас. Я лежал на земле, прикрыв голову руками. И вдруг почувствовал, что по земле прошла волна, как на море. Я больше никогда таких «волн» не ощущал, да и не слышал об этом в рассказах людей. Воронка от бомбы была в диаметре семь-восемь метров, глубиной три метра. Одна из таких бомб разнесла «в клочья» дом наших соседей по посёлку и изрешетила крышу «из дранки» нашего дома.

Потом мама собрала всю нашу семью дома. Однажды, часов в десять-одиннадцать утра, с востока раздались пулемётные очереди. Стрельба всё усиливалась. И опять наша семья покинула свой дом. В этот раз мы отправились в село Пасицелы. Когда проходили под мостом, увидели наших красноармейцев. Они спали у насыпи. Видимо, двигались всю ночь, и им дали отдохнуть. В селе мы размести-

лись у каких-то родственников. А на следующий день с восточной стороны появились немцы. Подошли к забору, присели, попросили воды. У каждого ручной пулемёт, железная коробка с патронами, противогаз. Было это 8 августа 1941 года. Всё! Больше никаких красноармейцев мы не видели. Всё стихло, выстрелы прекратились. Фронт ушёл. Началась оккупация, которая продлилась более двух с половиной лет!

Из Пасицел мы снова возвращались домой. По дороге нам навстречу двигались конные повозки немцев. Они переговаривались, часто слышалось имя Эмиль. Вот мы всю оккупацию и называли между собой немцев «эмилиями». Были очень удивлены, когда после освобождения узнали, что наши их звали «фрицами».

Через два дня после начала оккупации мы узнали, что в саду поселкового жителя Макара Паляя были убиты два немца. Откуда-то было известно, что немцы за каждого своего солдата расстреливают сто человек. В нашем посёлке вместе с грудными детьми проживало триста пятьдесят человек. Из них треть ушла на фронт. Остались старики, женщины, дети. Примерно двести человек. Значит, они расстреляют всех!

Утром выгоняем коров на пастбище. В конце посёлка у дороги пять могил немцев с деревянными крестами и касками на них. Солдаты копают ещё две могилы. После обеда движемся тем же путём, видим, что могилы готовы. Часа в четыре (солнце ещё высоко) со стороны посёлка слышится стрельба. Потом всё стихает. Ждём вечера. Боимся, что немцы всех расстреляли. Стало темно, но домой идти страшно. Верх берёт мысль, что если коров вовремя не подоить, то они «испортятся». Возвращаемся в посёлок. К нам подбегают немцы с оружием в руках, что-то кричат, но мы не понимаем. Немцы внедряются в нашу толпу и идут с нами. По дороге кто-то уходит в сторону своего дома, один из немцев идёт с ним. Так проходим через весь посёлок. Я последний. Подходим к калитке, пропускаю корову, вхожу сам, а немец... остаётся за калиткой. Дома горит керосиновая лампа. Окна занавешены. Мне говорят, что расстреляно двадцать человек, в том числе соседские ребята Боря Чумак, Иван Чумак и Женя Голынский.

Утром снова выгоняем коров. В центре посёлка лежат трупы расстрелянных. Оказалось, что немцы отобрали двадцать самых

крепких мужчин, в основном, железнодорожников, и повели их расстреливать туда, где были убиты немецкие солдаты. Мужики решили убежать. Четверым убежать удалось. С одним из них я встретился спустя много лет.

Вскоре немцев сменили румыны, которым Гитлер отдал земли от Днестра до Буга. Этот район называли «Транснистрия», т.е. «Заднестровье». Румыны начали заводить свои порядки. Немецкие приказы «ферорднунги» сменили румынские «ордонанки». Запрещалось проводить собрания, даже собираться группой больше трех человек. Назначенного немцами старосту «эльтесте» сменил «примарь» из местных молдаван. До войны в школе мы учили немецкий язык, поэтому с немцами могли кое-как объясняться. Румынского языка мы не знали, начали изучать его «на слух». Сначала научились «материться» по-румынски, т.к. каждый разговор с нами они начинали с ругательств.

Румын мы боялись меньше, чем немцев. Румыны вели себя с населением мягче. Так, например, они не убивали евреев, посылали их работать, в том числе и на нашу станцию. Но на груди и спине у них должна была быть шестиконечная звезда. Жили они в ужасных условиях. В г. Балта я как-то зашёл в дом, где жили евреи. Окна выбиты. Костёр посреди комнаты, все сидят вокруг костра и греются. Дым – столбом, глаза у всех воспалены от дыма.

Колхозы оккупантам понравились. Они их оставили без изменений. Тот же председатель, те же бригадиры. Кстати, председатель нашего колхоза им. Буденного оставался в должности какое-то время и после освобождения. Но вскоре был арестован и получил «10 лет без права переписки». В посёлке была румынская жандармерия в составе двенадцати-пятнадцати человек и полицаи из местных жителей. Двое из них до войны были членами партии, а двое просто «алкаши». Алкашей вскоре из полицаев выгнали – они не были нужны даже оккупантам.

Полицаи вели себя вежливо. Ни на кого руки не поднимали. А румыны не стеснялись стегануть человека прутом. Мне от них попадало не раз. В основном, за то, что «крутился» на станции, что было запрещено. Мои сверстники и я официально нигде не работали. Ходили на колхозные работы вместо матерей. Трудились на своём огороде (60 соток), с чего, в основном, и жили. Полицаи часто привле-

кали нас к разным «мероприятиям». К примеру, гонять с трещоткой зайцев (а их развелось очень много) в лесу для румынских офицеров. За это офицеры однажды угостили нас самогоном. Это было моё первое знакомство со спиртным. До чего же была противная эта свекольная самогонка!

Однажды я рубил во дворе дрова. У нас была русская печь, и мать собиралась испечь хлеб. Пришёл полицаи с винтовкой и белой повязкой на рукаве. Велел идти к шефу жандармов, чтобы выполнить какое-то его поручение. Я сказал, что приду через полчаса. Полицайи пришёл снова: «Шеф злится». Я говорю: «Сейчас, сейчас». Хотелось закончить свою работу. Полицайи пришёл в третий раз: «Ну и попадёт же тебе!» Мы пришли в жандармерию. За столом сидит шеф жандармов, молодой красивый румын. Перед ним на столе револьвер. Он срывается со стула, подбегает ко мне с криком: «Ты почему не идёшь, когда тебя полицайи зовёт?» Кричит по-румынски, но я понимаю. Бьёт меня со всего маху по одной щеке, по другой, ещё раз. Я, извините, со страху уписался. Он хватает запечатанный конверт, даёт мне: «Иди в село Пасицелы (за 10 км от станции), отдай старосте. Я выскакиваю на улицу, понимая, что всё могло кончиться хуже.

Помню начало весеннего сева 1942 года. Мы в поле, с северной стороны посёлка. Видна дорога в г. Балту. Пашем на лошадях. За плугом мужики (старики, инвалиды). Лошадей ведём мы, мальчишки. Плуг держать нам не доверяют – маловато силёнок. Подъезжает префект (хозяин района) со свитой. Интересуются, как идёт вспашка. Дядька Тарас держит руки в карманах. Ему предлагают вынуть руки: а вдруг, у него там пистолет. Префект уезжает, а мы продолжаем пахать. У каждого звена свой участок. За старшего в нашем звене дед Обух, шестидесяти лет, разбирающийся в «земельных» делах. Во время упомянутого расстрела убили двух его сыновей: Павку и Стёпу.

Время в оккупации было беспросветным. Ещё в самом начале войны при советской власти был строгий приказ сдать все радиоприёмники. То же самое потребовали оккупанты. Так что мы не знали, что делается в мире. Нам казалось, что мы – вечные рабы. Нет у нас никакой перспективы. Правда, действовала наша семилетняя школа. В ней учился мой младший брат Юра, 1934 года рождения и сестра

Люда, 1930 года. Слушая, как они учат уроки, я кое-что запоминал по-румынски, в том числе, молитву « домнедзэу ностру».

Для охраны посёлка по ночам было организовано дежурство всего мужского населения, по типу дружинников. Мы сидели в центре посёлка с вилами в руках и прислушивались. Иногда бежали на крики о помощи. Временами обходили посёлок по главным улицам. Называлась эта служба – «обход».

Однажды, в зимнее время, я пошёл на колодец за водой, чтобы напоить корову. Опустил ведро в колодец и обнаружил, что верёвка развязалась. Хоть я и близорукий, понял, что ведро не утонуло, плавает. Не долго думая, полез в колодец за ведром, опираясь на камни кладки. Взял пустое ведро и начал карабкаться наверх. Снизу увидел несколько голов вокруг колодца. Оказалось, что с шоссе меня увидел румынский солдат, когда я полез в колодец. Он решил, что я хочу утонуться, и созвал людей, чтобы меня спасти. Такой был случай!

Как-то раз мама послала меня на станцию продать бутылку подсолнечного масла. Его покупали немцы. Небольшой плюгавенький немецкий солдатик попросил дать ему бутылку «для проверки» и... пустился наутёк. Я не побоялся, догнал его и отобрал бутылку силой. Он не сопротивлялся и, по всей вероятности, не очень обиделся. Сейчас я считаю, что надо было отдать ему эту бутылку. Он был такой несчастный!

Часто к нам «на постой» приходили немецкие и румынские солдаты. Вообще, эти посещения солдат нам сильно надоедали, ведь нас и так было шесть человек. Иногда, чтобы немного отдохнуть от них, говорили: «У нас тиф». Тогда солдаты уходили. Как-то поселились у нас двое немецких солдат Отто Крюге и Мартин Геккер. Оба из Дрездена. Работали там, по их словам, на «айзенфабрике», т.е. на заводе металлических изделий. Они оба работали на станции. Свои карабины и патронташи с патронами оставляли дома. Мне захотелось пострелять. Повесил на дерево консервную банку. Для уменьшения шума вытащил из патрона пулю, высыпал порох, вставил пулю обратно. Стрельнул. Звука почти не было, да и пуля не улетела. Подумал, что «влетит», если узнают. Пулю вставил обратно в патрон. Так они ничего и не заметили.

Немцы возили наших пленных в товарных вагонах с решётками на окошках. К вагонам никого не подпускали. Румыны, наоборот,

возили пленных в открытых вагонах «пульманах» без крыши на тюках спрессованного сена. Можно было разговаривать с пленными, давать им еду. Тогда я впервые увидел наши погоны. Румыны предупредили пленных, что если кто-то убежит, расстреляют весь вагон. Однажды везли целый эшелон девушек и ребят из Кировограда и Полтавы на работу в Германию. Вагоны были открытые, на станции они могли ходить свободно. Тогда же набрали два вагона наших ребят, в том числе моего старшего брата Витю. Они отъехали 30 км от дома, и все разбежались, вернулись домой. Никто их повторно не собирал.

Немецкие и румынские солдаты говорили, что они уже подходят к Уралу. Однажды немецкие солдаты у тётки Марии налаживали рацию. Вдруг мы слышим: «Мы, колхозники и колхозницы Кубани взяли на себя повышенные обязательства...» Как мы воспрянули духом! Есть ещё надежда! О поражении немцев под Сталинградом мы откуда-то узнали. Помню, немцы и румыны ходили с чёрными повязками на рукавах. Говорили, что Гитлер объявил траур. Наш дом был недалеко от станции, поэтому к нам часто заходили военные. Кроме немцев и румын я видел итальянцев, которые на своих грузовиках возили на станцию зерно. Как-то появились кавалеристы, не похожие на немцев. Оказалось, что это – крымские татары.

Настало время (март 1943 года), когда фронт стал приближаться к нашим краям. Пришлось опять убежать, на этот раз в село Харитоновку. Помимо фронтальной стрельбы, слышались методичные взрывы. Это немцы взрывали рельсы, каждый «стык», водоотводные трубы. Как-то к нашей хозяйке пришёл грузный немец с полной боевой выкладкой и попросил «куку», т.е. курицу. А наша хозяйка спрятала своих кур на чердаке, предварительно связав им ноги. Пока хозяйка пыталась объяснить, что кур нет, одна из них свалилась с чердака. Пришлось её зарезать и поставить варить. Немец ушёл к своему окопу, где была установлена пушка. Вдруг прошёл слух, что идут наши. Выстрелов не было, мы вышли на край села. Увидели людей в гражданской одежде с косой красной лентой на головных уборах. Это были партизаны. Мы были очень рады: наши пришли! И курица пригодилась! Хозяйка вынесла сварившуюся курицу и раздала партизанам.

Во время оккупации в нашей местности партизаны мало себя проявляли, т.к. местность у нас открытая, с небольшими лесочками. Не то, что в Белоруссии с непроходимыми лесами. Партизаны намеревались ударить с тыла при подходе наших войск, но были выданы двумя провокаторами. Немцы расстреляли перед уходом двести партизан. Среди расстрелянных был старший брат моего одноклассника Алика Гука, Иван Гук.

И опять мы вернулись домой. По дороге увидели скопление сгоревших немецких машин, застрявших из-за распутицы. Немцы их сожгли и ушли пешком. Немцы отчаянно сопротивлялись. Несколько ночей подряд они бомбили город Котовск, что в двадцати трех километрах от нас. Взрывы были настолько сильными, что наш дом шатался. Было страшно, как никогда за всю войну.

Сразу после освобождения, ребята с 1924 по 1926 год рождения были призваны в армию. Среди них был мой брат Витя. Нас, 1927 года рождения и моложе, взяли снова в «истребительные отряды». Сначала мы участвовали в восстановлении железной дороги, а потом несли караульную службу. Мы ходили с карабинами, но ... босиком. Охраняли мост, водокачку. Поскольку в армию пока не брали, я решил пойти учиться (до войны я окончил 7 классов). Школа была в г. Балта. Я пришёл в школу, поговорил с завучем, который одобрил мою инициативу. Но когда мы с ним разговаривали, маленькие девочки, проходя мимо, сказали: «Это наш новый учитель физкультуры». Я ужасно сконфузился. Дело в том, что до войны я был маленького роста, а за годы войны вытянулся выше 170 см. Я представил себе, что буду сидеть в классе среди этих малюток и пришёл в ужас. «Нут, в школу я не пойду».

Наконец, меня вместе с одноклассниками вызвали в военкомат для призыва в армию. Нас было пятеро. На медкомиссии выяснилось, что у меня сильная близорукость. Я видел всего две строчки таблицы, и то прищурившись. Я, конечно, знал о своей близорукости, но скрывал это, т.к. боялся насмешек. И всё-таки меня призвали и определили в отдельный запасной учебный инженерно-сапёрный батальон. Жизнь пошла строго по расписанию: подъём, физзарядка, занятия. На занятиях я сразу отличился, т.к. у меня была хорошая память, и я хорошо запоминал материал. Поэтому, когда приезжали проверяющие, командир взвода обычно поднимал меня.

9 мая 1945 года объявили об окончании войны. Нам за обедом выдали по стакану красного вина. На этом для меня война закончилась. Потом мы сдали экзамены, получили сержантские звания и разъехались по воинским частям. Во время службы в армии я учился в восьмом-десятом классах вечерней школы в г. Бельцы (Молдавия). А потом поступил во Всесоюзный институт инженеров транспорта (ВЗИИТ, Москва). Окончил первый курс, сдал экзамены, а мои однокурсники убедили меня демобилизоваться и поступить в МГУ. Что я и сделал.

В общей сложности, я прослужил в армии семь лет, семь месяцев и семь дней. Я был мобилизован 21.12.1944 года в день рождения Сталина, когда ему исполнилось шестьдесят пять лет. Демобилизовался 28.07.1952 года в день своего рождения, когда мне исполнилось двадцать пять лет. И сразу отправился поступать на химический факультет МГУ. Моим сокурсникам в то время было по семнадцать лет.

Гусарский В.В.

Июнь 1941 года. Меня записали в первый класс 173 школы г. Москвы. Купили портфель и новое платье. Родители решили отправить меня вместе с бабушкой отдохнуть перед школой к маминной сестре в г. Злынка (Брянская обл., Новозыбковский район).

Очень хорошо помню, как 19 июня приехали на Киевский вокзал, и я в ожидании чуда – в первый раз поеду на поезде! – почувствовала, что родители немного озабочены: на вокзале было очень много военных, которые, наверное, ехали в свои части. А я ехала отдыхать...

Небольшой городок Злынка окружен необыкновенно красивыми лесами (знаменитые Брянские леса), полными ягод и грибов. Жители городка, в основном, жили в собственных домах с садами, огородами.

Воскресный солнечный день. Я с детьми играла на улице, и вдруг мы услышали гул – над нами летели самолеты. Мы начали прыгать, кричать, махать руками. И только, когда кто-то из взрослых закричал мне: «Сними панамку (белую)! Ложитесь на землю!», – мы увидели, что над нами из самолетов падают какие-то чёрные шары, а на самолетах чёрные кресты. Так для меня началась война...

Когда родители через какое-то время пытались вывезти меня в Москву, то оказалось, что пассажирские поезда уже не ходят. Папа пытался договориться с летчиками. Я не знаю подробностей, знаю только, что родители старались сделать всё, чтобы вернуть меня в Москву. Какое-то время я ждала, а потом тетя сказала мне, что поскольку уже идет война, летчикам перевозить маленького ребенка нельзя. И я стала ждать окончания войны.

Проходило лето, внешне жизнь в городке не изменилась. Однажды (даты не помню) на улице появились наши бойцы с винтовками и скатками. Их было немного, они заходили попить воды. На вопросы, далеко ли проходит фронт, они отвечали, что ничего не знают, т.к. отстали от своей части, и связи у них нет. На следующий день по городку пронеслись на мотоциклах немцы (заходившие к нам красноармейцы лежали расстрелянные на окраине). Дальше

вспоминаю, что мы с тетей и дядей сидим в погребе (у нас во дворе) с какими-то вещами, и меня просят сидеть тихо.... Открывается дверь погреба и немецкие солдаты в черной форме кричат: «Матка! Шнель, шнель!» и показывают автоматами, чтобы мы выходили. Так началась оккупация, продолжавшаяся два года. В первый класс в 1941 году я не пошла: школа в городе была, но теперь ее занимали немцы, а потом, сменяя друг друга, по мере продвижения фашистских войск, итальянцы и румыны.

В 1942 году, осенью, местный учитель (к сожалению, не помню его имя и отчество) организовал для детей первый класс у себя дома. Позднее школа освободилась, и мы перешли туда. В классе было семь-восемь учеников, писали мы на досточках, по-моему, мелом, а учебники были общие. Очень хорошо помню, что в букваре часть страниц была заклеена и много слов вычеркнуто. Букварь был один на двух-трех учеников, и мы по очереди брали его для занятий домой.

Фронт быстро продвигался вглубь нашей страны, поэтому немецких солдат первое время у нас не было, но появились полицаи. Мы, дети, конечно, иногда играли, но, в основном, помогали взрослым. Летом ходили жать серпом траву для коз (всех коров немцы угнали в Германию), собирали «щиголь» (сосновые иголки) в сосновом лесу для растопки печей.

Хорошо помню, как мне было велено сидеть какое-то время дома: вылавливали евреев, а я была смуглая и черноглазая, и тетя боялась, что и меня заберут. Помню, как евреев гнали по улице на окраину, где потом убивали. У нас в доме какое-то время прятались мама с дочкой (трех-четырёх лет), которые потом ночью куда-то ушли. Взрослые мне, разумеется, не говорили, но я думаю, что их переправили к партизанам, о которых тогда уже знали. Знали, что они базируются в лесах.

Однажды немцы объявили, что за собранные цветы бессмертника будут платить деньгами. За городом росли, как мне казалось, бескрайние поля этих цветов: я больше никогда и нигде не видела таких полей цветов. Мы, дети, с большими корзинами ходили их собирать, а потом сдавали на приемный пункт, где нам платили, по-моему, марками. Это были первые заработанные мною деньги, на которые купили хлеб.

Второй раз меня прятали, когда в 1943 году немцы стали угощать молодежь на работу в Германию. Мне было десять лет и, наверное, я, как рабочая сила, вряд ли могла пригодиться, но взрослые думали по-другому.

Осенью 1943 года стала слышна далекая канонада, и все заговорили об освобождении. Однажды немцы по громкоговорителю стали непрерывно повторять, чтобы все жители собрались на центральной площади такого-то числа (дату и время сбора не помню). Жители стали уходить в леса. Помню, что-то из вещей закапывали на огороде, что-то, необходимое, брали с собой. Думали, что возвращаться придется на пепелище – немцы при отступлении сжигали все дома. Тетя, дядя и я ночью с тележкой на двух колесах, вместе с соседями, тоже ушли в лес, где прожили две недели. Помню, что отходить от лагеря далеко не разрешалось, особенно, когда близко стреляли, но страшно было только ночью. Как потом оказалось, фронт был еще довольно далеко, но партизаны действовали активно, и немцы поспешили удрать, успев сжечь центр города и отравить колодцы. Мы в лесу слышали грохот орудий и сильных бомбежек города Новозыбкова, а иногда видели зарево пожаров. Как мы узнали, что город освобожден Красной Армией, совершенно не помню. Помню только возвращение домой: дом стоял на месте, но что-то пропало...

Начались дни ожидания: ведь я больше двух лет ничего не знала о родителях и сестренке, которой в начале войны было два года. Конечно, верила, что все живы, но когда меня заберут домой – не знала. Очень часто зимой я выходила во двор вечером и смотрела на луну, считая, что родители луну тоже видят.

Как родители узнали, что я жива, не знаю. Пассажирские поезда долго не ходили, почта не работала. Но однажды (конец 1943–начало 1944 годов) тетя мне сказала, что за мной скоро приедут из Москвы. Почему-то все события до встречи с родителями я почти не помню. Приехал (добирался на перекладных) папин сослуживец: папу не отпустили – он, опытный инженер-строитель, восстанавливал Москву. Мы ехали на лошадях, потом на площадках товарных вагонов. Я была закутана с ног до головы – зима стояла очень холодная. Возвращение домой на Новослободскую улицу тоже не помню. Помню только, что дома стояла ёлка, а посреди комнаты железная печка с трубой, выведенной в форточку, и конечно, помню салют,

который я смотрела с пятого этажа нашего дома. Продукты в Москве давали по карточкам, но мне, по-моему, отдавали все, что я могла съесть. С третьей четверти я пошла учиться во второй класс 173 школы, куда была записана еще летом 1941 года. Хорошо помню и с благодарностью вспоминаю свою учительницу Евгению Ивановну, которая очень мне помогала: ведь после своего учения в оккупации я в первом же диктанте написала слово Москва через «а», чем, наверное, немало удивила учительницу. Потом училась и, как все, ждала окончания войны. Жили мы в коммунальной квартире (семь семей) и, когда однажды ночью сообщили о нашей победе, общая радость была беспредельна.

Шаназарова И.М. (Бирюкова Ирина)

Мой отец, Привалов Фёдор Алексеевич, родился в 1906 году на Волге, в г. Вольске. Работать начал очень рано, с тринадцати-четырнадцати лет. После учёбы в Ленинградском горном и электромеханическом институтах работал учителем, потом директором школы. В 1930 г. получил небольшую квартирку в старом одноэтажном доме. В 1932 г. женился на Проворовой Марии Васильевне, с которой был знаком с детства. К ним переехали из Шуи родители Марии и два её брата. Сформировалось ленинградское «гнездо» Приваловых – Проворовых, удивительно дружная семья, где не было даже намёка на ссоры. Взрослых в семье было восемь человек, а ребёнок один – я. Поэтому я рос в море любви, ласки и внимания. Это тепло греет меня до сих пор. А сколько сказок, рассказов о зимовках на льдинах, историй о тайнах леса, жизни животных и птиц слышал я в детстве!

В 1939 г. по моей, как мне казалось, настоятельной просьбе родилась моя сестрёнка Лялька – маленькое улыбчивое существо с голубыми глазёнками. Сегодня, много лет спустя, я вновь и вновь вижу нашу семью, всегда собиравшуюся вечером в одной комнате. Бабушка что-то штопает, мама кормит Ляльку, дедушка рисует, дядя Миша, студент, изучает чертежи самолётов, отец что-то пишет, или читает, а дядя Коля тихо рассказывает мне о жизни бобров или медведей. Рядом со мной, прижавшись тёплым боком, заморожено слушает рассказ Тузик, огромная, мохнатая сибирская лайка. И мне до сих пор кажется, что пёс понимал каждое слово. Таким и осталось в памяти моё довоенное детство, как солнечное окошко в счастливый, тёплый, безоблачный мир.

В 1938 г. отца направили на учёбу в Москву, в военную академию, а в 1940-м году, вместе с семьёй, на временную работу в Ригу. В Москве мне запомнились длинные, чистые коридоры общежития академии на Пироговской, по которым я ездил на трёхколёсном велосипеде. По воскресеньям отец сажал меня на свой велосипед, и мы выезжали за город мимо Новодевичьего монастыря, мимо Лужников.

Помню, что когда мы просили напиться воды, хозяйки неизменно приглашали нас в сад, сажали под яблоню и угощали молоком с чёрным душистым хлебом.

Совсем иной мне запомнилась Рига, город чистый, вылизанный, с холодной красотой и чуждым духом. Даже голуби на мостовых, лебеди в прудах, черепичные крыши домов, силуэты окон казались мне нарисованными. А главное – люди, от них шёл какой-то холод, молчаливое неприятие. Встречные не улыбались, отворачивались, или смотрели мимо.

Лето 1941 года. Мы идём с отцом по улице Риги. Отец в военной форме, затянутой портупеей. Навстречу, смеясь и громко разговаривая, идут четыре офицера в чужой форме. Увидев нас, смолкают, кидают два пальца к козырькам высоких фуражек. Отец козыряет в ответ. «Кто это? Почему они...» – спрашиваю я, когда чужие уходят. «Немцы, – глухо говорит отец. – У нас с ними пакт... о ненападении».

Через несколько дней отец неожиданно быстро возвращается с работы. «Война, – говорит он. – У нас два часа на сборы. Никаких чемоданов, ящиков. Только самое необходимое: одежда, еда, молоко Ляльке. Поедете военным эшеленом до Ленинграда». Что ещё отец тихо говорил маме, я не слышал. И, конечно, не понимал, что такое война. Знал только, что отец остаётся в армии, здесь, в Риге и с нами не едет.

Вокзал. Стоящий на дальних путях эшелон. Отец подсаживает на высокую площадку вагона мать, передаёт ей Ляльку, две сумки, помогает подняться мне. Из окна вагона я вижу отца. Он снимает, вновь надевает фуражку и смотрит, не отрываясь, на нас. Короткий гудок, поезд медленно трогается.

Сколько мы ехали до Ленинграда, я не помню. Эшелон шёл, часто останавливаясь, пропуская попутные и встречные составы, подолгу стоял на узловых станциях, заправляясь углём и водой. Мы с мамой тоже, по возможности, ходили за водой. Стояла жаркая погода, и очень хотелось пить. На одной из станций, когда мы возвращались с водой, какая-то женщина толкнула мать плечом, чуть не сбив с ног. Мама ей что-то сказала. Женщина рывком обернулась, лицо исказилось звериным оскалом: «Иди, пока жива, – прошипела она. – Скоро вам всем конец». Мы ошеломлённо смотрели ей вслед. Жен-

щина сошла с платформы, прошла шагов сорок и, оглянувшись по сторонам, спустилась в подвал какого-то домика. Рядом с нами остановился военный патруль с нашего эшелона, и мама коротко рассказала офицеру о встрече с женщиной. Мы пошли к вагону, неся драгоценную воду. И уже потом узнали, что в том домике задержали людей, подававших световые сигналы немецким самолётам. Сейчас общеизвестно, что с первых часов войны у нас в тылу заработала заранее подготовленная немецкая система оповещения: у аэродромов, возле воинских частей и заводов, на дорогах. Тогда мы этого, конечно, не знали и очень удивились приходу коменданта поезда. Он поблагодарил маму, потрепал меня по голове и, порывшись в карманах, сунул мне в руку конфетку. Тепло военных к нам, детям, я ощущал в войну всегда. Семьи их были далеко, и многим уже никогда не удалось свидеться!

Бомбёжек на станциях я не помню, но в пути немецкие самолёты порой проходили над эшелонами, били из пулемётов. Поезд рывками тормозил, останавливался, люди выскакивали, отбегали от состава, ложились, кто, где мог. Все боялись потеряться, отстать от поезда. Особенно трудно было семьям с детьми. И мы перестали покидать вагон при налётах. Мама сказала, что если умирать, то вместе.

До Ленинграда мы добрались благополучно, собрали кое-какие пожитки, зимние вещи и вместе с бабушкой уехали к её сестре, тётке Поле, в Ковров. Дядю Колю и дядю Мишу мы в Ленинграде не застали – они уже были в армии. Дедушка, Василий Гаврилович, уезжать из Ленинграда наотрез отказался. Перед войной в Ленинграде проживало более трех миллионов человек. Примерно 1,7 миллионов, в том числе, 500 тысяч детей, было эвакуировано из города. 8-го сентября замкнулось кольцо блокады. В этом страшном кольце от голода и лишений погибло 800 тысяч ленинградцев, в том числе и мой дедушка. Его сын, дядя Коля, командир взвода сапёров был отпущен с Ленинградского фронта на сутки. Он три часа шёл по блокадному, безлюдному, заснеженному городу, неся отцу консервы из своего скудного фронтowego пайка, но пришёл слишком поздно. Через час дедушка умер, держа сына за руку.

Человек без прошлого, без любви – не человек. Я говорил своим детям и говорю своим внукам: «Твоя фамилия – это символ, знак. Знак того, что твой предок до того, как умереть от пули, стрелы ко-

чевника или в схватке с пещерным медведем, успел родить ребёнка и заслони́л жену и малыша от смерти. Фамилия – это незримая нить к тем, кто жил до нас, кто сохранил нам жизнь, нить к нашим отцам, дедам и прапрадедам. Там, в необозримой дали, стоят и смотрят на нас, держа конец этой нити, высокий, сильный мужчина и очень, очень красивая женщина – наши предки. Я верю, что они были такими – сильными, красивыми, добрыми. Они любили друг друга и завещали эту Любовь нам».

Какое-то время мы прожили у наших родственников в Коврове, а потом перебрались в военный городок на окраине, где нам дали комнатку. Жили трудно, иногда дома не было даже крошки хлеба. Письма от отца долго не приходили, и я слышал иногда, как мама тихо всхлипывала в темноте. Она сразу, в одночасье, осталась без родителей. Известие о смерти бабушки пытались от бабушки скрыть, но она, словно приняв от него сигнал, умерла месяц спустя, зимой 42-го года. Пару раз мама с несколькими женщинами ходила по сёлам, надеясь выменять что-нибудь на хлеб. Конец этим вылазкам положил страшный случай: отпущенный из госпиталя раненый лётчик был окружён на окраине деревни стаей волков. На этом месте утром нашли пустой пистолет, двух убитых волков и лётный реглан. Женщины по деревням ходить перестали.

Я помню, что мама постоянно что-то шила: для фронта, для дома. Всё, что мы с сестрой носили, было многократно перекроено, перешито, перештопано её руками. Только в десятом классе мне купили настоящий костюм, отметив мою школьную золотую медаль. А тогда, в войну, мамино шитьё было и необходимостью, и приработком. Мне поручалось пришивать пуговицы, обмётывать швы на военных гимнастёрках, варежках, кисетах для фронтовиков. Ножом и обломком пилы я делал «стреляющие» автоматы и пистолеты, потом выменял на них у мальчишек старые коньки, «гаги» и «снегурочки». Сделал маме из консервной банки тёрку, только тереть на ней было нечего.

Маме нашлась работа в городке, иногда она приносила домой картофель и морковь. Зная цену каждой картофелины, я научился виртуозно срезать тончайшую кожуру. Но и очистки не выбрасывали, а сушили, варили, когда было совсем «туго». Из моркови я иногда вырезал Ляльке подобие куклы, она с ней играла, завернув в тря-

почку и отгрызая маленькие оранжевые кусочки. Однажды, нам, первоклашкам, выдали к празднику «пирожное» – красивый пирожок из свёклы, репы, муки и нескольких изюминок. Я бережно завернул его в бумажку, уложил в противогазную сумку (портфеля у меня не было) и дома важно отдал сестрѐнке. Лялька была самая маленькая – и этим всё сказано. Отвлекая от «голодных» вопросов, я придумывал для неё игры, возил в коридор на перевёрнутом стуле «в путешествия», рассказывал всякие истории. Особенно ей нравились истории про мышат, живущих возле моей кровати, за сундучком. Они действительно там жили, меня не боялись. Ложась спать, я любил следить за игрой серых, потешных малышей.

Однажды вечером в дверь позвонили, мама пошла открывать, и я вдруг услышал её плач и мужской голос. Я выскочил босиком в коридор и увидел улыбающегося отца. Семь дней в семье жило счастье. Мы с Лялькой не отходили от отца, не могли на него насмотреться. И я вдруг увидел, что глаза у мамы голубые-голубые!

В 1943 году немного полегчало с едой. Регулярно приходили письма и деньги от отца, в военной столовой давали обеды для детей. Меня перевели во второй класс. Однажды, на исходе весны, я ловил в болотце у дороги головастиков и наступил на разбитую бутылку. Побрёл по грязи к берегу, окрашивая зелёную воду кровью. До дома меня довели «под руки» пионеры, возвращавшиеся из школы. К счастью, мама была дома. Хирург военного госпиталя промыл рваную рану, засыпал стрептоцидом, велел прикладывать листья подорожника и мать-и-мачехи. Рана гноилась, но зажила, оставив шрам на всю жизнь.

В конце 1943 года отца неожиданно отозвали с фронта в Москву, в академию, дали комнатку в доме для военных на Писцовой улице. Три года войны на Северо-Западном, Калининском, Прибалтийском фронтах он прошёл без единой царапины. Мамины братья, Николай и Михаил, воевали на Ленинградском фронте, были ранены, но тоже вернулись живыми. Все они были награждены боевыми орденами и медалями и иногда, по праздникам, их надевали.

Москва постепенно меняла военный облик на мирный. На улицах было много военных, но почти исчезли патрули. С вышек на домах снимали пулемѐты и прожектора, в подъездах меняли синие электролампочки на обычные. Стало больше машин, но продукты в

магазины нередко подвозили на лошадях в телегах, или санях. Наши шли на Запад, в сводках замелькали названия чужих городов. Все жили ожиданием конца войны – ведь каждый день уносил тысячи и тысячи жизней.

Я не помню точно, какой день недели пришёлся на 9 мая. Этот день стал всеобщим праздником. Все поздравляли друг друга, смеялись, вспоминали и... плакали. Мы, четверо друзей, с разрешения родителей просочились на Красную площадь и влились в море народа. Ударили пушки, белые шлейфы трасс и букеты огня высветили небо. В воздух полетели шапки, качали фронтовиков, люди бросали вверх монетки. Мы лазали под ногами взрослых, надеясь найти на память эти «звёздочки» Победы.

Далеко в прошлом наше военное детство. Мы, конечно, – дети войны. Мы голодали, были худые, как щепки. Мы всё помним! Но не мы, а они – наши отцы, матери старшие братья, все те, кому было по двадцать, тридцать, сорок лет, приняли на себя тяжесть войны, спасли страну и детей ценой своей молодости, ценой здоровья, ценой своей жизни!

Память о них для нас, детей войны, священна!

Привалов В.Ф.

Слово «война» вошло в нашу семью задолго до 1941 года. Два маминых брата – восемнадцатилетний Лёдик (Леонид), мечтавший стать врачом, и дядя Петя, отец двух маленьких дочек, были мобилизованы в 1939 году на Финскую войну. В их письмах с фронта были слова о страшной морозной зиме, постоянном холоде. Сейчас мы знаем правду о Финской войне, о гибели солдат от пуль и жестоких морозов, о нашей неподготовленности к этой войне. Срок их службы истекал в сентябре 1941 года, но в июне началась война с Германией, и мои дяди были отправлены на Западный фронт. От них пришло лишь несколько писем. Официально они считались «без вести пропавшими», поэтому их семьи не получали пособия. Несмотря на многочисленные запросы, мы так и не смогли о них ничего узнать.

В первые дни Отечественной войны в армию были призваны мой отец, три маминых брата (у мамы было пять братьев) и её сестра, медработник, тётя Соня. Она воевала на «Малой земле», вернулась домой больной, поседевшей, несмотря на молодой возраст. По ночам она мучалась от головных болей и кошмаров. Дядя Вахтанг и дядя Жорж воевали с первых дней войны и погибли в период самых тяжёлых боёв. Ещё один мамин брат, дядя Костя, до войны был моряком, побывал во многих портах мира. Неоднократно ходил на танкере в республиканскую Испанию, встречался с легендарной Долорес Ибаррури. Он был красивым, обаятельным человеком, хорошо пел, играл на гитаре, был прекрасным рассказчиком. С 1941 года дядя Костя воевал механиком-водителем танка. В одном из боёв его танк был подбит, экипаж погиб. Дядя Костя вывалился из горящего танка, достал пистолет... Ведь тогда не было ничего страшнее плена. Вдруг он представил себе свой дом, родных и... пополз, преодолевая боль. Обожжённого, раненого, его увидели наши солдаты и втащили в окоп. Он долго лечился в госпиталях, но уже не смог вернуться на фронт. За боевые заслуги был представлен к званию Героя Советского Союза, а получил редкий тогда орден Александра Невского. После войны дядя Костя закончил с красным дипломом Тбилисский поли-

технический институт, был директором крупнейшего электромеханического завода. Страдал от ран и постоянных болей. Он умер, когда ему было всего сорок пять лет.

Казалось бы, Тбилиси был в глубоком тылу, но дыхание войны начало ощущаться почти сразу. В первые же дни вышел приказ о сдаче всех радиоприёмников, и единственным источником информации стал репродуктор, так называемая, «чёрная тарелка». Исчезли хозяйственное мыло, керосин. Я простаивала длиннющие очереди, в которых номера записывали на руке химическим карандашом. От голода, нестерпимой тбилисской жары и духоты я несколько раз падала в обморок в этих очередях, и знакомые люди отводили меня домой. А голод становился всё сильнее и начал преследовать нас постоянно. По карточкам давали крохи, а офицерский паёк дяди Кости только давал право получить подобие супа, где плавала картофельная шелуха и отдельные фасолинки.

Мама носила на рынок всё, что можно было продать. Там она видела известных врачей, деятелей науки, артистов, других уважаемых в городе людей, которые стеснялись своей нужды и прятали глаза друг от друга. Что-то продать было большой удачей, но в толпе шныряли люди, скупающие за гроши изделия из бронзы, китайский и майсенский фарфор, хрусталь, старинные картины и другой антиквариат. Мама, при первой же возможности, собирала что-то из одежды, кроила, перешивала и отвозила в сёла, чтобы обменять на продукты. Поезда ходили плохо, были переполнены, влезть в вагон с вещами было почти невозможно. Часто совсем незнакомые люди втаскивали маму на площадку. Мама сияла, если удавалось привезти из поездки что-то съестное: картошку, кукурузную муку, фасоль или немного грецких орехов. Сахара не было, но иногда, в зарплату, мама приносила с базара «подушечки», мягкие маленькие карамельки. С ними мы пили, согревая ладони, горячий чай, а точнее слегка желтоватую жидкость, держа конфету за щекой и растягивая ощущение сладости на несколько стаканов.

Чтобы не оставлять нас с братом без присмотра, мама устроилась «надомницей» от швейной мастерской и шила одежду для фронта. Уложив нас спать и укрыв поверх одеяла кофтами, платками, пальто, она шила ночами при свете чадающей коптилки. Мы засыпали под мерный стук её машинки. Откуда брались у неё силы, я не знаю,

ведь почти всю еду она приберегала для нас. И так жили тогда, за редким исключением, очень многие.

В Тбилиси находился крупный авиационный завод, и когда начались бомбёжки, мама вместе с другими женщинами дежурила на крыше, тушила «зажигалки». Нас, детей, отправляли в «бомбоубежище», глубокий подвал с крутыми ступеньками, где было холодно и сыро. В мирное время там хранили овощи и фрукты, оберегая их от тбилисской жары. От постоянных физических нагрузок, голода и холода у мамы участились приступы жестокого ревматизма, и мы с братом просыпались по ночам от её приглушённых стонов. Видели, как она, плача, растирает свои больные ноги. К трудностям физическим добавлялась мучительная тревога за воевавших на фронте. Постоянное ожидание писем. Многие гадали на картах, кто-то прибегал к спиритическим сеансам. Но это не убавляло тревоги, не давало уверенности, а только изматывало душу.

С особой теплотой и нежностью вспоминаю наш большой и дружный двор. Здесь жили грузины и русские, украинцы и поляки, армяне и немцы, евреи, осетины, сваны, абхазцы, лезгины, греки, курды и айсоры – всего четырнадцать национальностей. Война не смогла вбить клин национализма, но лишь сплотила добрых, хороших людей, независимо от их национальности. Каждый старался помочь другому, поддержать в трудную минуту. Наша соседка, бабушка Вараник, всякий раз, когда топила печку, нагревала для нас воду. Потом брала у мамы тяжёлый чугунный утюг с откидной крышкой и заполняла его горячими красными углями. Мы успевали что-то погладить и ещё долго грели руки у тёплого утюга. Тогда еда и тепло были одинаково дефицитны, поэтому каждое полено берегли так же, как кусок хлеба.

На весь двор был всего один телефон – в семье Калтухчевых. Люди в критические минуты обращались к ним, и я не помню, чтобы кто-то получил отказ. Таких примеров взаимной поддержки было множество. Помню, как весь двор вышел провожать две немецкие семьи, которых переселяли в Сибирь и Казахстан. Позже мы всем двором помогали обустроиться семье, эвакуированной из Полтавы. Стало привычным собирать и отправлять посылки на фронт. Вместе с шерстяными носками, тёплыми шарфами, варежками и кисетами в посылки вкладывали письма от взрослых и рисунки от нас, детей.

А жизнь продолжалась. Мы с моим старшим братом, Гиви, ходили в школу: я в женскую 16-ю, он в мужскую 14-ю. Наши школы дружили, у старшеклассников были общие самодеятельные и музыкальные вечера. В 14-ой школе был даже свой вокально-инструментальный ансамбль. Учились в три смены, т.к. многие школы были переоборудованы под госпитали. Мы часто навещали раненых, ухаживали за ними, писали письма родным, пели песни. Всё это мы делали с нашей замечательной пионервожатой Леной, эвакуированной из Ленинграда. Раненые всегда нас ждали, а мы гордились, что делаем нужное дело.

Школа жила трудной жизнью. Мы занимались по старым, потрёпанным учебникам, получая их от старшеклассников, передавая затем младшим. Писали на обратной стороне разных бумаг, например, на листах использованных расчётных книжек. На большой перемене нам давали школьный завтрак: бублик, иногда маленькую булочку со следами повидла. Я, как дочь фронтовика и отличница, получила от школы бесценный подарок – «ордер» на зимнее пальто.

В те тяжёлые времена наши школьные учителя, при всех их личных трудностях, относились к нам, как к родным. Если кто-то пропускал школу, они шли к ученику домой, выясняли, что случилось, и обязательно приносили с собой школьный завтрак ученика. На своём примере они учили нас быть порядочными, добрыми, честными. Это были настоящие профессионалы. Вот что пишет в своей книге «Минное поле политики» (2007 г.) академик Е.М. Примаков, учившийся в те годы в одной школе с моим братом: «Преподаватели в русских общеобразовательных школах в Тбилиси были очень сильные.... Выпускники тбилисских школ в то время без всякого блата выдерживали конкурсные экзамены в престижные московские институты».

Это было действительно так: две мои подруги поступили в МХТИ

им. Менделеева, мои друзья-мальчишки поступили на Юридический факультет МГУ и в Плехановский институт, а я стала студенткой Химфака МГУ.

Школа привила нам любовь к чтению. Книг в продаже не было, но работали библиотеки. Библиотекари знали многих юных читателей в лицо, помогали с выбором книг. И всё же мы ещё оставались

детьми: девочки продолжали нянчиться с самодельными тряпичными куклами, мальчишки играли в «казаки-разбойники». Все вместе мы ставили во дворах детские спектакли, приглашая на них взрослых.

Наступал перелом в войне, и медленно, но верно жизнь налаживалась. По карточкам иногда выдавали сгущёнку, яичный порошок, «американскую» тушёнку и какое-то странное оранжевое масло. Маме на работе стали выделять для нас с братом путёвки в летний пионерский лагерь. Это было для неё облегчением, т.к. проблема с нашим питанием становилась менее острой. На улицах Тбилиси появились военнопленные, работавшие на разборке разрушенными бомбёжками домов. Мы не испытывали к ним ненависти и иногда тайком носили им из дома что-нибудь съестное.

Яркое воспоминание тех лет – «трофейное» кино. Магия волшебной музыки «Большого вальса», «Серенады солнечной долины», «Сестры его дворецкого». Фильмы «Вернись в Сорренто», «Песнь о любви» и многие другие. Мы начали ходить в театры: оперы и балета, драматические (их было три), оперетту, в цирк. Из наиболее запомнившихся впечатлений – балет «Эсмеральда», оперетты «Роз Мари» и «Сильва» с их чарующими мелодиями, спектакли русского драматического театра, гастролы Эмиля Кио и Юрия Дурова. Мама старалась, по возможности, поддержать эти наши увлечения.

Особенно радостным было посещение любимого русского ТЮЗа. Там всегда царила атмосфера необыкновенного праздника, яркого и светлого. Тогда в ТЮЗе работали такие выдающиеся деятели искусства, как Г.А. Товстоногов (уроженец Тбилиси) и Е.А. Лебедев. Их сценический путь начинался именно в Тбилиси. Г.А. Товстоногов затем стал главным режиссёром Тбилисского драмтеатра им. А.С. Грибоедова. Позднее они оба были приглашены в Ленинградский Большой драматический театр (БДТ). Спектакли с участием Е.А. Лебедева я запомнила на всю жизнь. Ему были подвластны абсолютно все роли: от Бабы Яги до «слуги двух господ» в одноимённой пьесе К. Гольдони, от отца Луизы в драме И. Шиллера «Коварство и любовь» до героического Павки Корчагина.

Тогда существовал «Клуб друзей ТЮЗа». На спектакли по абонементам приходили ученики женской и мужской школы. Мы с нетерпением ждали этих встреч. К этому времени выпускались стенга-

зеты, в которых серьёзно, но и с юмором освещалась жизнь наших школ. Стенгазеты вывешивались в фойе театра, и к ним трудно было протолкнуться.

В конце войны и в первые послевоенные годы начали возрождаться детские спортивные школы. Мы с братом увлеклись теннисом. Наш выбор во многом определился близостью кортов к дому. Впоследствии теннис сыграл большую роль в нашей жизни. Для способных спортсменов проводились тренировочные сборы и соревнования. Юные спортсмены бесплатно обеспечивались спортивным инвентарём, спортивной формой и питанием. Особо отличившимся спортсменам выдавали именные стипендии. Это был хороший стимул, т.к. все жили ещё очень трудно.

В первые послевоенные годы проводились Всесоюзные детские и юношеские соревнования. География проведения этих соревнований была обширной. Сборная юношеская команда Грузии по теннису часто выходила победителем этих соревнований. У нас были замечательные тренеры – Мария Владимировна Клдиашвили и Арам Герасимович Хангулян, вырастившие и воспитавшие не одно поколение хороших теннисистов. В их числе – Александр Метревели, финалист Уимблдонского турнира. Мой брат, Гиви Кокая, неоднократно становился чемпионом СССР среди юношей, а мы с моим партнёром Гиви Чахунашвили четырежды завоёвывали звание чемпионов СССР в соревнованиях смешанных пар. Победителям игр вручались ценные подарки. Я до сих пор бережно храню серебряный Кубок с выгравированной дарственной надписью и мой самый любимый подарок – чудесную лаковую шкатулку работы Палехских мастеров.

Первая наша поездка на соревнования в г. Харьков ошеломила нас. Мы ехали в общем вагоне поезда. По всей дороге были видны следы прошедших боёв. Харьковский вокзал был практически разрушен, на стенах уцелевших зданий – надписи: «Мин нет». Так мы, тбилисские школьники увидели места, где прошла война. В следующем году соревнования проходили в г. Саратове. Наша команда завоевала первое место, и Спорткомитет Грузии наградила нас поездкой на пароходе по Волге, от Саратова до Астрахани с остановками в старинных русских городах, а главное, в Сталинграде.

Увиденное в Сталинграде нас потрясло. Полностью разрушенный город, врезавшийся в остов обгоревшего многоэтажного здания немецкий самолёт. Непонятно было, где живут люди. «В землянках», – говорили нам. Нас повели в полуразрушенное здание «Музея обороны Сталинграда», где в витринах, под стеклом, находились окровавленные комсомольские билеты и предсмертные записки защитников города. Там же, в музее, хранился Почётный меч с дарственной надписью городу-герою, изготовленный по специальному заказу короля Великобритании Георга 6-го. Нам показали так и не покорённый немцами знаменитый «Дом Павлова» в центре Сталинграда и подвал универмага, из которого выводили сдавшегося в плен немецкого фельдмаршала Паулюса.

Сегодня я понимаю, что мы видели не отдельные дома, фотографии, экспонаты. Мы видели Величие народа, выстоявшего и победившего в страшной войне, когда слова «Родина», «родной дом», «патриотизм» были не просто фразами.

День Победы! Мы ждали его годы, месяцы, потом уже дни. И, наконец, он наступил! Трудно передать словами эмоции, чувства, всеобщее ликование и ощущение бесконечного счастья, охватившее всех. Но для нашей семьи это были и дни горьких, тяжёлых воспоминаний. Вернулись с войны мой отец, тётя Соня и дядя Костя, а четыре маминых брата погибли.

Привалова Л.Г. (Кокая Ламара)

Послесловие к первому изданию

Благодарим наших детей за поддержку идеи публикации воспоминаний. Особая благодарность Андрею Неверову (сыну Анатолия Неверова) за финансовое обеспечение издания, Елене Бренер (дочери Тамары Семёновой) и Татьяне Ажикиной (дочери Юлии Орловой) за постоянную и безотказную помощь при подготовке материалов.

Надеемся, что эти детские воспоминания прочтут наши внуки и правнуки (и не только наши), и это поможет им лучше понимать жизнь и быть добрее.

Авторы сборника

Послесловие ко второму изданию

Первое издание книги получило доброжелательный отклик читателей, причём не только наших ровесников, но и их детей и внуков. Второе издание сборника дополнено воспоминаниями восьми наших однокурсников.

В 2007 году исполнилось пятьдесят лет со дня окончания нами Университета. Все эти годы мы не теряли связи друг с другом, регулярно встречались на факультете. Подробнее о нашем курсе можно прочитать на сайте Химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в разделе «Встречи выпускников» (адрес:

<http://www.chem.msu.ru/rus/history/course/1957/welcome.html>).

В разделе «История факультета» размещен текст данной книги (адрес: <http://www.chem.msu.ru/rus/books/2006/zlomanov/welcome.html>).

Авторы сборника

Наши авторы

Бабина М. 1946 г.

Бабина М. 1960 г.

Семенова Т. 1942 г.

Семенова Т. 1957 г.

Орлова Ю. 1946 г.

Орлова Ю. 1957 г.

Рубцов Ю. 1947 г.

Рубцов Ю. 1957 г.

Николаева Л. 1942 г.

Николаева Л. 1957 г.

Дураков В. 1957 г.

Лысанчук Л.. 1957 г.

Бочков А. 1957 г.

Багреев В. 1957 г.

Годовикова С. 1957 г.

Акшинская Н. 1957 г.

Лишенок О. 1952 г.

Лишенок О. 1957 г.

Золин В. 1944 г.

Золин В. 1957 г.

Дьяченко А. 1957 г.

Марченкова Л. 1957 г.

Козлова Н. 1957 г.

Клеопина Г. 1957 г.

Соломченко Н. 1941 г.

Соломченко Н. 1957 г.

Пирогов О. 1944 г.

Пирогов О. 1957 г.

Крысин Е. 1957 г.

Наумов Ю. 1957 г.

Неверов А. 1946 г.

Неверов А. 1957 г.

Вараксина И. 1940 г.

Вараксина И. 1957 г.

Гусарский В. 1944 г.

Гусарский В. 1957 г.

Мушкачева Р. Л. 1957 г. Григорьева Л. 1957 г.

Бирюкова И. 1957 г. Бодрова Л. 1957 г.

Кара-Мурза С. 1941 г.

Кара-Мурза С. 1957 г.

Тенякова Л. 1947 г.

Тенякова Л. 1957 г.

Кокая Л. 1948 г.

Кокая Л. 1957 г.

Привалов В. 1942 г.

Привалов В. 1954 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Майя Бабина	7
Тамара Семёнова	12
Юлия Орлова	16
Геннадий Заиков	18
Юрий Рубцов	19
Людмила Николаева	23
Владимир Дураков	25
Людмила Лысанчук	28
Алексей Бочков	31
Светлана Годовикова	35
Владимир Багреев	36
Наталья Акшинская	39
Александр Дьяченко	41
Людмила Марченкова	43
Надежда Козлова	45
Владимир Золин	46
Ольга Лишенок	50
Нина Соломченко	55
Евгений Крысин	59
Изольда Григорьева	61
Римма Мушкачёва	63
Юрий Наумов	65
Галина Клеопина	75
Зоя Старикова	82
Анатолий Неверов	90
Олег Пирогов	96
Людмила Бодрова	111
Инга Варакина	115
Светлана Кара-Мурза	120
Лидия Тенякова	131
Владимир Гусарский	136
Ирина Бирюкова	146
Владимир Привалов	150
Ламара Кокая	156
Наши авторы	164
Послесловие к первому и второму изданиям	163

Литературно-художественное издание

КУРС О ВОЙНЕ
Воспоминания шестилеток

Химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
1952-1957 гг.

Сборник

Издание второе,
исправленное и дополненное

Подготовка оригинал-макета:

Бугачева Е.М.

Издательство «МАКС Пресс»

Издательство ООО "МАКС Пресс"

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

Подписано к печати 15.10.2008 г.

Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 10,5. Тираж 250 экз. Заказ 603
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./факс 939-3891.